

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2010

Научный диалог

Россия—Индия—Китай

Итоги саммита АТЭС в Сингапуре

Межкорейские экономические
отношения

История русской диаспоры в Японии

Вспоминая Алексея Петровича
Рогачева

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2010

Март - Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- С. Уянаев.* Завершение третьего раунда научного диалога “Россия—Индия—Китай”.....3

ЭКОНОМИКА

- М. Потапов.* 20 лет АТЭС: промежуточные итоги на фоне мирового кризиса (послесловие к саммиту в Сингапуре).....11
- С. Сазонов.* Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис (*окончание*).....20
- Ли Син, Айк Мартиросян, Чжао Чжэнь.* Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая.....33
- Л. Захарова.* Межкорейские экономические отношения при президенте Ли Мён Баке.....42

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А. Фролов.* Сотрудничество России и стран АТР в утилизации атомных подводных лодок, выведенных из боевого состава российского ВМФ.....53

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- А. Коржубаев.* О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере.....64
- Е. Кранина.* Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая.....78

© Российская академия наук, 2010 г.

© Редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” (составитель), 2010 г.

2. 4 203

ИСТОРИЯ

- Ю. Георгиев. Как И.В. Сталин изучал Японию.....89
А. Хисамутдинов. К истории русской диаспоры в Японии.....99

РЕЛИГИЯ

- М. Волков. Из истории деятельности Русской православной церкви на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии (XIX—начало XX вв.).....107

КУЛЬТУРА

- Гао Ман. Вспоминая Алексея Петровича Рогачева. К 110-летию со дня рождения.....122
Э. Осипова. Театры Дальнего Востока России и стран Северо-Восточной Азии: опыт творческих контактов.....126
В. Морозова. РФ и КНР: межкультурное взаимодействие в контексте трансформации региональной культуры (на примере Забайкальского края).....135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Ломанов. “Две тыквы на одном стебле”: проблемы современного китаеведения на конференции в Пекине.....141
Г. Локшин. Международная конференция в Ханое: станет ли Южно-Китайское море зоной региональной безопасности и развития?.....152
О. Казаков. О международной научной конференции “Япония в АТР”.....162
Г. Белоглазов. “Россия и Китай в начале XXI века” — научный семинар во Владивостоке.....170
В. Чуванкова. Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2008–2009 гг.....174

РЕЦЕНЗИИ

- В. Буров. Энциклопедия духовной культуры Китая. Т. 3. Литература, язык и письменность.....178
В. Матвеев. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства.....181
Contents.....185
Summary.....187

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Завершение третьего раунда научного диалога “Россия-Индия-Китай”

© 2010

С. Уянаев

В статье представлены дискуссии и обсуждения, состоявшиеся в рамках ежегодной научной конференции ученых-политологов России, Индии и Китая. Традиционная узловая тема этих встреч — анализ возможностей совершенствования и развития трехстороннего сотрудничества крупнейших государств Евразии. В контексте развития событий в мире участники форума рассмотрели нынешний этап отношений между тремя странами, пришли к выводу, что в формате РИК сохраняются немалые стимулы разностороннего взаимодействия, выступили с рядом предложений по дальнейшему продвижению трехсторонних связей.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, взаимодействие, сферы сотрудничества, трехсторонний формат, многополярность, Афганистан, изменения климата, чрезвычайные ситуации.

На исходе 2009 г. столица Индии в третий раз стала местом проведения ежегодного форума ученых-политологов России, Индии и Китая, которые ведут академический диалог о проблемах и перспективах взаимодействия трех стран в различных областях¹. Стартовав в 2001 г. в Москве, такого рода конференции проходят последовательно в столицах каждой из трех стран. Встреча в Нью-Дели 7–9 декабря стала уже 9-й по счету, ее проведение, таким образом, явилось завершением третьего раунда диалога. Основными участниками и своего рода “кураторами конференций” являются Институт Дальнего Востока РАН, Индийский институт китайских исследований (ИИКИ) и Китайский институт международных проблем (КИМП) МИД КНР. Встречи ученых-политологов и отставных дипломатов (как правило, Чрезвычайных и Полномочных послов) представляют собой не только важную научную площадку обмена мнениями, но и, как неоднократно отмечалось представителями правительств в России, Китае и Индии, служат источником экспертной “подпитки” трехсторонних контактов на высших официальных уровнях. Как отмечал В.В. Путин, работа политологов трех стран — это “серьезное интеллектуальное сопровождение” практического сот-

рудничества, это рекомендации “для политического уровня” относительно “того, как могло бы строиться взаимодействие в трехстороннем формате в ближайшей, среднесрочной и в долгосрочной перспективе”².

9-я Конференция в Нью-Дели прошла на базе Индийского совета по международным делам, представители которого вместе с учеными ИИКИ приняли деятельное участие в организации форума. Устроители предложили российским и китайским партнерам обсудить следующие вопросы.

- Обзор текущей международной ситуации, включая положение в Афганистане;

- Уроки глобального финансово-экономического кризиса в контексте его влияния на формирование нового международного экономического порядка;

- Борьба со стихийными бедствиями: многомерный подход и вопросы управления;

- Изменение климата: смягчение последствий, возобновляемые источники энергии, адаптация и альтернативы.

Сессионным дискуссиям предшествовало официальное открытие конференции, на котором присутствовали руководители посольств КНР и РФ. С приветственными речами выступили главы трех делегаций — экс-директор, ныне почетный сопредседатель ИИКИ М. Моханти, вице-президент КИМП профессор Жун Ин и директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко.

Примечательным моментом церемонии стал доклад, обозначенный хозяевами как “установочный” (“keynote adress”), с которым выступил профессор дельийского Института проблем мира и международных конфликтов М.К. Палат. В докладе, распространенном в виде отдельной брошюры, прозвучал ряд весьма дискуссионных положений. Речь шла об основных тенденциях современного мирового развития, о характере различного рода связей внутри “тройки” и каждой из трех стран с США, об “оправданности” американской “доминирующей” и “регулирующей роли”, о вытекающих из этого “ограниченных” перспективах трехстороннего взаимодействия.

Так, докладчик дал весьма категоричную оценку многополярному принципу построения мирового порядка, заявив, в частности, что “неизбежные последствия”, которые ждут человечество при многополярности — это “массовые конфликты и разрушения, наподобие пережитых им в ходе мировых войн прошлого столетия”. Напротив, однополярный мир под руководством США, при всех его изъянах, способен, по мысли автора, “защитить” планету от военных катаклизмов. Индийский эксперт подчеркнул сохраняющуюся “неоспоримость” лидирующей роли США, отметил “эффективность” и “качественность” американской политики, которая в последнее время, по его словам, “все большее опирается на многосторонние институты”. Заявив, что многополярность “не имеет каких-либо рациональных преимуществ” перед нынешним американским однополярным доминированием, докладчик выразил мнение, что “наиболее приемлемым” сценарием на будущее является “сохранение в мире нынешнего положения вещей”. Что касается целей и перспектив формата РИК, то в представленном контексте “тройка”, по мнению докладчика, должна “освободиться от стратегических амбиций”, причем сотрудничество в ней “может быть продуктивным лишь в экономической сфере”.

Не ставя целью детальный анализ доклада, имеет смысл, тем не менее, несколько отвлечься от прямой хронологии конференции и остановиться на двух моментах.

Во-первых, речь идет о подходах к перспективам мировой политической архитектуры, имеющим принципиальное значение в контексте внешнеполитического взаимодействия в РИК. Построение справедливого полицентричного миропорядка является общим приоритетом для трех стран, что, в частности, в той или иной форме неизменно находит отражение в коммюнике регулярных встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая. Укрепление связей между тремя странами, как подчеркивалось, к примеру, в документе по итогам последней такой встречи в Бангалоре (октябрь 2009 г.), “усиливает их воздействие на процесс демократизации международных отношений, формирование многополярного миропорядка”³.

Споры и дискуссии на тему “многополярность—однополярность” не утихают в мировой политологии уже далеко не один год⁴. Без претензий на роль арбитра в этом самостоятельном и непростом вопросе, отметим лишь, что аргументы каждой из сторон (тезисы профессора К.М. Палата с очевидностью выдержаны в идейном русле одной из них) имеют свою внутреннюю логику. Применительно к позиции индийского политолога она заключается в том, что, по меньшей мере, абстрактно, многополярный мир действительно чреват относительной неустойчивостью, проистекающей из потенциального соперничества нескольких “центров”. Проблема в том, до какой грани может простираться такое соперничество. Позиция сторонников однополярности, весьма выпукло отраженная в докладе К.М. Палата, категорична: многополярный мир — это “почти непременные мировые войны”. Однако именно здесь возникают серьезные вопросы. Является ли “разрушительный” сценарий столь однозначно детерминированным? Усиливающаяся с развитием глобализации взаимозависимость государств, рациональное осознание ими итогового взаимного проигрыша в случае крупных универсальных конфликтов, наконец, инстинкт самосохранения в условиях всеобщей вооруженности — неужели все это только иллюзии, не дающие возможности удержать многополярный порядок от скатывания к примитивным военным методам соперничества? И, напротив, не слишком ли большая цена за “преимущества однополярности” уже заплачена в том же Ираке, где после несанкционированного ООН американского вторжения погибли сотни тысяч человек, причем десятки жизней война продолжает уносить и сегодня?⁵ Не случайно концепции многосторонности и многополярного мира при всей их дискуссионности включаются сегодня в официальные внешнеполитические декларации не только стран, которые принято относить к разряду геополитических конкурентов США, но и государств, являющихся союзниками Вашингтона по НАТО, например Италии⁶.

Во-вторых, в подтверждение своего тезиса о целесообразности “отказа” стран РИК от “стратегических амбиций” и “разумности” следования “примеру ЕС”, который выстраивает “общую с США линию поведения, более того, даже подчиняет себя Соединенным Штатам”, К.М. Палат привел весьма вольную трактовку положения, содержавшегося в основном докладе российской делегации на 7-й научной конференции в Москве (ноябрь 2007 г.). По утверждению индийского эксперта, в этом докладе якобы признавалось, что “двусторонние отношения с США являются для стран РИК более приоритетными”, чем отношения в самой “тройке”⁷. Между тем, в русском оригинале цитируемой М.К. Палатом фразы говорится буквально следующее: “каждая из трех стран рассматривает двусторонние отношения с США в числе главных приоритетов своей многовекторной внешней политики”⁸ (курсив мой — С.У.). Трудно сказать, имели ли место неточности перевода, но разница в расставленных акцентах очевидна, причем имеет

принципиальный характер. Более того, позиция индийского докладчика о “пользе” фактического “встраивания” РИК в политику США находится в заметном противоречии с официальными базовыми постулатами политики каждой из трех стран, включая Индию, которые неизменно декларируют принципы суверенитета и самостоятельности своего внешнеполитического курса, демонстрируют намерение играть значимую роль в мировых делах⁹. В РФ, к примеру, сегодня достаточно осторожно подходят к так называемой “перезагрузке” отношений с США, в том числе за счет КНР или Индии. В свою очередь в Китае, признавая очевидную важность отношений с США, на официальном уровне избегают выделения их в особую категорию, рассматривая в общем контексте отношений КНР с “крупными странами”, куда Пекин относит и РФ, причем упоминание российско-китайских отношений в соответствующих декларациях зачастую следует первым¹⁰.

Возвращаясь непосредственно к событиям конференции, отметим, что в ее кулуарах индийские политологи отметили, что вынос сообщения М.К. Палата в начало форума не носил какого-то целевого характера, а само выступление отражало лишь мнение “независимого исследователя”. И, хотя “установочный доклад” выглядел весьма симптоматичным, он был воспринят участниками без излишнего драматизма.

Показательно, что в ходе дальнейших заседаний идеи вышеназванного выступления не получили сколько-нибудь заметного развития. Докладчики и дискуссионты каждой из трех сторон подчеркивали позитивный характер развития сотрудничества в трехстороннем формате, указывали на значение взаимодействия в РИК в контексте происходящего в последние годы продвижения к демократизации международных отношений и полицентричному миру. В этой связи были положительно оценены итоги встречи трех министров иностранных дел в Бангалоре. Особенностью этой части дискуссий стал озвученный в одном из основных докладов индийской стороны (доклад А. Ачария) тезис о том, что в условиях экономической глобализации и усиления взаимозависимости параллельно в мире “обостряются конкурентные начала”, что ведет к “росту политического, экономического и культурного национализма отдельных стран”. По мнению автора, эта тенденция является “вызовом эффективности трехстороннего сотрудничества”, которое в дальнейшем, согласно этой мысли, в большей степени “должно делать упор на усилении регионального партнерства”.

Большое внимание участники дискуссии уделили *положению в Афганистане* и вокруг него. Исходя из позиций стран РИК, были обсуждены объявленные с 1 декабря с.г. шаги администрации Б. Обамы в рамках “новой афганской стратегии США”. Выявилась высокая степень согласия в оценках узловых пунктов афганского урегулирования. Ими были признаны: бесперспективность сугубо военных способов решения проблемы; необходимость итогового вывода иностранных военных контингентов с территории Афганистана; обеспечение условий для того, чтобы сам афганский народ в лице своей легитимной власти решал вопросы обустройства собственной страны; центральная роль стран региона в поддержании мира и стабильности в этом районе мира.

Было обращено внимание на то, что в декларациях Вашингтона на фоне увеличения численности войск по-прежнему полностью обходится стороной вопрос о сроках их полного и окончательного вывода. Это оставляет без ответа вопросы относительно конечных целей политики США в Афганистане и в регионе в целом. В подходах китайских и индийских партнеров традиционно выявились

определенные различия, в основном в оценке пакистанского фактора. Если китайские представители подчеркивали позитивную роль Исламабада в борьбе с афганским терроризмом, призывали к поддержке Пакистана, чтобы “не допустить опасной для всех “афганизации” этой страны”, то индийские эксперты, напротив, выражали озабоченность ролью пакистанского руководства, “демонстрирующего как минимум неспособность эффективно бороться с лагерями движения Талибан на территории Пакистана, из которых, по мнению хозяев конференции, исходит террористическая угроза и осуществляются конкретные трансграничные вылазки, в том числе в отношении Индии.

В анализе истоков мирового финансово-экономического кризиса и путей преодоления его последствий участники дискуссий проявили близость подходов и оценок. Было подчеркнуто, что эффективно противостоять кризису можно лишь совместными усилиями международного сообщества. Отмечалась важность таких мер, как ограничение протекционизма, реформирование международной финансовой системы в направлении справедливости, рациональности и прозрачности, обеспечение сбалансированного развития мировой экономики. Последняя мысль особенно акцентировалась китайскими участниками в части, касающейся отношений между развитыми и развивающимися рынками. Прозвучали позитивные оценки результатов, достигнутых на данных направлениях в ходе трех саммитов группы “G-20”, подчеркивалось значение антикризисного сотрудничества в рамках БРИК, включая встречи, которые проводились министрами финансов стран-участниц. Делегаты высказались в пользу дальнейшего развития взаимодействия России, Китая и Индии по антикризисной тематике как в рамках “G-20” и других международных форматов, так и по линии практического двустороннего и трехстороннего экономического сотрудничества. Стороны пояснили характерные особенности страновых антикризисных программ, при этом все делегаты отметили успешность их реализации в Китае и Индии — странах, которые первыми преодолевают последствия кризиса и являются мотором оздоровления мировой экономики в целом.

Ряд заслуживающих внимания внешнеполитических вопросов обсуждался также в кулуарах конференции. Так, некоторые индийские эксперты весьма прохладно отозвались об итогах недавнего визита М. Сингха в США (ноябрь 2009 г.), отметив, в частности, что реализацию многих интересующих Индию двусторонних проектов, в том числе в ядерной сфере, американцы обставляют “трудными условиями”.

Несмотря на ряд особенностей и оттенков в подходах каждой из стран, участники конференции солидарно признали, что глобальное и региональное внешнеполитическое взаимодействие по-прежнему является важной стороной трехстороннего сотрудничества. В частности, этот суммирующий взгляд нашел отражение в итоговом совместном заявлении, одобренном участниками конференции.

Значительная часть работы конференции была посвящена трехстороннему сотрудничеству в области борьбы с чрезвычайными ситуациями, а также в сфере, связанной с изменениями глобального климата.

В основных докладах и отдельных выступлениях участников конференции четко прозвучала озабоченность нарастанием отрицательных последствий природных катаклизмов для социально-экономического развития трех стран, особенно на фоне глобального потепления. Всеми участниками заседания была подчеркнута необходимость тесного сотрудничества России, Китая и Индии по

всему спектру вопросов, связанных с проблемой стихийных бедствий. Более того, участники заседания, в первую очередь индийские ученые, активно поддержали предложение российской стороны рассматривать проблему стихийных бедствий комплексно как в естественно-научном, так и в гуманитарном аспектах. При этом индийская сторона выдвинула предложение относительно совместной выработки основ заключения трехстороннего соглашения о сотрудничестве в области реагирования на стихийные бедствия и снижения их рисков.

Китайский представитель отметил положительное значение состоявшихся в июле 2008 г. в Самаре и в ноябре 2009 г. на о. Хайнань профильных встреч специалистов России, Китая и Индии, работающих в области ликвидации последствий стихийных бедствий¹¹. Он весьма тепло отозвался об участии российских и индийских спасателей в ликвидации последствий Сычуаньского землетрясения в мае 2008 г., выразив при этом большую благодарность за предоставленную помощь.

Обратил на себя внимание тот факт, что и китайская, и индийская стороны на фоне стартовавшего в те дни Копенгагенского саммита явно старались обойти “острые углы”. Тем не менее, в обстоятельном докладе индийского представителя прозвучал тезис об исторической ответственности России за выбросы двуокиси углерода, тогда как дело Индии и Китая — забота о будущих эмиссиях парниковых газов. Им же было выдвинуто предложение об использовании российского природного газа для экологизации структуры топливно-энергетического баланса Китая и Индии.

Другой примечательной стороной обсуждений стало то, что в содержании и направленности докладов китайских и индийских партнеров просматривалась солидарность. В какой-то мере это, видимо, объясняется тем, что 21 октября 2009 г. в Нью-Дели руководители Государственного комитета КНР по делам развития и реформ и Министерства окружающей среды и лесного хозяйства Индии подписали Соглашение между правительствами Китая и Индии о сотрудничестве в области противодействия изменению климата¹².

Доклад китайского представителя по вопросам климата был сосредоточен на политических аспектах трехстороннего сотрудничества, содержал призыв к координации действий в сфере противодействия изменениям климата, в том числе в рамках профильных международных переговорных площадок. Примечательно, что китайский представитель сделал акцент на том, что Россия, в отличие от Индии и Китая, относится к разряду “развитых стран”, т.е. по классификации Киотского протокола РФ принадлежит к иной категории. Сославшись, в числе прочего, на заявление Президента РФ Д. Медведева о том, что главная задача России — это экономическое развитие, докладчик квалифицировал Россию, Индию и Китай как “три главные возрождающиеся мировые силы”. Еще одно предложение китайского представителя касалось создания механизма трехстороннего сотрудничества в области развития низкоуглеродной экономики.

По завершении заседаний участники конференции были приняты Государственным министром МИД Индии г-ном Шаши Тхаруром (Dr. Shashi Tharoor). Он высоко отозвался о значении трехстороннего взаимодействия в РИК, подчеркнул успешный характер встречи трех министров иностранных дел в Бангалоре, обратил внимание на активное развитие трехстороннего диалога. Как отметил госминистр, этот диалог продвигается не только по линии МИД, но и между представителями ведомств, отвечающих за вопросы сельского хозяйства, борьбы с чрезвычайными ситуациями, здравоохранения, а также между пред-

ставителями деловых сообществ трех стран. В этой связи Ш. Тхарур выделил важность регулярных трехсторонних встреч, проводимых академическими кругами, отметил востребованность ведущейся ими совместной работы, которая призвана дать “долговременный взгляд” на перспективы трехстороннего сотрудничества. Отвечая на прозвучавшие в ходе беседы вопросы, госминистр подчеркнул позитивный характер развития международного сотрудничества в различных международных форматах, таких как “G-20”, БРИК и ряд других, отметив при этом, что сотрудничество в РИК имеет предметом “свой собственный круг вопросов”. Касаясь в данном контексте конкретно политики Индии, Ш. Тхарур сделал важное замечание о том, что курс Дели за последние десятилетия претерпел показательную эволюцию — от неприсоединения до своего рода мультиприсоединения, которое отражает участие Индии в самых разнообразных международных форматах и объединениях. Отдельно Ш. Тхарур коснулся итогов завершившихся накануне в Москве индийско-российских переговоров. Они были названы “очень успешными”, отмечена важность подписанных соглашений, в частности, в ядерной сфере, а также Совместной декларации, которая, по словам госминистра, отразила дальнейшую “конвергенцию интересов двух стран”.

В ходе заседаний директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко пригласил индийских и китайских партнеров принять участие в 10-й трехсторонней конференции, которая в порядке очередности пройдет в России. Предложение было с благодарностью принято, причем партнеры подчеркнули особый, юбилейный характер будущего форума.

По итогам заседаний участники приняли совместный документ. В нем были подведены итоги проделанной работы, выдвинуты предложения по дальнейшему развитию трехстороннего академического диалога, в том числе путем более тесной координации исследований, проводимых тремя Институтами — организаторами конференций. Приступив к подготовке к 10-й конференции РИК, которая осенью 2010 г. откроет уже четвертый раунд трехстороннего научного диалога, ученые России, Индии и Китая намерены продолжать вносить свой вклад в дело продвижения взаимодействия трех крупнейших государств Евразии.

Оценивая характер нынешнего сотрудничества в РИК, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров использовал недавно формулу: “это уже устоявший международный формат”¹³. “Трехстороннее сотрудничество вступило в новый исторический этап”, — поддержал его китайский коллега Ян Цзечи¹⁴.

Характер и уровень таких оценок — хорошая предпосылка позитивных перспектив российско-китайско-индийского сотрудничества. Однако успех вряд ли будет автоматическим. Его достижение требует дальнейшего накопления взаимовыгодных стимулов, долговременных, целенаправленных и продуманных усилий, в том числе со стороны академического сообщества.

1. Материалы предыдущих конференций см.: Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления. М., 2004. Т. 1–2; Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 6–25; 2005. № 5. С. 11–31; 2007. № 1. С. 16–32; 2008. № 1. С. 11–16; 2009. № 2. С. 14–24.
2. Официальный сайт Президента России. – http://archive.kremlin.ru/appears/2007/11/12/1858_type63377type63380_150937.shtml.
3. Совместное коммюнике 9-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Бангалор, 27.10. 2009 г. – http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/384b96ce1e6dec94c3257662004b9409?OpenDocument.

4. См. например: Лукьянов Ф. Проект по-прежнему актуален // Стратегии России. 2009. № 1. — http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1232713862&archive=1232714081&start_from=&ucat=14&; Джордж Е. Эпоха великой переоценки // Россия в глобальной политике. 2009. № 4. — <http://www.globalaffairs.ru/numbers/39/12352.html>.
5. По данным некоторых международных комиссий, проводивших исследования на основе масштабных опросов иракского населения, только за три года войны в стране могло погибнуть свыше 600 тыс. человек. См.: Число жертв иракской войны перевалило за полмиллиона. — <http://www.utro.ru/articles/2006/10/11/591710.shtml>.
6. Москве и Риму нужен многополярный мир. Премьер Италии дал интервью “Российской газете” 03 марта 2007 г. — <http://www.rg.ru/2007/03/13/prodi.html>.
7. М.К. Палат ссылается на публикацию: Titarenko M.L. Russia—China—India: Interaction in the Context of International Policy // China Report. 2008. Vol. 44. P. 361—369.
8. См.: Международный контекст трехстороннего взаимодействия (Выступление на 7-й научной конференции РИК, М., окт. 2007 г. // Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 516—523.
9. См. например: Эксклюзивное интервью министра иностранных дел Индии. 04.05.2009 — <http://rodon.org/polit-090514094617>; India's New Foreign Policy Strategy. By C. Raja Mohan. Strategic Affairs Editor The Indian Express, New Delhi. — <http://www.carnegieendowment.org/files/Mohan.pdf>.
10. Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи о внешнеполитической деятельности КНР за 60 лет ее существования // Жэньминь жибао он-лайн. 26.08.2009. — <http://russian.people.com.cn/31521/6739352.html>.
11. См. п. 4 Совместного коммюнике 9-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Бангалор, 27 октября 2009 года. — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/384b96ce1e6dec94c3257662004b9409?OpenDocument.
12. Официальный сайт МИД КНР, 22.10.2009. — <http://www.mfa.gov.cn/rus/yfgk/t622394.htm>.
13. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам 9-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая в Бангалоре, 27 октября 2009 года. — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/ef6b35912a3379f0c325765d002d2c71?OpenDocument
14. Ян Цзечи принял участие во встрече глав МИД Китая, России и Индии. Жэньминь жибао. 28.10.2009. — <http://russian.people.com.cn/31520/6795837.html>.

Экономика

20 лет АТЭС: промежуточные итоги на фоне мирового кризиса (послесловие к саммиту в Сингапуре)

© 2010

М. Потапов

Автор анализирует итоги мероприятий АТЭС в Сингапуре, в которых принимал участие. Дается оценка роли форума в нынешних условиях выхода из мирового финансового кризиса и в будущем, с точки зрения перспектив торгово-экономической либерализации и интеграции в регионе.

Ключевые слова: Сингапур, АТЭС, мировой финансовый кризис, Богорская декларация, зоны свободной торговли.

С 9 по 15 ноября 2009 г. в Сингапуре прошли мероприятия форума АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество): ежегодный межгосударственный саммит, Деловой саммит и итоговое заседание Делового консультативного совета (автор участвовал от ОАО "Газпром" в мероприятиях по линии деловых кругов).

Круг вопросов, обсуждаемых в рамках АТЭС, неуклонно расширяется. Сингапурский форум фактически стал событием торгово-политического масштаба, он способствовал координации позиций стран по противодействию международному терроризму, борьбе с коррупцией, эпидемиями, предупреждению и ликвидации последствий стихийных бедствий, изменений климата, различным аспектам укрепления региональной безопасности.

Рекомендации Делового консультативного совета

Деловой консультативный совет (ДКС) играет уникальную роль в качестве организатора взаимодействия Форума с деловыми кругами региона. На ежегодных саммитах он представляет лидерам стран и территорий АТЭС¹ доклад с обобщенными рекомендациями частного сектора по реализации программных документов Форума, улучшению делового и инвестиционного климата в АТР.

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, начальник отдела международных организаций Департамента внешнеэкономической деятельности ОАО "Газпром". E-mail: mpotapov@gazprom.ru.

Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00057 а/р.

Эти рекомендации, ставящие решения Форума на конкретную практическую почву, пользуются вниманием и доверием у всех членов АТЭС.

В заседании ДКС, прошедшем 9–11 ноября 2009 г., участвовали по три представителя деловых кругов от каждой из 21 страны (территории), входящей в АТЭС. Россию, соответственно распоряжению президента РФ, представляют ОАО “Газпром”, банк “ВТБ” и компания “Базовый элемент”.

Работа ДКС, проходившей под председательством страны-хозяйки саммита Сингапура, включала проведение четырех заседаний. Выработка рекомендаций доклада осуществлялась в рабочих группах по вопросам либерализации, по облегчению бизнеса, по финансам и экономике, по устойчивому развитию (к последней относится и энергобезопасность), по индивидуальным планам действий², по людским ресурсам экономик АТЭС. По итогам трех заседаний, проведенных в Веллингтоне (Новая Зеландия) в феврале, в Бандар-Сери-Бегаване (Бруней) в мае и в Дананге (Вьетнам) в августе, был подготовлен ежегодный доклад ДКС с наиболее важными рекомендациями лидерам стран АТЭС. Проблематика доклада включает вопросы противодействия мировому финансовому кризису, достижения целей Богорской декларации АТЭС³, изменения климата, энергетической безопасности, углубления экономического, финансового и технического сотрудничества в целях развития, формирования благоприятной торговой и инвестиционной среды, укрепления защиты прав интеллектуальной собственности, предупреждения и борьбы с эпидемиями и т.д. ДКС внимательно следит за тем, как выполняются его ранее представленные рекомендации. Для этих целей Совет, по сложившейся традиции, подготовил предварительный доклад (*Interim Report*) для министров экономики и торговли стран АТЭС к вышеупомянутой летней встрече в Дананге.

В ходе встречи-диалога членов ДКС с лидерами государств и территорий АТЭС, прошедшей 14 ноября 2009 г., им были представлены основные положения годового доклада ДКС. Вслед за кратким приветствием премьер-министра Сингапура *Ли Сянь Луна* члены ДКС пятью группами по 11–12 чел., сформированными по жребию, провели неформальный диалог с группами из четверых лидеров. Проблематика перекликалась с основными блоками рекомендаций годового доклада ДКС. Члены Совета от России беседовали с президентом РФ *Д.А. Медведевым*, с руководителями Брунея, Вьетнама, Канады, КНР, Малайзии, Мексики, Перу, Республики Корея, Таиланда, Тайваня, Японии.

По ходу диалога лидеры АТЭС поддержали деятельность ДКС, высоко оценили выработанные им рекомендации. Нашими представителями был акцентирован вопрос инвестиционного сотрудничества для обеспечения энергетической безопасности в АТР. Обсуждалась также проблематика продвижения переговоров ВТО, формирование зоны свободной торговли в АТР, национальные антикризисные программы по стимулированию внутреннего спроса и поддержке промышленности, ситуация с валютными курсами доллара в мировой экономике, переговоры об изменении климата и др. Лидеры в целом согласились с рекомендациями, содержащимися в представленном докладе ДКС. Продуктивность этих собеседований отметил на итоговой пресс-конференции по итогам саммита премьер-министр Сингапура.

Главной темой обсуждения с лидерами стали меры по *выходу из мирового кризиса и послекризисному развитию*. При этом отмечалась необходимость восстановления финансовых рынков, поддержки финансирования торговли, повышения доступности кредитных ресурсов МВФ и многосторонних банков разви-

тия. Члены ДКС выступают за продолжение двустороннего и многостороннего сотрудничества, особенно в рамках “Группы 20”, для выработки дополнительного механизма по обеспечению деятельности международного бизнеса. Ставится задача всестороннего использования механизмов, способствующих восстановлению как внутреннего, так и глобального спроса. ДКС твердо заявил о недопустимости расширения протекционизма и излишнего государственного субсидирования в экономике и торговле, призвал лидеров воздержаться от возведения новых барьеров на пути товаров, услуг и инвестиций, от введения новых экспортных ограничений или мер по стимулированию экспорта, несовместимых с принципами ВТО.

Особо была выделена тема *энергетической безопасности*. Она определена в годовом докладе ДКС как приоритет устойчивого экономического развития и выделена в постоянный раздел ежегодных докладов лидерам стран региона. В этом разделе указано на необходимость проведения следующих мероприятий:

- повышение энергобезопасности, энергоэффективности и совершенствование энерготехнологий;
- разработка долгосрочных стратегических рамок энергетической безопасности в регионе;
- сокращение выбросов парниковых газов;
- ежегодное проведение встреч министров энергетики стран-членов АТЭС (очередная состоится 19–20 июня 2010 г. в Фукуи, Япония).

На заседаниях ДКС в 2009 г. американская сторона представила обновленное исследование Стратегических рамок энергетической безопасности в регионе АТЭС, подготовленное экспертами центра “Восток-Запад” (Гонолулу). Оно охватывает 4 блока проблем:

- диверсификацию видов используемых энергоресурсов и источников их поставок;
- управление спросом на энергоносители методами энергосбережения и повышения энергоэффективности;
- улучшение функционирования энергетических рынков;
- использование экологически “чистой” энергии и технологических инноваций.

В исследовании подчеркнута роль природного газа как экологически чистого топлива, объективная необходимость долгосрочных контрактов для обеспечения финансирования инвестиций в строительство трубопроводов и государственной поддержки крупных многосторонних инфраструктурных проектов.

В ходе заседания ДКС было принято решение о ежегодном, в течение 2009–2012 гг., проведении *Энергетических форумов ДКС* непосредственно перед деловыми саммитами АТЭС. При этом подчеркнута особая роль стран-хозяек саммитов АТЭС с точки зрения энергетической проблематики: Сингапура — как эффективного энергетического рынка, Японии — как эффективного потребителя энергии, США — как важнейшего потребителя энергии, влияющего на мировой спрос, России — как ведущего мирового производителя и поставщика энергоносителей. Предполагается, что в таких энергетических саммитах будут участвовать руководители энергетических компаний, представители правительственных кругов. По результатам этих форумов предполагается разработка свода рекомендаций по проблемам энергобезопасности для лидеров АТЭС. В перспективе на основе этих рекомендаций возможно принятие Энергетической декларации АТЭС.

Первый энергетический форум ДКС состоялся 12 ноября 2009 г. там же, в Сингапуре. Он был посвящен проблематике будущего энергоносителей, удовлетворению спроса на энергию посредством диверсификации, повышения энергоэффективности. В последующем аналогичные форумы состоятся в Японии (2010 г.), тематика — управление спросом на энергоносители, энергосбережение и энергоэффективность; в США (2011 г.) — об экологически чистом использовании энергии, технологических инновациях; в России (2012 г.) — предположительно, по вопросам сотрудничества в области энергетики государственного и частного секторов, национальных и международных компаний.

В ходе диалога ДКС с лидерами были обсуждены и другие ключевые темы:

— О практических шагах по завершению *Дохаcского раунда ВТО*⁴ к концу 2010 г., что особенно важно для сфер производства и экспортного субсидирования, это может быть достигнуто лишь через разумные компромиссы между основными группами переговаривающихся сторон (США—ЕС—развивающиеся страны); прежде всего по вопросам торговой политики сельхозпродуктами (облегчение доступа на рынок, снижение импортных тарифов, сокращение экспортных субсидий).

— О дальнейшем движении к экономической интеграции, либерализации торговли и инвестиций в АТР. Лидерам предложено определить к середине 2010 г. в качестве конкретного шага рамки переговоров по созданию *зоны свободной торговли* и принять на саммите АТЭС в 2010 г. решение об их начале. Исследования ДКС, выполненные с участием авторитетных экспертов из ведущих научных институтов региона, подтверждают, что идея такой зоны торговли представляет собой хороший вариант использования положительных сторон заключаемых в последние годы двусторонних и многосторонних (субрегиональных) торговых соглашений для реализации целей Богорской декларации АТЭС⁵. Среди последних примеров — *“Транстихоокеанское партнерство”*⁶, о намерении присоединиться к которому заявили США в ходе саммита АТЭС.

— Об *активизации инвестиционных потоков*, требующей, по мнению ДКС, продолжения процесса либерализации инвестиционного климата, включая обеспечение большей прозрачности законов и процессов принятия решений, а также о продолжении сотрудничества с ведущими международными организациями по привлечению инвестиций. Рекомендовано активизировать инвестиционное сотрудничество в регионе во взаимосвязи с выполнением Плана действий по упрощению инвестиционных процедур.

— *Касаясь содействия торговле*, ДКС выступил за ускорение процесса унификации таможенных процедур, отказ от принятия законов и актов протекционистского характера, за разработку плана использования в регионе стандартной системы безопасности торговли; в годовой доклад Совета включены рекомендации по реализации второго плана действий, включающего обязательства лидеров АТЭС сократить к 2010 г. издержки, связанные с разного рода формальностями при подготовке и реализации торговых операций, на 5% (дополнительно к аналогичному снижению, достигнутому за 2001–2006 гг.); подчеркнута необходимость присоединения оставшихся трех стран — США, Канады и России — к программе Карты деловых поездок АТЭС (безвизовых поездок по странам региона) в полном объеме через минимальный (до трех лет) переходный период⁷.

— *Касательно развития региональных финансовых рынков* ДКС выступает за всестороннее содействие сотрудничеству и согласованную политику по мониторингу международного движения капитала с целью минимизации нега-

тивных последствий для глобальных финансовых рынков. Предусматривается мониторинг выполнения кодексов корпоративного управления. В числе предлагаемых мер фигурирует создание системы финансовой инфраструктуры для содействия финансированию малых и средних предприятий (включая более предсказуемую правовую архитектуру надежных кредитов), устранение двойного налогообложения и различий в налогообложении национальных и иностранных инвесторов и др.

— По вопросу смягчения влияния *изменения климата* рекомендовано следовать трем условиям: участию в них главных стран-эмитентов, установлению для каждой национальной экономики объективных и справедливых показателей сокращения выбросов парниковых газов, гибкому и диверсифицированному подходу с учетом ситуации в каждой конкретной стране. Подчеркнута важность государственно-частного партнерства в развитии новых технологий, секторального подхода к улучшению энергоэффективности в отраслях, производящих выбросы, передачи технологии развивающимся странам на рыночных условиях, мобилизации частных фондов.

— Совет высказал рекомендации и по вопросам повышения цен на продукты питания, включая растущую напряженность в связи с прогнозируемым дефицитом *продовольствия*. ДКС призвал лидеров вновь рассмотреть и подтвердить свои обязательства по Продовольственной системе АТЭС⁸.

Разрабатывая долгосрочные решения по выходу из кризиса, правительства должны, по его мнению, обращать особое внимание на запасы продуктов питания, предусмотренные Продовольственной системой.

— ДКС поддержал *промышленные диалоговые механизмы* в рамках АТЭС — такие направления как форум инноваций в области наук о жизни человека (биология, медицина, антропология), создание соответствующего центра в Сеуле; диалог в области автопрома (реализация проекта использования защитных шлемов в Индонезии и безопасности езды на мотоциклах, программы ускорения таможенной очистки и др.); диалог по химической промышленности (разработка унифицированных законов по торговле химикатами, выполнение системы ООН по их классификации и маркировке).

— Рекомендации Совета затронули и *поддержку развития малых и средних предприятий* с учетом их важной роли в экономиках АТЭС через внедрение специальных программ поддержки по технологической инфраструктуре (прежде всего в области информационно-коммуникационных технологий), меры финансово-кредитной поддержки, подготовку кадров и пр.

Заседание ДКС согласовало программу дальнейшей деятельности. *Главные приоритеты работы в 2010 г.* охватывают оценку выполнения первого этапа Богорских целей — формирования к 2010 г. системы свободной и открытой торговли и инвестиций в АТР для развитых стран (США, Канады, Японии, Австралии, Новой Зеландии и Сингапура); укрепление структур экономик региона для сбалансированного роста; достижение более тесной региональной интеграции — в частности, посредством реализации зоны свободной торговли; энергетическую безопасность и др. Предусмотрено 4 заседания: в феврале в Мельбурне, в мае в Тайбэе, в августе — в Бангкоке и 8–10 ноября в Иокогаме, где 11–14 ноября пройдут Деловой и межгосударственный саммиты АТЭС. *Годовой доклад ДКС* лидерам стран АТЭС будет подготовлен к третьему заседанию Совета в августе 2010 г. Работа заседания по выработке основных рекомендаций доклада будет проходить в пяти группах: по вопросам либерализации, по вопросам облегчения

бизнеса, по финансам и экономике, по устойчивому развитию (с включением вопросов энергобезопасности), по планам действий и человеческим ресурсам.

Деловой саммит АТЭС

Вслед за заседанием ДКС в Сингапуре состоялся *Деловой саммит АТЭС* с участием около 1200 представителей деловой элиты из 34 руководителей крупнейших предпринимательских структур стран и территорий АТР, включая Россию. Основная тема саммита в этом году: "Восстановление глобальной экономики: кризис и открывающиеся возможности". Были обсуждены актуальные вопросы, связанные с формированием позиции деловых кругов АТР по финансовому кризису, перспективам АТЭС, дохасскому раунду ВТО, региональным интеграционным группировкам, развитию энергетики и изменению климата во взаимосвязи с обеспечением экономического роста, формулированию ответов на вызовы экономической, налоговой и структурной реформ.

На саммите выступили лидеры Австралии, Вьетнама, Китая, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, РК, России, Сингапура, Таиланда, Чили, Японии, представитель Президента США, президент Всемирного банка. В ключевом докладе на тему "Глобальная экономическая повестка: приоритеты для действий" президент России *Д.А. Медведев*, в частности, подчеркнул, что введенные в 2009 г. Россией протекционистские меры по защите отечественных отраслей промышленности носят временный, краткосрочный характер⁹. По мере выхода из кризиса они будут отменены. Российский лидер подтвердил приверженность своей страны принципам ведения свободной торговли. *Председатель КНР Ху Цзиньтао* в своем выступлении отметил, что хотя мировая экономика демонстрирует признаки стабилизации, говорить о выздоровлении еще рано. Важно использовать кризис как удобную возможность исправления экономической ситуации. В этой связи следует приложить усилия для борьбы против протекционизма во всех его проявлениях¹⁰, в поддержку переговоров ВТО, за ускорение региональной интеграции в АТР, реформу международной финансовой системы в целях усиления позиций в ней развивающихся стран, создание модели ускоренного экономического развития за счет внедрения инноваций.

Представитель президента США на торговых переговорах *Р. Кирк* в своем выступлении отметил приоритетное значение АТР и АТЭС для новой американской администрации с точки зрения экономических связей, "поскольку экономика региона способствует созданию рабочих мест в США". Он подчеркнул, что США "должны меньше потреблять и больше производить", а азиатские страны, напротив — шире развивать внутреннее потребление. Оценивая роль и влияние АТЭС в мировой экономике, премьер-министр Австралии *К. Рудд* сказал, что видит заслугу форума в том, что он способствует снятию барьеров в торговле и в этом направлении есть определенные успехи. Важно, что ежегодные саммиты АТЭС способствуют сближению позиций и решению общих проблем между странами, включая не только торговлю, но и такие новые для АТЭС области как взаимную безопасность, изменение климата.

Основные экономические решения саммита АТЭС

В обнародованной 15 ноября декларации лидеров стран/регионов АТЭС сформулированы черты новой стратегии роста в XXI столетии, обеспечивающей выход из мирового кризиса¹¹. Выделим ее ключевые моменты:

— необходимость структурных реформ в целях сбалансированного устойчивого роста, создания благоприятных условий для частного предпринимательства, инвестиций и инноваций, развития финансовых рынков;

— важность снижения барьеров в торговле, инвестиций в сфере экологических товаров и услуг, недопустимость возведения новых преград в торговле;

— постепенное снижение субсидирования топлива в среднесрочной перспективе;

— продолжение изучения моделей создания азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли, используя опыт уже созданных ЗСТ;

— сокращение на 25% к 2015 г. стоимости, продолжительности и количества бюрократических процедур для открытия нового бизнеса, получения кредита, заключения контрактов, получения разрешений на трансграничную торговлю (в том числе снижение на 5% стоимости издержек по ведению деловых операций).

В итоговый текст не вошли чувствительные для отдельных стран конкретные обязательства по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу, как и упоминания о недооцененности валют в азиатских странах, влияющей, по мнению ряда развитых государств, на состояние их торгового баланса.

Промежуточные итоги деятельности АТЭС

За 20 лет, прошедших с момента образования АТЭС в 1989 г., удалось достичь заметных результатов в создании благоприятных условий экономических отношений в регионе. Отметим, что доля ВВП стран АТЭС в мире составляет к настоящему времени 54%, доля торговли — 44%, населения — 46%¹². Средний уровень импортных тарифов стран АТЭС уменьшился с 17% в 1989 г. до 5% в 2008 г. Наиболее высокий уровень тарифов сохраняется во Вьетнаме, Таиланде и России (10–13%).

Среднегодовые темпы экономического роста стран (территорий) АТЭС за 1989–2007 гг. составили 6,1%, превысив среднемировые (5,8%). Совокупный экспорт увеличился с 1,2 трлн до 6,2 трлн долл. при среднегодовых темпах роста 9,5% (мировые темпы роста — 8,9%). Аналогичными темпами рос импорт внутри АТЭС¹³.

Доля внутрорегиональной торговли в рамках АТЭС превышает аналогичные показатели ЕС, НАФТА, АСЕАН (хотя это не свидетельствует о более высоком уровне интеграции в зоне АТЭС). Приходится учитывать ее глобальные размеры, разбросанность по нескольким континентам, неравномерность экономических связей. В целом доля торговли внутри АТЭС в суммарном товарообороте близка к 70%. Исключение составляют Перу, Чили (у которых данный показатель 50–55%) и Россия (17%).

Форумы АТЭС благоприятствуют облегчению торговли и инвестиций, упрощению бюрократических, таможенных и прочих процедур. В этом смысле АТЭС стал ближе к формированию зоны свободной торговли (ЗСТ), хотя поставленных в 1995 г. так называемых Богорских целей для развитых стран достичь к 2010 г. не удалось.

К концу первого десятилетия XXI в. страны (территории) АТЭС установили между собой 42 ЗСТ. Теоретически можно выделить три варианта будущей ЗСТ: либо создавать ее с нуля, постепенно расширяя состав до 21-й экономики либо использовать существующие ЗСТ (например, АСЕАН или Австралию с Новой Зеландией), присоединив к ней другие страны; либо соединить две ЗСТ в единую зону АТЭС. Самый быстрый и гибкий способ из вышеперечисленных —

пожалуй, второй, но какой именно будет избран, выяснится не раньше 2011 г., к которому намечено сформулировать в рамках отраслевых комитетов АТЭС рамочные условия интеграции.

Некоторые выводы

Темпы экономической либерализации в регионе АТЭС не позволяют реализовать в полной мере и в назначенные сроки (2010/2020 гг.) цели и задачи Богорской декларации 1994 г., чему препятствуют объективные факторы: мировой финансовый кризис и его последствия, задачи поддержания национальной безопасности и борьбы с международным терроризмом, усложнение многосторонних переговоров ВТО, усиление протекционизма в международных экономических отношениях. Ясно, что сроки и широта обязательств участников АТЭС по выполнению богорских целей будут скорректированы. Дабы не превратиться в клуб лидеров для “бесед по интересам” АТЭС предстоят практические шаги в сторону эффективности. Главное: сохранить баланс между добровольностью принятия обязательств и обязательностью их выполнения — желательно, синхронного. Сложные задачи реализации богорских целей предопределили действие до 2010 г. моратория на прием новых членов в АТЭС.

Заседания ДКС демонстрируют решимость деловых кругов региона сосредоточить внимание лидеров АТЭС на рассмотрении таких актуальных вопросов как выход из финансового кризиса, либерализация торговли и инвестиций в сочетании с процессами регионализации мировой экономики, изменение климата и надежность обеспечения энергоресурсами, проведение институциональной реформы внутри АТЭС с целью повышения эффективности деятельности этой организации. Представители делового мира подтвердили свою заинтересованность в политике дальнейшей либерализации торговли, инвестиций, сферы услуг с учетом специфики развития каждого из участников. Отметим закрепление энергетической проблематики в повестке дня АТЭС. В целом рекомендации деловых кругов региона доводятся с помощью механизма ДКС до сведения лидеров и учитываются правительствами, претерпевая при этом “естественную адаптацию” по темпам и масштабам осуществления.

Осуществляемый ДКС поиск путей эволюции системы регулирования мировой и региональной экономики в рамках ВТО/АТЭС заслуживает внимания в контексте проведения саммита Владивостокского форума в 2012 г., как и завершающего этапа переговоров России по вступлению в ВТО. Участие российских деловых кругов в мероприятиях АТЭС позволяет им, по нашему мнению, активнее использовать механизм форума для широкого диалога с зарубежными деловыми кругами, формируя свой международный имидж, повышая авторитет российских компаний в мире, что соответствует Концепции участия России в АТЭС, одобренной в 2000 г. президентом РФ.

1. К территориям в АТЭС относятся Тайвань и Гонконг (особый административный район КНР).
2. Индивидуальные планы действий стран-участниц АТЭС носят добровольный характер и отражают ход реализации договоренностей в рамках форума по либерализации режима торговли и инвестиций к 2010 г. (для развитых экономик) и к 2020 г. (для развивающихся экономик).

3. На втором саммите АТЭС в Богоре (Индонезия, 1994 г.) была принята “Декларация об общей решимости экономических лидеров АТЭС”, которая определила в качестве долгосрочной цели формирование к 2010/2020 гг. системы свободной и открытой торговли и инвестиций в азиатско-тихоокеанском регионе.
4. Имеется в виду первый раунд многосторонних переговоров в рамках ВТО (“Раунд тысячелетия”). Решение об его открытии было принято в Дохе (Катар) на 4-й министерской конференции ВТО в ноябре 2001 г. В программу переговоров раунда включены вопросы доступа на рынки путем снижения тарифных и нетарифных барьеров в торговле, антидемпинговые и компенсационные меры, торговля услугами, вопросы сельского хозяйства, региональные торговые соглашения, содействие и облегчение торговли, взаимосвязи между торговлей и инвестициями, торговлей и конкурентной политикой, торговлей и защитой окружающей среды.
5. Тема региональной экономической интеграции стала одной из ключевых в повестке дня АТЭС. Лидеры АТЭС восприняли предложение ДКС по формированию *азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли*. Данное предложение было впервые озвучено в докладе ДКС еще в 2004 г., когда Совет предложил сформировать для этого специальную целевую группу высокого уровня с участием членов ДКС, представителей правительств, бизнеса и науки. Предполагается, что данная зона охватывала бы товары, услуги и инвестиции, будучи направлена на реализацию целей Богорской декларации АТЭС. Признано, что такая зона представляет собой максимально высокую степень торгово-экономической интеграции. В результате исследования авторитетных экспертов был сделан вывод, что идея зоны свободной торговли в АТР представляет собой хороший вариант консолидации субрегиональных соглашений, позволяющих оградить бизнес от дополнительных расходов и административных препон.
6. *Транстихоокеанское партнерство* есть соглашение о свободной торговле; в него входят Бруней, Чили, Новая Зеландия и Сингапур, поставившие цель ликвидировать все взаимные торговые и неторговые ограничения к 2015 г. К нему собираются присоединиться Австралия, Перу, США и, возможно, Вьетнам.
7. *Карта деловых поездок* позволяет их владельцам совершать беспрепятственные безвизовые поездки по странам АТЭС. В настоящее время 18 стран-участниц форума, за исключением США, Канады и России, заявили о присоединении к этой программе, но не все внедрили ее. Число карт (12 тыс.) пока относительно невелико, чтобы облегчить передвижение бизнесменов в пределах региона АТЭС через национальные границы. Сохраняются внутренние ограничительные меры регулирования, сдерживающие возможности этих карт, недостаточна степень информированности о них в иммиграционных службах. В настоящее время США предпринимают меры по введению ускоренной системы прохождения границы и собеседований в американском посольстве с владельцами карт.
8. *Продовольственная система АТЭС*, принятая в 1999 г., охватывает региональные программы по сельскохозяйственному развитию и продовольственному обеспечению.
9. Российские протекционистские меры по повышению таможенных тарифов на ввоз автомобилей серьезно ударили по экспортерам из Японии и Республики Корея.
10. Как раз в ходе саммита АТЭС разгорелись антидемпинговые споры США и КНР. Американская сторона ввела повышенные пошлины на ввоз китайских труб для нефтегазовой отрасли, китайская, в свою очередь, начала антидемпинговые расследования по неправомерной торговой практике США в области поставок комплектующих частей к автомобилям.
11. The Straits Times. 2009. 16 nov.
12. Троекурова И.С. Интеграция экономик в рамках АТЭС. Саратов, 2008. С. 8, 64—65.
13. The Straits Times. 2009. 10 nov.

Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис

© 2010

С. Сазонов

(Окончание. Начало в ПДВ №1, 2010 г.)

Во второй части статьи анализируется проблематика автомобильного, водного, воздушного, трубопроводного транспорта. Благодаря целенаправленному курсу на приоритетное развитие транспортного комплекса Китая вышел за 30 лет реформ на лидирующие позиции в мире по производству контейнеров и контейнерным перевозкам, стал вторым (после США) по протяженности скоростных автотрасс и объему пассажирских авиаперевозок. Развитие всех видов транспорта осуществляется преимущественно за счет государственного финансирования в сочетании с искусным применением рыночных механизмов. Успехи транспортной сферы наглядно иллюстрируют гибкость антикризисной стратегии КНР. *Ключевые слова: контейнерные перевозки, ВТО, Шанхай, китайский автопром, аэропорт "Шоуду", бассейн Янцзы, газопровод "Восток—Запад".*

Автодорожное строительство

Ни одной стране мира не удавалось за столь краткое время и столь радикально увеличить пропускную способность, улучшить качество покрытия национальной сети автодорог. В КНР до 1990-х гг. большинство их было низкого качества: капитального ремонта требовало до 60%, лишь 20% имели к 1986 г. асфальтовое покрытие. 1-я скоростная автострада появилась в 1988 г. — протяженностью всего-то 20 км. Но минуло 20 лет, и протяженность автострад Китая превысила... 60 тыс. км — он вышел по этому показателю на 2-е (после США) место в мире. За 2008 г. было проложено 99,8 тыс. км новых дорог — общая протяженность достигла 3,73 млн км (из них 90,6 тыс. км — скоростные и дороги 1-го класса). Не было заминки и в 2009 г.: в условиях мирового финансово-экономического кризиса длина китайских автострад возросла еще на 4,7 тыс. км¹.

Автомобильные дороги классифицируются либо по административному признаку — общенациональные, провинциальные (муниципальные, окружные), уездные и волостные (сельские), либо по стандарту пропускной способности. У скоростных магистралей это 25–55 тыс. транспортных средств в день, у дорог 1-го класса — 10–20 тыс., 2-го класса — 5–15 тыс. в день, 3-го класса — от 2 до 6 тыс. и 4-го класса — менее 2 тыс. в день.

Приоритетность скоростных трасс — в том, что по пропускной способности они в 5 — 10 раз эффективнее обычных автомагистралей (тогда как затраты финансов и земли на них выше в 2–3 раза), причем обеспечивают оптимальную (для экологии и энергосбережения) скорость движения. Создание скоростных автомагистралей сопровождалось развитием дорог 1-го и 2-го классов, что обеспечивалось сочетанием финансов центральной власти с вложениями на уровне провинций и муниципалитетов. Одновременно было реконструировано и отремонтировано около 400 тыс. км уездных и волостных (сельских) дорог.

Расходы на дорожное строительство умножились за последние 20 лет и в абсолютных, и в долевых значениях, с 1990 г. опережая прирост ВВП. С 1998 г. капиталовложения в развитие транспортной отрасли КНР превышают 5% ВВП, из них 3,5% приходилось на автотранспорт.

Таблица 1.

Протяженность и качество дорожной сети

	1990	1995	2000	2006	2007	2008
Общая длина (тыс. км)	1028,34	1157,0	14026,9	3456,99	3583,7	3730,2
Автострады. и дор. 1—4 класса	741,04	910,75	1216,0	2282,87	2553,87	2652,2
Их доля в %	72,1	78,7	86,7	66,0	70,3	71,1

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь-2008. Пекин, 2008. С. 606; Чжунго тунцзи чжайяо 2008, Пекин, 2009. С. 154.

Дорожному строительству способствовала его децентрализация, сопровождавшаяся повышением полномочий местных властей. Однако при росте частных (в том числе, иностранных) заимствований примерно 90% вложений обеспечивалось из государственных источников разных уровней (госбюджета, средств провинций, муниципальных образований, уездов).

Основной потребитель этих капиталовложений — Национальная сеть скоростных магистралей (НССМ), ставшая его основой. Автострады соединяют ныне столицы всех провинций и города с населением выше 500 тыс. чел. (100 главных городов). 12 основных автострад образуют 5 коридоров с севера на юг и 7 — с востока на запад.

Наиболее плотная сеть образовалась на востоке КНР — в провинциях Шаньдун, Цзянсу, Хэнань, Аньхой, Чжэцзян. Основные меридиональные скоростные автотрассы: Цзямусы—Харбин—Чанчунь—Шэньян—Далянь; Чжанцзякоу—Датун—Тайюань—Чжэнчжоу; Сиань—Чэнду—Гуйян—Наньнин; Пекин—Шицзячжуан—Чжэнчжоу—Ухань—Чанша—Гуанчжоу; Пекин—Тяньцзинь—Цзинань—Нанкин—Шанхай—Нинбо; Бэнбу—Хэфэй—Цюцзян—Наньчан—Сянган (с ветвью к Фучжоу). Главные широтные автострады: Цицикар—Харбин—Суйфэньхэ; Шэньян—Пекин—Хух-Хото—Баотоу—Ланьчжоу; Тайюань—Шицзячжуан—Синьчун; Чанчи—Ханьдан—Цзинань—Циндао—Яньтай; Коргас—Урумчи—Хами—Ланьчжоу—Сиань—Чжэнчжоу—Лянъюньган; Синьян—Ухань—Хэфэй Нанкин; Жуйли—Куньмин—Гуйян—Чжучжоу—Наньчан—Ханчжоу—Шанхай; Нинбо—Вэньчжоу—Фучжоу—Сямэнь—Шэньчжэнь—Гуанчжоу—Чжэньцзян—Наньнин. От этого “каркаса” расходятся межрегиональные шоссе к периферийным территориям провинций Сычуань, Юньнань, Хэйлуцзян и к окраинным автономным районам (Тибет, Синьцзян, Внутренняя Монголия).

В декабре 2004 г. правительство одобрило планы создания до 2020 г. Национальной скоростной сети (НСС) протяженностью около 65 тыс. км. Дополняющая НССМ новая сеть соединит 7 столичных радиусов, 9 важнейших магистралей в направлении север—юг и 18 в направлении восток—запад. Тем самым столицы всех провинций и городов с более, чем полумиллионным населением будут связаны с городами, где проживает не менее 200 тыс. чел. Предполагается, что жители восточных провинций смогут добираться до скоростной автомагистрали за полчаса, центральных провинций — за час, западных — за 2 часа.

В условиях китайского рельефа невозможно обойтись без прокладки автоторожных тоннелей: “рекордсмен” среди них — Чжуннаньшаньский в пров. Шаньси длиной 18 км, открытый для движения в 2007 г. — самый протяженный в Азии.

Автопром на подъеме

Результативность транспортной политики КНР впечатляет и в сфере автопрома. Ей сопутствует существенное ослабление ограничений, касающихся таможенных пошлин, налоговой нагрузки на потребителей, условий продажи автомобилей, участия иностранных компаний в капитале национальных предприятий.

Создание СП с крупнейшими мировыми автопроизводителями повлекло бурный рост производства. Из таблицы 2 явствует, что за 1978–2008 гг. выпуск автомобилей в Китае увеличился в 62 раза, причем с середины 90-х гг. растет относительная доля легковых машин. Так, в 2002 г. легковые, грузовые машины и автобусы производились здесь примерно в равной пропорции, а уже год спустя на легковые пришлось почти половина производства (45%), на грузовики и автобусы — 27% и 28% соответственно.

Таблица 2.

Производство автомобилей в Китае (млн шт.)

	1978	1985	1990	1995	2000	2005	2008
Всех типов	0,15	0,44	0,51	1,45	2,07	5,12	9,3
В т. числе легковых	—	0,009	0,04	0,34	0,61	2,4	5,09

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 612; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин, 2009. С. 154.

В 2007 г. в КНР насчитывалось 43,5 млн автомобилей, из них 31,96 млн — легковые. В течение двух последних десятилетий парк легковых машин здесь более, чем удваивался каждые 5 лет (1985 — 0,8 млн; 1990 — 1,6 млн; 1995 — 4,2 млн; 2000 — 8,5 млн; 2006 — 26,2 млн; 2007 — 31,96 млн и 2008 — 50,9 млн)². Наконец, по ходу кризисного 2009 г. продажи автомашин в Китае удвоились, и он оказался ведущим в мире рынком автомобилей, опередив США³.

Потребности внутреннего рынка ныне почти целиком обеспечиваются собственным производством (импорт составлял 9–10% от объема продаж).

Более 90% выпускаемых в КНР лимузинов — на счету СП с участием таких фирм, как Volkswagen, GM, Toyota, Peugeot/Citroen, Honda, Renault/Nissan, с 2003 г. — BMW, Daimler/Chrysler). В этих СП китайская сторона обычно представлена крупными госкомпаниями, доля иностранного капитала в них ограничена 50%. В 2005 г. впервые в истории автопрома КНР экспорт превысил импорт.

Впрочем, уровень автомобилизации в КНР еще невысок — 28,7 автомобиля (в том числе, 18 частных) на 1000 чел.⁴

Готовится “новая автомобильная политика” с целью консолидации предприятий, стимулирования экспорта и внутреннего спроса, выполнения требований ВТО. Предусмотрены следующие меры:

- ограничение строительства новых заводов, чтобы побудить действующие компании к поглощению, к соединению мощностей на существующих площадках, т.к. в отрасли налицо “перегрев”: в начале 2007 г. числилось 2443 предприятия по производству и сборке автомашин (выпускаются уже более, чем в 20 провинциях и городах центрального подчинения, еще более 20 городов намерено внедриться в отрасль);

- оптимизацию технических требований к автомобилям, более четкое определение прав интеллектуальной собственности в отрасли, чтобы стимулировать научно-технические разработки;

- повышение пошлин на запчасти и комплектующие с целью активизировать их внутреннее производство;

- выработку целевых установок для отраслей-поставщиков автопрома (металлургии, машиностроения, химической промышленности и др)⁵.

Государственное регулирование рынка автомашин включает в КНР многообразный инструментарий: госпошлины на запчасти и комплектующие, механизм свободных экономических зон, долевое участие государства в СП. Вступление в ВТО ознаменовалось реализацией планов привлечения иностранных производителей на внутренний рынок. При этом ВТО применила к Китаю заведомо льготные требования. Вопреки членству в ней, КНР так и не отменила защитный для национального автопрома запрет импорта подержанных автомашин. Практикуется централизованный ввоз иностранных автомобилей только через 5 основных портов, что ограничивает “серый” импорт. От иностранных предпринимателей здесь требуют внедрять их собственные НИОКР, соблюдать “опережающие технические требования” (стандарты экологии, безопасности).

С января 2007 г. в Китае введена система, ограничивающая число компаний-экспортеров автомобилей, и утверждены 8 городов в качестве национальных баз производства и экспорта автомобилей и комплектующих (Чанчунь, Ухань, Сямэнь, Уху, Тайчжоу, Шанхай, Тяньцзинь и Чунцин). В них определены законом 160 продуцентов в качестве национальных компаний с правом экспорта автомобилей и запчастей при режиме наибольшего благоприятствования во внешнеэкономических связях. Предполагается, что экспорт автомобилей будет осуществляться только обладателями экспортных лицензий, которые будут выдаваться лишь крупным компаниям с достаточным объемом производства, внутренних продаж и экспорта автомашин. Цель новой системы — противодействие чрезмерной конкуренции между китайскими компаниями на зарубежных рынках, ибо мелкие фирмы зачастую прибегают к стратегии низких цен для завоевания места на иностранных рынках, не заботясь о создании сбытовой сети и о качественном техническом обслуживании, что наносит ущерб интересам автопрома КНР⁶.

В рамках обязательств перед ВТО Китаю предстоит внести ряд серьезных корректив в свою автомобильную политику:

- устранить нетарифные барьеры и квоты в торговле;
- обеспечить доступ иностранных дистрибьютеров и дилеров;

- упростить разрешение инвестиций на региональном уровне, снять ограничения для иностранных инвесторов на долю в капитале предприятий по производству двигателей;

- разрешить кредитование покупки автомобилей за счет средств иностранных компаний.

Таможенные пошлины на импорт новых автомашин в прошлом превышали 100%. В рамках обязательств перед ВТО было осуществлено их снижение с 43,8–50,7% в 2002 г. до 25% в 2007 г. Благодаря защитным барьерам импортные машины в КНР значительно дороже, чем в соседних странах. Цены лимузинов Honda, например, на 20% выше, чем в Японии. Несмотря на высокие производственные затраты рентабельность в автопроме КНР — не менее 30%, что определяется не производительностью труда, а ценовой политикой. В результате ожидаемых мер цены в Китае могут вскоре уравниваться с мировыми⁷.

Перед лицом мирового кризиса китайский автопром проявляет немало гибкости. Вместе с тем, по оценкам Центра макроэкономических исследований Комиссии национального развития и экономической реформы, прогресс автомобилизации Китая тормозит и ряд проблем, а именно:

- наличие в данной сфере чрезмерного количества компаний-производителей;

- зарубежные бренды удерживают большую часть местного автомобильного рынка;

- в области технологии производства налицо крупное автосборочное производство, существенно зависимое от зарубежных автогигантов;

- высока стоимость стали и комплектующих (компании КНР вынуждены завозить их из многих стран, переплачивая за транспортировку и хранение из-за недоразвитости транспортно-логистической системы) — в результате производство машины-«иномарки» в КНР на 18% дороже, чем в промышленно развитых странах;

- сравнительно высокая стоимость автомобильного топлива для иномарок, длительность сроков послепродажного сервиса и дороговизна запчастей ограничивают спрос на автомобили иностранных брендов;

- тяготея к внутреннему рынку КНР, зарубежные автомобильные концерны не проявляют заинтересованности в росте экспорта машин, произведенных под их брендами в Китае (как их потенциальном конкуренте)⁸.

Перевозки по воде

На исходе 2007 г. КНР располагала 35 453 причалами, пригодными для коммерческого использования (4 511 морских и 30 942 речных). Из них 967 морских и 250 речных рассчитаны на суда водоизмещением свыше 10 тыс. т⁹. Суммарный грузооборот портов достигал 3,8 млрд т (внешнеторговый — 1,26 млрд т), объем контейнерных перевозок — 75,8 млн стандартных контейнеров¹⁰. В 2008 г. грузооборот портов возрос еще на 11,5%, достигнув 4,29 млрд т (при росте внешнеторгового оборота 7,0%).

У 12-ти китайских портов годовой грузооборот превысил в 2007 г. 100 млн т (Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Чжуншань, Сянган в дельте реки Чжуцзян; Шанхай, Нинбо, Сямэнь и Фучжоу в центральной части восточного побережья; Тяньцзинь, Циндао, Циньхуандао и Далянь — в Бохайском заливе)¹¹. Число «100-миллионников» год за годом приумножалось¹². Шанхай стал — при грузообороте (за 2008 г. около 508,1 млн т)¹³ — крупнейшим портом мира. Он представляет собой комплекс из нескольких портов и терминалов, включая контейнерный порт Ян-

шань (построен в 2004–2006 гг. на островах в заливе Ханчжоувань), связанный с материком мостом Дунхай длиной 32,5 км¹⁴. Другой порт-гигант Нинбо с грузооборотом 520,5 млн т также включает несколько портов и терминалов, в том числе Чжоушань (крупнейший в стране терминал для транзита нефти). Далее следуют Гуанчжоу, Сянган, Тяньцзинь (являющийся аванпортом Пекина)¹⁵.

Перед портовой инфраструктурой Китая стоят и серьезные проблемы:

- развитие внутренних водных портов;
- повышение эффективности работы госкомпаний, доминирующих в морском транспорте;

- улучшение транспортной логистики — т.е. развитие внутренних контейнерных депо, складов, перегрузочных мощностей (по оценке экспертов Мирового Банка, из-за недостаточного развития транспортной логистики в большинстве морских портов КНР теряется при экспортных поставках не менее 30% быстропортящейся сельхозпродукции)¹⁶.

В КНР в 2008 г. было построено 5878 новых судов. Роль морского транспорта наиболее велика во внешнеторговых грузопотоках (более 85%). На конец 2008 г. морской торговый флот Китая насчитывал 20 925 судов общим тоннажем 44 млн т. Под флагами других стран ходит более 1 500 китайских судов (в том числе под панамским — 502), а иностранным судовладельцам принадлежат 17 судов. Внутренний водный транспорт включает около 230 тыс. судов общим тоннажем свыше 50 млн т.

Внутренний водный транспорт КНР развивается медленней морского, что особенно характерно для 9-й пятилетки (хотя в ходе ее было инвестировано более 42 млрд юаней в строительство и модернизацию портов и 23 млрд — в развитие речного транспорта). В 2000 г. грузооборот здесь составил 2373,4 млрд т/км, пассажирооборот — 10,05 млрд пасс/км.

Суммарная протяженность внутренних судоходных путей — 122,8 тыс. км (из них 61 тыс. км с гарантированными габаритами пути). Большая часть их приходится на бассейн Янцзы, где существует обширная сеть судоходных путей, связанных с Великим каналом¹⁷ и рекой Хуанпу. В этом бассейне числится свыше 1400 портов (из 35 тыс. причалов 1200 способны принимать суда водоизмещением более 10 тыс. т). По Янцзы перевозится больше грузов, чем по Рейну или Миссисипи. Самый крупный речной порт бассейна Янцзы, как и Китая в целом, — Сучжоу (грузооборот 127 млн т в 2007 г.).

Общий грузооборот речных портов — 1100 млн т (по данным за 2007 г.), в том числе на порты главного фарватера приходится 911 млн т грузов (из них 114 млн т — внешнеторговые) и 5,5 млн контейнеров ДФЭ. Главные порты на Янцзы (по течению вниз): Ибинь (7,6 млн т. в 2007 г.), Лючжоу (2,7 млн т), Чунцин, Ваньсянь — все в пров. Сычуань; Ичан, Ухань, Хуанши, Цзюцзян — пров. Хубэй; Тунлин, Уху — пров. Аньхой; Нанкин, Чженьцзян, Наньтун (100 млн т) — в пров. Цзянсу¹⁸.

Осознавая значимость внутренних водных путей, правительство выделило на их развитие в 11-й пятилетке более 3 млрд долл.¹⁹

В повестке дня ныне — решение следующих задач:

- координация использования внутренних водоемов для различных целей (транспортировка, водоснабжение, рыболовство);

- модернизация речного флота;

- развитие береговой инфраструктуры;

- относительное сокращение зависимости от продукции балкерного характера.

В мировом производстве контейнеров на КНР в начале 21 в. приходилось около 90%. Первый контейнерный терминал сооружен в порту Тяньцзинь в 1980 г.; в период с 1990 по 2000 гг. созданы крупные терминалы во многих других портах, а с 2003 г. Китай, обогнав США, первенствует в мире по контейнерным перевозкам. Их объемы продолжают нарастать: 78 млн контейнеров ДФЭ в 2005 г.; 93 млн в 2006; более 100 млн в 2007. Год спустя перевозки выросли еще на 12,2%, достигнув 128,35 млн шт. (этому способствовало и продуманное снижение тарифов)²⁰. Планами на 2010 г. ставится задача перевезти около 170 млн контейнеров²¹.

Основные контейнерные порты: Сянган — в 2007 г. обработано 25,1 млн контейнеров ДФЭ; Шанхай — 26,15 млн шт.; Шэньчжэнь — 24,8 млн шт.

В структуру государственной компании "COSCO Group", одной из ведущих в мире, входят "China International Marine Containers Co." — мировой лидер в производстве морских контейнеров, "COSCO Pacific Ltd." — крупнейший в стране оператор контейнерных терминалов и морских контейнерных перевозок²².

Важную роль играет паромное сообщение: железнодорожные паромы эксплуатируются на линиях Далянь — Яньтай (через пролив Бохайся), Хайкоу — Хайань (через пролив Хайнань). Автомобильные паромы курсируют из Хайкоу (в Бэйхай, Гуанчжоу), Гуанчжоу (в Хайкоу, Сянган), Чжухая (в Сянган, Шэкоу), Шэньчжэня (в Сянган, Макао, Чжухай), Сянгана (в Аомынь, Шэкоу, Гуанчжоу, Чжухай), Аомыня (в Шэкоу, международный аэропорт Сянгана), Шанхая (на остров Путоушань, а также в Осаку и Кобе (Япония), из Циндао (в Инчхон, Корея; Симоносеки, Япония), Вэйхая (в Инчхон, Далянь), Даляня (в Инчхон, Вэйхай, Яньтай, Тяньцзинь), Тяньцзиня (в Далянь, Инчхон, Кобе — Япония), Дандуна (в Инчхон).

Пассажирские круизные терминалы имеются в портах Тяньцзинь, Циндао, Яньтай, Далянь, Шанхай, Сянган, Гуанчжоу.

Воздушный транспорт

Этот сектор транспортного комплекса Китая становится благодаря росту доходов населения все привлекательнее при путешествиях за рубеж и внутри страны. На конец 2008 г. пассажирооборот достиг 288,3 млрд пасс/км, а пассажирские перевозки — 192,5 млн чел. За 1995–2008 гг. количество перевезенных пассажиров увеличилось втрое, объем перевезенных грузов — в 3,5 раза, пассажирооборот — втрое, грузооборот — вчетверо. Китай стал 2-м после США рынком авиаперевозок в мире²³.

Воздушным транспортом перевозится около 0,8% общего числа пассажиров, из них около 9% — на международных линиях. В 2008 г. в Китае имелось 467 аэропортов, включая 147 гражданских. Крупнейшие международные аэропорты: Пекин—Шоуду, обслуживший в 2007 г. 53,6 млн пассажиров; Шанхай — свыше 57 млн; Сянган — 47,8 млн; Гуанчжоу — 31,3 млн пассажиров. По грузоперевозкам (в тыс. т) они в 2007 г. лидировали аэропорты Сянгана (3580), Шанхая (Пудун — 2559), Пекина (1416), Гуанчжоу (695). К 2020 г. количество аэропортов, способных обслуживать за год более 30 млн пассажиров, возрастет с 3 до 13. К 2010 г. в 190 аэропортов предполагалось инвестировать 140 млрд юаней²⁴. В 2007 г. аэропорты Шанхая, Пекина и Гуанчжоу занимали 6-е, 20-е и 25-е места в реестре 30 ведущих мировых²⁵.

В период 11-й пятилетки стратегическим объектом реконструкции стал 3-й терминал Пекинского аэропорта, открывшийся в феврале 2008 г. При площади 902 тыс. кв. м он способен принимать более 60 млн пассажиров в год. 51 лифт и 63 эскалатора позволяют в считанные минуты добраться от входа в аэропорт до самой дальней стоянки. Терминал способен принимать за сутки 1100 регулярных рейсов со всего мира, а в дни пиковых нагрузок (таких, как Олимпийские игры) — до 1900 рейсов. Железная дорога длиной 28,1 км (4 остановки) соединяет станцию Пекинского метро Дунчжимэнь с аэропортом.

Деятельность авиакомпаний и аэропортов курирует Главное Управление гражданской авиации (ГУГА) Министерства транспорта КНР. Главная национальная авиакомпания — “Air China” (34,0 млн пассажиров в 2007 г., 223 самолета). Другие крупнейшие: “China Southern Airlines” (соответственно 54,4; 309 самолетов), “China Eastern Airlines” (24,3 в 2005 г., 213 самолетов), “Cathay Pacific” (вместе с дочерней компанией “Dragonair” — 23,3; 115 самолетов).

Индустрия авиаперевозок переживает ныне радикальную реструктуризацию. Конкуренция в отрасли способствовала повышению качества услуг и относительному снижению тарифов. В 2006 г. появились 7 частных авиакомпаний, занявших к началу 2008 г. 4% рынка внутренних перевозок. Более 10 частных компаний, включая 3 грузовых, готовятся к выходу на рынок. Несмотря на высокую заполняемость рейсов, их издержки весьма высоки (на 15–40% выше, чем у государственных). С 1990 г. ежегодное потребление авиационного топлива росло в среднем на 15% в год, достигнув пика (9,3 млн т) в 2005 г. Специалисты ГУГА предвидят, что в 2010 г. динамично развивающейся гражданской авиации понадобится 15–17 млн т топлива, что побудит авиапром к разработке новых, энерго-сберегающих технологий.

Авиапром Китая вышел на необходимый уровень экономического и научно-технического развития. Многие компании уже освоили производство авиационных систем, соответствующих мировому уровню, хотя отдельные предприятия отрасли все еще производят узлы и двигатели морально устаревших самолетов. Разрабатываются и собственные типы гражданских лайнеров, что сулит дополнительные импульсы развитию машиностроения, электроники, металлургии, химической и сырьевой промышленности, энергетики, компьютерной отрасли и пр., а также поможет снизить зависимость воздушного флота от иностранных поставщиков.

Перед стремительно расширяющимся сектором авиаперевозок стоит и ряд непростых проблем:

- необходимость открытия воздушного пространства (которое на 80% зарезервировано за военными ведомствами);
- чрезмерное потребление высококачественного авиационного топлива и рост цен на него;
- дефицит квалифицированных кадров летного состава и наземных служб обеспечения безопасности полетов;
- отставание инфраструктуры региональных аэропортов, из-за чего многие из них перегружены;
- забота об окружающей среде.

Трубопроводный транспорт

Газоносные районы Китая расположены по его территории очень неравномерно. Основные — Таримский бассейн в Синьцзяне, Нинся-Хуэйский авто-

номный район, Внутренняя Монголия, провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Сычуань. На них приходится более 90% добываемого газа. Доля Китая в АТР по его запасам оценивалась в 2008 г. в 13% (1,07% мировых).

До 2000 г. в КНР не существовало крупных газотранспортных систем, потребителям на местах газ поставлялся посредством ряда региональных газопроводов. Строительство сети началось в 9-й пятилетке. В западных районах было проложено 10 газопроводов, способных ежегодно перекачивать 7,5 млрд куб. м, протяженностью свыше 3600 км для транспортировки газа в крупные и средние города. Благодаря им Сиань, Иньчуань, Урумчи получили доступ к экологически чистому топливу; газ стал поставляться из пров. Шэньси в Пекин, из месторождений в Восточно-Китайском море — в Шанхай. В 10-й пятилетке (2001–2005 гг.) продолжалось строительство отдельных газопроводов, которые призваны стать частью единой газопроводной системы Китая с сопутствующей инфраструктурой — газораспределительными сетями, межпромысловыми коллекторами, подземными хранилищами. К основным газопроводам КНР относятся: “Запад—Восток”, “Сэнинлань” протяженностью 953 км при диаметре 660 мм (проложен от месторождения Сэбэй в Цайдамской впадине до Ланьчжоу), “Шаньцзин” (847 км, 660 мм), “Ya 13-1” (778 км, 711 мм), “Чжунъю” (738 км, 711 мм), “Шаньцзин-2” (860 км, 1016 мм).

Поставлена задача обеспечить постоянное и стабильное снабжение нефтью и газом, опираясь как на внутренние ресурсы, так и на импорт. Внимание к газовой отрасли обусловлено постоянным ростом потребления газа в электроэнергетике и реализацией программы повышения качества жизни горожан и сельских жителей (что в немалой степени связано с переходом к отоплению с угля на газ).

В русле стратегии активного развития западных районов развернулась реализация Проекта переброски природного газа с запада на восток. За 2001–2005 гг. построено 6,5 тыс. км магистральных газопроводов, к 2007 г. их протяженность возросла до 30 тыс. км (с 5,3 тыс. км в 1985 г.)²⁶. В 2001 г. по предложению спецуправления Министерства нефтяной промышленности, ведающего строительством нефте- и газопроводов, осуществляется программа создания единой газотранспортной системы, стержень которой — вышеупомянутая магистраль “Запад—Восток”, связавшая месторождения Синцзян-Уйгурского АР с восточным побережьем (Шанхай) протяженностью около 4000 км (при диаметре труб 1016 мм). Обеспечивая поставки газа из Таримской впадины (через Нинся-Хуэйский АР, пров. Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Хэнань, Аньхой, Цзянсу) в промышленные центры восточного побережья, эта магистраль способствует формированию единой газотранспортной системы страны путем подсоединения к ней инфраструктуры региональных газопроводов. Затраты на ее строительство превысили 120 млрд юаней.

По оценке специалистов Китайской нефтегазовой корпорации, в начале XXI в. в КНР ожидается пик потребления природного газа. Удельный вес в структуре потребления энергоресурсов уже к 2010 г. достигнет 8–10%. Пока что лишь около 15% населения использует газ в качестве топлива, крайне мала доля газа в топливном балансе электростанций. Разработка этого вида топлива уменьшит зависимость КНР от нефти, ослабит загрязнение окружающей среды, обусловленное широким использованием каменного угля.

В феврале 2008 г. началось строительство 2-й (дублирующей) нитки магистрали “Запад—Восток” протяженностью 1796 км, которая пройдет через 8 ре-

гионов Китая, сдача в эксплуатацию всего газопровода ожидается в 2011 г. После подключения к нему газа из Средней Азии будет достигнута проектная мощность 30 млрд куб. м в год. Данный трубопровод обеспечит стабильные поставки в течение 30 лет в дельты рек Янцзы и Чжуцзян, а также в Сянган. Из первых 30 млрд куб. м свыше 10 млрд поступит в пров. Гуандун.

Вторая нитка магистрали “Запад—Восток”, будучи важным проектом в рамках 11-й и 12-й пятилеток, станет первой в Китае энергетической артерией по импорту природного газа из-за рубежа. Общий объем капиталовложений в данный проект: около 250 млрд юаней. Главным поставщиком газа станет Туркменистан, дополнительными — Казахстан, Узбекистан, а также свои месторождения Тарим и Чанцин.

Судя по состоянию и перспективам развития сырьевой базы, годовая добыча газа в Китае достигнет 80 млрд куб. м в 2020 г. и 86 млрд куб. м — в 2030 г. Прогноз потребления — соответственно 176 млрд и 260 млрд куб. м. Разницу между потреблением и собственной добычей обеспечит импорт, который в 2020 г. должен достигнуть 78 млрд, а в 2030 — 125 млрд куб. м. Для решения этой задачи Китай интенсифицирует свое участие в разведке и разработке газовых ресурсов Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. До недавнего времени наиболее реальным проектом поставок являлся казахстанский маршрут Атырау (Макат)—Актобе (Жанажол) — Атасу —Алашанькоу²⁷. Однако теперь на эту роль выдвигается магистральный трубопровод из Туркменистана, призванный стать основным энергетическим проектом Китая в Центральной Азии. Он послужит основным “наполнителем” 2-й нитки магистрального трубопровода “Запад—Восток”.

Планы строительства газопроводов из Средней Азии используются руководством КНР и как аргумент в переговорах с Россией об условиях поставок газа из Западной и Восточной Сибири (отметим, что в процессе уточнения условий прокладки трубопровода китайская и туркменская стороны согласились закупать у российских металлургических заводов трубы для его строительства).

Для решения проблемы дефицита природного газа (особенно в восточных и южных провинциях) правительство КНР сделало ставку также и на импорт сжиженного природного газа (СПГ) из стран Юго-Восточной Азии, Африки, Персидского залива и России. Начиная с 2001 г. Китай приступил к формированию системы приема и регазификации СПГ на юге и юго-востоке КНР — в провинциях Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, на острове Хайнань и в Шанхае, а также к сооружению газопроводов для транспортировки регазифицированного газа в южных провинциях. В каждой намечено соорудить по одному приемному терминалу. Импорт СПГ восходит к 2006 г, когда на регазификационном терминале в Шэньчжэне в рамках долгосрочного контракта был разгружен первый метановоз, доставивший СПГ из Австралии. В 2010 — 2012 гг. должно появиться более 10 терминалов, способных принимать 34,5 млн т СПГ в год, что соответствует 47 млрд куб. м газа.

Основные зоны нефтедобычи расположены в восточной, центральной и западной частях Китая, а также на морском континентальном шельфе. С 2000 г. добыча на старых месторождениях северо-востока (Дацин и Цзинань) снижается при росте в западных районах и на материковом шельфе. Основные нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) расположены либо в крупнейших городах, являющихся потребителями нефтепродуктов (Пекин, Тяньцзинь, Нанкин, Шанхай, Далянь), либо вблизи наиболее крупных месторождений (Юймэнь, Дацин, Душаньцзы). В районах добычи размещается лишь около 1/3 перерабатывающих

мощностей. Нефть, добываемая на территории Китая, доставляется потребителям преимущественно железнодорожным транспортом и нефтепроводами. Не менее 70% нефтепродуктов поступает по железной дороге и лишь около 5% — трубопроводами (в развитых странах этот показатель достигает 80%).

Общая протяженность магистральных нефтепроводов Китая в 2007 г. составляла 25 450 км²⁸. Главные из них: Карамай — Душаньцзы в Синьцзян-Уйгурский АР, Дацин — Циньхуандао, Дацин — Далянь, Дацин — Фушунь, Циньхуандао — Пекин, Даган — Тяньцзинь, Шэнли — Цзинань, Шэнли — Нанкин. Закончилось строительство магистрали Урумчи — Ланьчжоу протяженностью около 4000 км, включающей две нитки — для сырой нефти (1878 км) и для переработанных нефтепродуктов (1930 км). Этот трубопровод, обошедшийся в 14,6 млрд юаней, позволяет ежегодно транспортировать 20 млн т сырой нефти и 10 млн т нефтепродуктов.

Важное значение придается увязке системы “импортирующих” нефтепроводов из стран Центральной Азии, России и Мьянмы с сетью магистралей, соединяющих крупные морские порты с НПЗ в глубине материка. В середине 2006 г. официально введен в эксплуатацию магистральный нефтепровод из Казахстана (от Атырау на Каспийском море через Джунгарские Ворота и далее до крупнейшего в Китае нефтеперерабатывающего завода в Душаньцзы (Синьцзян) общей протяженностью свыше 3000 км²⁹).

Близится к завершению прокладка ответвления на Дацин от нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО).

Инструменты антикризисной стратегии

В усилиях правительства КНР по преодолению последствий мирового валютно-финансового кризиса и оздоровлению экономики транспортному комплексу принадлежит одна из ключевых ролей. В дополнение ассигнований, запланированных на развитие народного хозяйства, в КНР был принят крупномасштабный инвестиционный проект в размере 4 трлн юаней (586 млрд долл.), соразмерный с 15% ВВП страны. Эти дополнительные инвестиции, адресованные в 10 сфер экономической и социальной значимости, призваны, по словам Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, “стимулировать внутренний спрос и привести в движение рост национальной экономики”³⁰. На долю транспортного комплекса приходится почти половина “прибавки”, или 1,8 трлн юаней. Из этой суммы 1 трлн юаней (т.е. примерно 146,4 млрд долл.) выделено Министерству транспорта на расширение транспортной инфраструктуры в течение двух лет и 600 млрд юаней — Министерству железных дорог.

На примере транспортного комплекса наглядно прослеживается гибкость китайской антикризисной стратегии. Так, ввиду падения нефтяных цен на мировых рынках Госсовет принял решение снизить розничные цены на топливо внутри страны. Увеличению внутреннего спроса на автомобили способствует налоговая политика, внедренная в январе 2009 г. (отмена ежегодного налога на автовладельцев за пользование автомобилем, а также 6 категорий дорожного налога). Поскольку падение цен на топливо вряд ли стимулирует снижение потребления нефтепродуктов, Госсовет одновременно увеличил налог на потребление бензина с 0,2 до 1 юаня за литр, а налога на дизельное топливо — с 0,1 до 0,8 юаня за литр³¹. Это призвано способствовать более экономному потреблению горючего транспортными предприятиями, стимулировать внедрение энергосберегающих технологий на транспорте, а также активизировать спрос на малолитражные ав-

томобили (что, в свою очередь, должно благоприятствовать экологической обстановке. Примечателен пример властей Пекина, которые отметили в 2008 г. броской наклейкой (“желтым ярлыком”) 353 800 частных автомобилей города за чрезмерное потребление бензина и несоответствие по выбросам вредных веществ в атмосферу требованиям стандарта ЕВРО 1.

Министерства транспортного комплекса КНР предугадали: в условиях мирового кризиса США и страны Европы не могут не снизить потребление китайских товаров, что чревато угрозой снижения объемов международных грузоперевозок. Ради поддержания высокой интенсивности оборота контейнерных потоков из Китая в Гамбург, Ригу, Калининград, Владивосток, в страны северной Африки транспортные компании Китая предприняли беспрецедентные меры — резко снизили тарифы на свои услуги. Стоимость контейнера 20 т GP (28 куб. м) до ноября 2008 г. составляла 3500 долл., а после ноября упала до 1500 долл.; цена контейнера 40 т GP (48 куб. м.) — до 2500 долл. Самый большой контейнер 40 т HQ (68 куб. м) подешевел на 2900 долл. (более, чем вдвое). Эти меры повлекли ажиотажный спрос на контейнерные перевозки — особенно, 40-тонными контейнерами. Действуя на опережение, большинство морских судоходных компаний Китая в целях стимулирования грузоперевозок резко снизили тарифы на контейнерные перевозки (от 30% до 50%).

Около 60% всего импорта, перевозимого авиационным транспортом Китая, приходится на комплектующие для электронной и машиностроительной промышленности страны (16% экспорта этим видом транспорта — мобильные телефоны и видеокамеры). Другие высокотехнологичные экспортные товары (интегральные схемы, продукция микроэлектроники, компьютеры, фотоаппараты, медицинское оборудование) также перевозятся по воздуху. Падение спроса на эти товары побудило китайские авиакомпании, контролируемые Главным Управлением гражданской авиации КНР, снизить тарифы на 10–15%.

Наконец, значительные капиталовложения (1,8 трлн юаней) на развитие транспортной инфраструктуры, предусмотренные антикризисным проектом, создадут, по прогнозам китайских экономистов, от 6 до 8 млн новых рабочих мест.

...Итак, в условиях мирового финансового кризиса транспортный комплекс КНР оказался “антикризисным помощником”, стимулирующим развитие национальной экономики.

1. Веб-сайт “Жэньминьжибао”, 16 01 10.
2. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 621; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин, 2009. С. 154.
3. Как сообщили в декабре “Финансовые известия” со ссылкой на Китайскую ассоциацию автопроизводителей (СААМ),
4. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 621.
5. БИКИ. 2007. № 53. С. 11.
6. Там же. С. 10.
7. Цичэ юньшу. 2008. № 1. С. 8.
8. БИКИ. 2007. № 53. С. 11–12.
9. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 631.
10. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 8; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин, 2009. С. 159.
11. Жэньминь жибао. 2009. 19 янв.

12. К концу 2007 г. в Китае портов с пропускной способностью свыше 100 млн т стало 14, год спустя — 16, в кризисном 2009 г. к ним прибавились еще 4 (Цзяньинь, Сямэнь, Чжаньцзян и Хучжоу). — *Прим. ред.*
13. По последним данным, в кризисном 2009 г. через порты Шанхая было отправлено 590 млн т грузов. — <http://russian.people.com.cn/31518/6879587.html>.
14. В конце 2009 г. стартовало строительство самого длинного в мире моста (от пров. Гуандун до Гонконга и Макао) протяженностью почти 50 км, включая 35,578 км туннеля под дном моря. Ожидаемая стоимость: не менее 10 млрд долл., финансирование берут на себя центральное правительство и власти пров. Гуандун, Сянган и Аомэня (См: <http://www.bfm.ru/news/2009/12/15/kitaj-nachal-stroitelstvo-samogo-dlinnogo-mosta-v-mire.html>).
15. Чжунго тунци чжайяо 2008. Пекин, 2009. С. 159.
16. World Bank Report. P. 46.
17. Великий канал используется из-за низкого уровня воды как транспортная магистраль, в основном лишь на южном участке.
18. Чжунго тунци няньцзянь 2007. Пекин, 2008.
19. World Bank Report. P. 37.
20. Чжунго тунци чжайяо 2008. Пекин, 2009. С. 159.
21. ДФЭ — условная единица измерения количественной стороны транспортных потоков или пропускной способности, эквивалентная размерам контейнера ИСО длиной 20 футов (6,1 м). Так, один стандартный 40-футовый контейнер серии ИСО равняется двум ДФЭ.
22. Beijing Review, 2008. 11 dec.
23. Чжунго тунци няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 607, 608; Чжунго тунци чжайяо 2008. Пекин, 2009. С. 155.
24. БИКИ. 2008. 19 фев.
25. World Bank Report. P. 31.
26. Чжунго тунци няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 606.
27. См.: *Матвеев В.А.* Проблемы и перспективы развития газовой промышленности Китая // *Возможности России на китайском рынке энергоресурсов*. М., 2008. С. 10, 11, 31.
28. Чжунго тунци няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 606.
29. Синьхуа. 31.07.2006.
30. Beijing Review. 2008. 20 dec.
31. China Daily. 2008. 19 febr.

Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая

© 2010

Ли Син, Айк Мартиросян, Чжао Чжэнь

Правительство КНР неизменно отдавало приоритет использованию внутренних ресурсов, однако их острая нехватка быстро возраставший спрос на энергию вели к усилению зависимости Китая от импорта энергоносителей. Ввиду недостаточной надежности транспортирования их морским путем насущной стала необходимостью диверсификация каналов энергопоставок. При этом приоритет отдается прокладке трубопроводов из Прикаспийского региона. Развитие отношений дружбы и сотрудничества между Китаем, Россией и среднеазиатскими странами чрезвычайно важно для региональной стабильности и безопасности.

Ключевые слова: импорт Китая энергоносителей, трубопроводы из Прикаспийского региона, Набукко, КННК, "Синопек"

Истоки дефицита: развитие

Как естественный результат наступившего с 1980-х гг. быстрого экономического роста и ряда сопутствующих факторов в Китае сложилась к 1993 г. качественно новая ситуация: нарастание дисбаланса между производством первичной энергии и спросом на нее.

Стратегическая цель четырехкратного увеличения ВВП Китая в 2000–2020 гг. делает задачу энергетической безопасности страны фундаментальным приоритетом. В 2000–2007 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял примерно 9,8%. По экспертным прогнозам Академии общественных наук Китая, до 2015 г. темпы роста сохранятся на уровне, как минимум 8%, после чего могут упасть до 6,5%¹. Согласно анализу Международного управления энергетики США², в случае сохранения нынешних темпов развития Китая среднегодовой рост его энергетических потребностей составит в 1990–2030 гг. 3,4% и к 2020 г. превзойдет расходы первичной энергии в США. Уже сейчас потребности КНР в энергии растут почти втрое быстрее среднемировых³.

Стратегия обеспечения экономического развития за счет внутренних, преимущественно, ресурсов изначально была и останется фундаментальной по-

Ли Син, доктор исторических наук, профессор, декан Института международных отношений и ведущий Центра исследований Евразии Пекинского педагогического университета. E-mail: xingli530@sina.com.

Айк Мартиросян, доктор политических наук, командированный из Армении в КНР.

Чжао Чжэнь, доктор политических наук, сотрудник Китайского института международных проблем.

зией Китая. Вопреки приведенным выше выкладкам, его энергетические потребности поныне обеспечиваются, в основном, из внутренних ресурсов (примерно на 94% в 2006 г.). Хотя этот показатель, как предполагается, сократится к 2020 г. до 80%, он, тем не менее, останется одним из наилучших в мире.

Основной компонент в структуре производства первичной энергии — каменный уголь (69,6% в 2005 г. — в основном отечественный. По его разведанным запасам (114,5 млрд т.)⁴. КНР — третья в мире страна после США и РФ. Доля угля в производстве энергии непрерывно падает — к 2020 г. снизится до 55%, к 2050 г. — до 40%, нефть же была и останется в энергетическом балансе КНР 2-й: 21,1% в 2005 г., 22% в 2020 г. и 23% в 2050 г.⁵

1993 г., когда Китай предстал перед дефицитом нефти, считается поворотным: потребности тогда на 1,2% превысили объем добычи, и из экспортера нефти он превратился в страну-импортера. В дальнейшем зависимость от ее импорта неуклонно росла: с 1985 по 1995 г. спрос на нефть в КНР удвоился (с 1,7 до 3,4 млн баррелей в день). В следующие 10 лет вновь удвоился (в 2005 г. — 6,8 млн баррелей в день).⁶ К 2015 г. зависимость от импорта нефти достигнет 60–70%⁷, Китай, как ожидается, будет потреблять до 14% добываемой в мире нефти (по 9,4 млн баррелей в день). Его разведанные запасы составляют, по данным за 2006 г., 16 млрд баррелей, или около 1,4% мировых запасов.

По принятым в мире стандартам, воздействие мирового рынка нефти на национальную экономику той или иной страны начинается с момента, когда годовой импорт оказывается выше 50 млн баррелей⁸. Наиболее впечатляющий тому пример — последствия войны в Ираке и их влияние на экономику Китая, где в 1-й половине 2003 г. импорт нефти вырос на 42,9%, а затраты — на 110,6% (величина “прибавки” — 4 млрд долл.). В 2007 г. китайский импорт достиг 160 млн т — на 12,4% больше, чем в 2006 г. Ныне потребности Китая в нефти — наивысшие в Азии, он стал вторым в мире по ее импорту, и обеспечение безопасности энергоносителей естественным образом становится главной движущей силой китайских реформ в сферах дипломатии и обороны.

Соответственно интересам смягчения проблем окружающей среды в структуре производства энергии предусматривается существенно приумножить использование возобновляемых энергоресурсов, как и природного газа. С 2000 г. процентный рост его потребления выражается двузначными цифрами (в 2000 г. было использовано 23,8 млрд куб. м, а в 2006 г. — 55,6 млрд куб. м). В 2005 г. доля природного газа в структуре энергопроизводства составила 2,7%, в 2020 г. достигнет, по прикидкам, 8%, а в 2050 г. — 12%⁹. До 2007 г. Китаю хватало собственных ресурсов природного газа, но уже в 2010 г. потребуются импортировать 40 млрд куб. м, к 2020 г. — 80 млрд куб. м, или, соответственно, 34% и 40% от общего объема потребления. При этом, по данным за 2006 г., разведанные запасы природного газа в КНР оцениваются лишь 2,5 трлн куб. м (т.е. 1,3% мировых запасов — 12-е место в мире).

Ясно, что при такой зависимости от ресурсов, контролируемых другими странами, усилия КНР по обеспечению соответствующими энергоресурсами ее экономики весьма важны, и в первую очередь — с точки зрения национальной безопасности.

Чтобы осознать значимость проблемы, следует отметить, что в вопросе энергообеспечения Китай сталкивается и с внутренними проблемами, и с внеш-

ними вызовами. К внутренним проблемам относится удовлетворение естественного увеличения спроса на энергию, вызванного быстрым экономическим ростом и его следствием — социальным развитием, а также решение обостряющихся проблем окружающей среды. В плане внешних проблем, основные вызовы — это прежде всего текущие изменения международной обстановки, довольно-таки высокая нестабильность регионов, богатых энергоресурсами.

Для Китая при его наибольшей в мире населенности энергетика имеет фундаментальное, первостепенное значение, с точек зрения экономического прогресса, социальной стабильности и национальной безопасности. Непрерывное углубление зависимости от зарубежных энергоресурсов самым непосредственным образом связано с национальной безопасностью.

Политика и реформы в энергетической сфере

В КНР за время ее существования учреждалось и упразднялось немало госструктур, управляющих энергетикой. В 1993 г. было упразднено Министерство энергетики. Основная и решающая роль в сферах нефти и газа перешла в стране и за рубежом к трем госкорпорациям: Китайской Национальной нефтяной корпорации — КНК (CNPC), Китайской нефтехимической корпорации — (Sinopec) и Китайской Национальной оффшорной нефтяной корпорации (CNOOC).

Энергетическая безопасность Китая предполагает, прежде всего, приоритетность освоения внутренних ресурсов. Но под давлением непрерывно нарастающей необходимости импорта нефти в КНР еще в 1999 г. была провозглашена стратегия “выхода вовне” (*цзоу чуцзюй*), означавшая стимулирование предприятий производить инвестиции за рубежом, поощрение системы управления и либерализацию финансового режима¹⁰. Благодаря внедрению этих механизмов и привлечению китайских корпораций на рынки ценных бумаг в Гонконге и Нью-Йорке открылись возможности для активной конкурентной инвестиционной политики.

Эта деятельность компаний за рубежом всецело опирается на рыночные механизмы, будучи созвучной с позицией КНР — исключить из нефтяной политики привычную формулу “нефть — политика — большая игра”. Но это отнюдь не означает отказа от энергетической или нефтяной дипломатии. Более того, успехи сотрудничества КНР с другими странами в данной сфере опираются прежде всего на дипломатические усилия.

Благодаря наличию как государственной поддержки, так и финансовых средств, корпорации проявляют достаточную гибкость в переговорах и ценовых действиях за рубежом. За короткий период объем и география их инвестиций значительно расширились, охватив в некоторых случаях регионы, контролируемые Западом. Эти компании столкнулись с проблемой поиска зарубежных источников энергоносителей в условиях системы, сложившейся под влиянием западных корпораций. Одним из основных путей поиска своего места на внешнем рынке для китайских компаний стало ясное выраженное использование ценовой политики.

Относительно внешних аспектов энергетической стратегии китайских корпораций имеет место преувеличенное беспокойство, будто внушительный рост спроса КНР на энергоносители и проводимая ею торгово-энергетическая по-

литика могут поставить под угрозу всемирную энергетическую безопасность — особенно американскую. В действительности, несмотря на впечатляющий прогресс, добыча нефти китайскими корпорациями за рубежом не достигает и 2% продаваемой в мире нефти. Да и продается она, в основном, за рубежом, обеспечивая этим корпорациям относительно высокую прибыль. Из добываемой ими нефти в Китай доставляется, по разным оценкам, лишь 40–45%.

Стратегия энергетической безопасности

Основы решения Китаем проблем энергобезопасности и противостояния вызовам это — разработка и последовательное внедрение оптимальных, адекватных текущей ситуации механизмов государственного управления и контроля над растущим спросом. Под воздействием серьезного дефицита энергоресурсов, возникшего в 2003–2004 гг. (импорт нефти в 2004 г. возрос по сравнению с 2002 г. почти на 67%), правительство КНР учредило Руководящую группу государственных энергоресурсов, руководимую главой правительства¹¹, с задачей разработки энергетической стратегии, курса развития отрасли, оптимизации использования энергии, политики энергобезопасности и международного сотрудничества. В декабре 2007 г. Группа представила “Белую книгу об энергетике КНР” и проект “Закона КНР об энергетике”, который был вынесен на всенародное обсуждение¹² и с 2009 г. вступил в силу. По всей вероятности, будет учрежден орган, который сосредоточит управление энергетической отраслью, разработку и реализацию внутренней и внешней политики в этой сфере. Создание такой структуры не только желательно, но и весьма своевременно — тем более, что стратегические проблемы государственного уровня и противодействие вызовам станут целями государственной политики, не затрагивая рыночных функций корпораций, хотя бы и государственных.

Спрос Китая на зарубежные энергоносители тесно взаимосвязан с внутренней политикой данной отрасли. Стратегия энергетической безопасности включает, прежде всего, повышение эффективности сбережения и использования энергии¹³, оптимизацию спроса на энергоносители и структуры энергетике, охрану окружающей среды, использование новых альтернативных и возобновляемых энергоресурсов, создание стратегического нефтяного резерва¹⁴. Внешнеполитическая функция энергетической стратегии состоит в укреплении международного сотрудничества и в продвижении диверсификации путей снабжения энергоресурсами.

Ныне Китай около 44% нефти импортирует с Ближнего Востока, 32% — из Африки, примерно 13% — из России, 4% — из Казахстана и 7% — из других стран. География территорий-поставщиков свидетельствует об уязвимости почти 80% всего объема импортируемой КНР нефти, что транспортируется морскими путями, контролируруемыми другими странами (через Малаккский пролив), ввиду чего обеспечение безопасности доставки становится первоочередной задачей. К тому же, около 90% морского импорта осуществляется танкерами других стран. Вспыхнувшая в 2003 г. война в Ираке имела существенное влияние в отношении реальных и потенциальных вызовов нефтяной безопасности КНР, как и географии внешней энергетической политики, выявления изъянов доставки. Качественные изменения в балансе сил, возможное в будущем усиление факторов нестабильности на Ближнем Востоке и в Персидском заливе ставят правительст-

во КНР перед необходимостью принятия и применения превентивной стратегии. Она закономерно способствовала осознанию необходимости возможного сокращения — посредством диверсификации источников — объема импорта из ближневосточного региона и объема доставки морскими путями, не контролируемые Китаем.

В свете всего этого очевидно, что доставка энергоносителей трубопроводами из Средней Азии и РФ жизненно необходима для Китая. При этом динамика энергетического сотрудничества КНР в каспийском регионе и с Россией имеет внутреннюю логику, как и определенные различия¹⁵.

Энергоносители Прикаспия

Поскольку по проведенным в 1970-х гг. разведочным работам были оглашены сильно завышенные данные, для начала 1990-х гг. была характерна атмосфера уверенности в том, что бассейн Каспия будто бы способен конкурировать по запасам энергоносителей с ближневосточным — даже заменить последний по значимости. Подписанный в начале 1994 г. “контракт века” между Азербайджаном и корпорацией Бритиш Петролеум положил начало геополитическому соперничеству на Каспии, получившему наименование “Новой большой игры”. В отличие от начала XX в., эта “игра” характеризовалась, прежде всего, обилием вовлеченных игроков, глобализацией экономики и тревогами о возможном в будущем дефиците энергоресурсов, а также совершенно новым качеством силовых центров. Провозглашенная лидерами региона открытая инвестиционная политика повысила привлекательность бассейна Каспия для западных корпораций, быстро снискавших ведущие позиции при разделе энергоресурсов региона — особенно, нефти. Последующие исследования опровергли значимость Каспия как конкурента ближневосточного региона, но одновременно помогли осознать его важность для диверсификации источников энергоносителей, что весьма актуально в свете энергетической безопасности¹⁶.

Ныне главная особенность каспийского региона, лежащего вдали от морских транспортных путей — конкуренция трубопроводных маршрутов, начало которой ознаменовалось рождением проблемы нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД), ставшей еще драматичней применительно к газопроводам.

Ограниченность запасов и добычи энергоносителей, обилие взаимно соперничающих внешних игроков, стремящихся к их вывозу, как и поиск прикаспийскими странами выгод от диверсификации маршрутов транспортировки — все это повышало остроту конкуренции. Особенно ожесточенный характер получила конкуренция проектов России и Запада. Сейчас свыше 15% российского экспорта энергоносителей обеспечивается реэкспортом из каспийского региона, включая 84% всего объема экспортируемой Казахстаном нефти и 75% экспортируемого Туркменистаном газа¹⁷. Каспийские энергоносители и контроль над их транспортировкой имеют стратегическое значение в нынешней энергетической геополитике РФ, она прилагает максимум усилий для поддержания своих преимущественных позиций. Если договоренности РФ со среднеазиатскими странами будут реализованы, то нынешние объемы реэкспортируемых ею энергоносителей могут утроиться: ведь наращиванию добычи сопутствуют рост пропускной способности существующих трубопроводов и появление новых (например, Южного потока). Гибкая политика, проводимая в последнее время РФ по применению

системы европейских цен на энергоносители, и наличие геополитического влияния РФ в Средней Азии значительно повышают вероятность реализации этих договоренностей.

Главная особенность трубопроводных проектов Запада (БТД, Набукко): неадекватность экономического обоснования, что проявляется даже при выборе маршрутов; доминанта этих проектов — геополитика. С момента зарождения их идеи она “работает” в роли геополитического замысла, независимо от того, материализуется ли на практике (как БТД) или остается только идеей. Экономическое обоснование этих проектов предполагает взаимодействие и взаимосвязанность энергоносителей Закавказья и Средней Азии¹⁸. В плане структурных геополитических перемен это повлекло бы соединение двух регионов в единую структуру, что сопряжено с необходимостью прокладки транскаспийских трубопроводов и их зависимость — ввиду ограниченности энергоресурсов — от реализации трубопроводных проектов с иной, незападной направленностью. В результате явно снижается степень реализуемости этих проектов (т.е. Набукко), как и целесообразность их долгосрочной эксплуатации.*

Ввиду конкуренции с Россией энергетические проекты Запада явно содержат в себе геополитические компоненты, что привносит привкус конфронтации. Ввиду ограниченности тамошних запасов энергоносителей проекты их транспортировки в иных направлениях составляют конкуренцию для России со стороны Запада. Не случайно, Россия отнеслась к заинтересованности Китая в среднеазиатских энергопроектах — в отличие от заинтересованности западных стран — с определенным пониманием, неконфронтационно.

Место Средней Азии в энергопроектах КНР

При сильной зависимости от традиционных центров производства энергоносителей и отсутствии уверенности, что их транспортировка безопасна, значимость энергоносителей каспийского региона — особенно, среднеазиатских — жизненно важна для Китая. Его интерес к Центральной Азии естественен в силу географического фактора, экономическое развитие и стабильность сопредельных стран в регионе весьма значимы для его экономического прогресса и безопасности. Для формирования отношений дружбы и стабильного, доверительного, эффективного сотрудничества со странами этого региона Китай приложил огромные усилия по линиям двусторонней и многосторонней дипломатии. Прогрессу отношений сотрудничества существенно содействуют также развитие дружбы и взаимного доверия с РФ, как и усилия, прилагаемые для обеспечения гармонии в региональном сотрудничестве.

Первое обсуждение вопросов сотрудничества по энергоносителям состоялось в 1993 г. с Казахстаном, в дальнейшем китайские корпорации приложили серьезные усилия для налаживания сотрудничества с другими странами.

В Азербайджане корпорации КНР участвуют в разработке шести нефтяных месторождений на суше, в которых суммарный объем долевого участия китайской стороны составляет 87 млн т — количество, способное удов-

* В начале 2010 г. ряд стран ЕС предпринял попытки перевести идею нефтепровода Набукко в практическую плоскость, однако, перспективы реализации проекта по-прежнему неясны по причинам политического и экономического характера. — *Прим. ред.*

летворить лишь 6-месячный спрос в нынешних масштабах китайского импорта. Несмотря на настойчивые усилия китайских корпораций, им никак не удавалось включиться ни в трубопроводные проекты, ни в разработку шельфовых месторождений Азербайджана.

Успехи энергетического сотрудничества КНР в этом регионе опираются на позитивные достижения в сотрудничестве со среднеазиатскими странами, являющиеся, в основном, результатом двусторонних и многосторонних дипломатических усилий на высоком уровне. Китайские корпорации участвуют почти в 30-ти проектах среднеазиатских стран, включая изыскательские. Самые большие инвестиции сделаны в Казахстане. Добыча нефти корпорацией КННК в его месторождениях, включая Петро-Казахстан, в 2007 г. составила 18,6 млн т, газа — 4 млрд куб. м. Наибольший успех сотрудничества в энергетике — прокладка нефтепровода Казахстан— Китай (НКК) и газопровода Туркмения— Узбекистан— Казахстан— Китай (Трансазиатский газопровод ТАГ). Они являются приоритетными в стратегии обеспечения энергетической безопасности КНР.

В 2008 г. начался 2-й этап строительных работ на нефтепроводе Казахстан—Китай, охватывающий 700-километровый участок Кенкияк—Кумкол, посредством которого сданный в эксплуатацию в конце 2005 г. нефтепровод Атасу-Алашанькоу соединится с богатым нефтью участком казахского сектора Каспийского моря. К 2011 г. общая протяженность НКК составит 3000 км при пропускной способности 20 млн т. в год¹⁹.

ТАГ начинается в пограничном с Туркменией Узбекском районе Гедиан, где КННК единолично хозяйствует на месторождении с запасами газа 1,3 трлн куб. м. Труба, проложенная по территориям Узбекистана (525 км) и Казахстана (1293 км), пересекает границу КНР в Хоргосе (Синьцзян). ТАГ представляет собой две параллельные нити диаметром по 1067 мм. Согласно договору, пересмотренному в августе 2008 г., по трубопроводу будет перекачиваться 40 (вместо 30-ти) млрд куб. м туркменского газа в год. В строительство газопровода инвестируется 7,31 млрд долл. Протяженность ТАГ на территории Китая превысит 7000 км. Работы, начавшиеся в середине 2007 г., должны завершиться в 2012 г. Поставки 1-й очереди объемом 3–5 млрд куб. м намечено начать в декабре 2009 г. С политико-дипломатической точки зрения, главная особенность ТАГ — соединение усилий лидеров 4-х стран. Он является плодом гармоничного и тесного сотрудничества.

Уровень обеспечения безопасности двух трубопроводов сопоставим с обеспечением стабильности среднеазиатского региона: все существующие, и потенциальные вызовы (возможные межэтнические столкновения, угрозы исламского экстремизма, терроризма) могут иметь определенное воздействие и последствия для безопасности трубопроводов как в среднеазиатских странах, так и в Синьцзяне. Его полиэтничный состав, этнокультурная и религиозная общность большинства жителей с населением среднеазиатского региона повышают вероятность проникновения из Средней Азии в Синьцзян факторов региональной нестабильности. Ввиду стратегического положения и стратегической значимости Синьцзяна обеспечение его экономического развития и стабильности становится важнейшей задачей правительства КНР. Масштабные инвестиции в сферу энергетики Синьцзяна и региональная экономическая интеграция могут существенно улучшить социально-экономическую ситуацию в этом автономном районе. Проблемы безопасности и устойчивого развития средне-

азиатского региона имеют в этом смысле первоочередную и стратегическую значимость для Китая.

Эффективным механизмом гармоничного и стабильного сотрудничества стран региона с РФ является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Проблематика укрепления сотрудничества и обеспечения безопасности в энергетической сфере изначально стала первоочередной для стран-членов. Хотя ШОС не является и не станет в будущем военной организацией, она имеет необходимый потенциал для предотвращения политическими и дипломатическими средствами изменения баланса сил в регионе, как и для выработки необходимых механизмов обеспечения безопасности. Единственный функционирующий военный механизм в регионе — Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Налицо возможность сотрудничества между ШОС и ОДКБ на случай серьезной угрозы для региональной стабильности.

1. *Xuecheng Liu*. China's Energy Security and Its Grand Strategy. The Stanley Foundation. USA. September 2006. — <http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/pab06chinasenergy.pdf>
2. Annual Energy Outlook 2008. With Projections to 2030, EIA-USA, June 2008. — [http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383\(2008\).pdf](http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383(2008).pdf)
3. Energy in Perspective. BP Statistical Review of World Energy 2007. Perth, 28 June 2007. — http://www.agric.wa.gov.au/pls/portal30/docs/FOLDER/IKMP/SUST/BIOFUEL/190707_STATSREVIEW07PERTH.PDF
4. *Xuecheng Liu*. Указ. соч.
5. *Cherng-Shin Ouyang*. Primary Energy Imbalance and China's Responses: with Special Reference to Oil Industry. CTER, 2008-3-25. — <http://www.edu.tw/ct.asp?xItem=9123@ctnode=12@mp=1>
6. *Xuecheng Liu*. Указ. соч.
7. Для сравнения укажем, что в настоящее время США потребляют около 21 млн баррелей в день, что составляет 25% добываемой в мире нефти, 40% энергетических потребностей США и более чем втрое превышает объем потребления нефти в Китае. Annual Energy Outlook 2008. With Projections to 2030, EIA-USA, June 2008. — [http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383\(2008\).pdf](http://www.eia.doe.gov/oiaf/aeo/pdf/0383(2008).pdf)
8. *Zhang Jianxin*. Oil Security Reshapes China's Foreign Policy, Center on China's Transnational Relations. No.9, 2005–2006, The Hong Kong University of Science and Technology. 2005. — http://www.cctr.ust.hk/materials/working_papers/WorkingPaper9.pdf
9. *Cherng-Shin Ouyang*. Указ. соч.
10. *Xu Xiaojie*. Chinese NOCs' Overseas Strategies: background, comparison and remarks. the James A. Baker // Institute for Public Policy. Rice University. USA. March 2007. — http://www.bakerinstitute.org/programs/energy-forum/personnel/staff/Master_CV_XiaojieXu.pdf
11. *Xuecheng Liu*. Указ. соч.
12. White paper: China's Energy Conditions and Policies. Information office of the State Council of the PRC. December 2007. — <http://www.china.org.cn/english/whitepaper/energy/237089.htm>
13. В 2006 г. на 10 000 долл. ВВП в Китае затрачивалось в 4,7 раза больше энергии, чем в США и в 3,5 раза больше среднемирового уровня. В 2010 г. предполагается сократить этот показатель на 20% (*Cherng-Shin Ouyang*. Указ. соч.
14. В 2005 г. КНР обладала резервным запасом лишь на 30 дней, тогда как у США, Японии, Германии, Франции стратегического нефтяного резерва хватит соответственно на 158, 169, 127 и 96 дней. (*Cherng-Shin Ouyang*. Указ. соч.

15. *Li Xing, Martirosyan H.* The analyses of nationalism and Russian East Asia Resource Diplomatic Strategy // Russian Studies. East China Normal University. Shanghai, 2007. May.
16. Подтвержденные запасы нефти в регионе составляют более 4% мировых запасов (Азербайджан — 0,6%, Казахстан — 3,3%, Туркменистан и Узбекистан — 0,06%). Запасы природного газа составляют более 5% (Азербайджан — 0,8%, Казахстан — 3,1%, Туркменистан — 3%, Узбекистан — 1%).
17. *Li Xing, Martirosyan H.* Указ. соч.
18. Так, эксплуатация БТД после 2011 г. — с учетом сокращения добычи нефти в Азербайджане — предполагает значительные поставки нефти с кашаганского месторождения в Казахстане, что трудно реализовать, используя только танкеры.
19. *Handke S.* Securing and Fuelling China's Ascent to Power: The Geopolitics of the Chinese-Kazakh Oil Pipeline. Clingendael International energy programme. Netherlands Institute of International Relations Clingendael. August 2006. — http://www.clingendael.nl/publications/2006/20060900_ciep_paper_handke.pdf http://www.clingendael.nl/publications/2006/20060900_ciep_paper_handk.pdf

Межкорейские экономические отношения при президенте Ли Мён Баке

© 2010

Л. Захарова

Результатами политики, осуществлявшейся в отношении Северной Кореи президентами Ким Дэ Чжуном и Но Му Хеном, стало проведение двух межкорейских саммитов и существенный прорыв в межкорейском экономическом сотрудничестве. Намеченные на втором межкорейском саммите шаги по расширению этого сотрудничества могли бы значительно сблизить Север и Юг и принести им большую материальную выгоду. Однако приход к власти Ли Мён Бака и его более жесткий подход к Северной Корее свели на нет существенную долю усилий двух его предшественников. Межкорейский диалог был свернут, реализация новых экономических планов оказалась замороженной, а уже существующие проекты начали приносить убытки. В то же время, несмотря на напряженность в официальных межкорейских отношениях, южнокорейский бизнес продолжил развивать свою активность в КНДР. В августе 2009 г. северо-корейская тактика эскалации экономических требований до уровня невыполнимых сменилась ожиданием предложений со стороны Юга.

Ключевые слова: Корейский полуостров, межкорейские экономические отношения, Ли Мён Бак, политика сосуществования и процветания, Кэсонский промышленный комплекс.

После прихода к власти в Республике Корея президента Ли Мён Бака, представляющего партию Ханнара, межкорейские отношения не могли не претерпеть существенных изменений. Отход Сеула от политики "солнечного тепла" и ужесточение позиции Юга по отношению к Северу, вызвавшие ответную негативную реакцию в Пхеньяне, отразились и на межкорейских экономических отношениях. Хотя прорывные договоренности, закрепленные в Декларации о развитии отношений, мире и процветании между Севером и Югом от 4 октября 2007 г., при их полном выполнении могли бы существенно расширить поле экономического взаимодействия двух корейских государств и способствовать их дальнейшему сближению.

4 октября 2007 г. в ходе второго межкорейского саммита Ким Чен Ир и Но Му Хен подписали Декларацию, в пятом пункте которой говорилось о намерениях сторон создать "зону мира и сотрудничества" в районе города Хэчжу и прилегающей акватории, перейти к созданию второй очереди Кэсонской промышлен-

ной зоны, наладить грузовые перевозки между станциями Мунсан и Пондон, построить судостроительные предприятия в Нампхо и Анбене, реконструировать железную дорогу Кэсон-Синьчжу и автомобильное шоссе Кэсон—Пхеньян для совместного использования. Было отмечено, что в долгосрочной перспективе экономический эффект от реализации совместных экономических проектов мог бы составить 150 млрд долл.¹

Знаковым событием на пути достижения реального прогресса в межкорейском сближении стало выполнение 11 декабря 2007 г. договоренности об открытии железнодорожного сообщения между южнокорейским Мунсаном и северо-корейским Пондоном.

Статистическим показателем успешного развития отношений между Севером и Югом в области экономики являлось то, что при президенте Но Му Хене межкорейская торговля росла стабильно высокими темпами. По данным Министерства объединения Республики Корея, за 2007 г. ее объем составил 1,797 млрд долл., на 33% превысив показатель 2006 г. Причем доля именно торговых обменов составила 1,431 млрд долл. (рост по сравнению с 2006 г. — 54%), в то время как доля “некоммерческой торговли” (по южнокорейской классификации туда входит гуманитарная и энергетическая помощь, а также расходы на социально-культурные проекты) за тот же период возросла лишь на 13%, достигнув 366,72 млн долл.²

Более того, за 2005–2007 гг. значительно увеличились объемы экспорта из КНДР в РК. В 2005 г. они составляли 340 млн долл., а в 2007 г. достигли 765 млн долл. (северокорейский экспорт в Китай тогда составил 582 млн долл.)³. Эта цифра, незначительная для внешнеторгового оборота Южной Кореи, оказалась вполне достаточной для того, чтобы сделать РК крупнейшим экспортным рынком для Северной Кореи. Если бы эта тенденция продолжилась, то вскоре Южная Корея смогла бы вытеснить Китай с первого места в списке торговых партнеров КНДР.

2008 год

Однако с приходом к власти Ли Мён Бака (церемония его инаугурации состоялась 25 февраля 2008 г.) выполнение подписанных на втором межкорейском саммите договоренностей оказалось под угрозой, поскольку он пообещал пересмотреть планы по их реализации. В качестве основы для развития межкорейских отношений новый президент РК провозгласил прагматичный подход и политику “сосуществования и сопроцветания”. Целью данного курса было объявлено “создание прочных основ для мирного воссоединения двух корейских государств”. Одним из неотъемлемых элементов этой политики президент провозгласил экономическое развитие Северной Кореи и взаимовыгодное сотрудничество между РК и КНДР с целью создания “взаимодополняющей экономики между Севером и Югом”.

Ли Мён Бак выдвинул свою формулу дальнейшего развития отношений с КНДР — “денуклеаризация-открытость-3000”. Согласно этой формуле, Северная Корея должна отказаться от ядерного оружия, начать проводить курс на реформы и открытость, и тогда РК будет развивать экономическое сотрудничество с КНДР таким образом, чтобы в течение 10 лет доход на душу населения на Севере достиг трех тысяч долларов США⁴.

Став новым президентом РК, Ли Мён Бак сразу же заявил, что не потерпит безвозмездной помощи Пхеньяну, и что сотрудничество с КНДР должно быть основано только на выполнении Севером ряда условий, главные из которых —

полное ядерное разоружение и соблюдение прав человека. “Новое правительство будет выполнять договоренности Юга и Севера с учетом обоснованности этой работы, финансового бремени и гражданского согласия”, — заявил он⁵.

Многие эксперты после прихода к власти Ли Мён Бака прогнозировали, что с таким подходом к КНДР ему вряд ли удастся достигнуть желаемых целей, а вот испортить межкорейские отношения можно будет очень быстро. В результате опасения специалистов оправдались — межкорейские отношения оказались в наихудшем состоянии за последние 10 лет.

Новая политика Сеула вызвала резко негативное отношение со стороны Пхеньяна. Ряд достаточно резких заявлений официальных лиц РК в отношении КНДР привел к свертыванию межкорейских обменов на официальном уровне. Политику Ли Мён Бака в отношении Пхеньяна, а именно формулу “денуклеаризация-открытость-3000”, КНДР назвала “копированием антисеверокорейской линии, проводимой американскими консерваторами, которые стремятся задуть КНДР, вынуждая ее первой демонтировать свою ядерную программу”⁶.

В итоге в первом квартале 2008 г. межкорейские отношения в целом и судьба совместных экономических проектов в частности оказались в состоянии неопределенности. Север взял паузу, чтобы окончательно убедиться в намерениях президента Ли положить конец политике “солнечного тепла”. Намеченные на начало 2008 г. заседания комитетов и подкомитетов проведены не были.

Но уже к концу марта ситуация стала проясняться. Пхеньян дал свой резко негативный ответ на новую политику Юга. 27 марта 2008 г. северокорейские власти выслали 11 южнокорейских чиновников из консультационного офиса по экономическому сотрудничеству в Кэсоне. 29 марта представитель КНДР на военных переговорах объявил о приостановке межкорейского диалога и запрете на пересечение пограничной линии для всех официальных лиц южнокорейского правительства. В то же время, что немаловажно, для работников совместных проектов никаких ограничений не было. А с 1 апреля началась регулярная критика Ли Мён Бака в северокорейских СМИ.

Увидев непродуктивность своего жесткого подхода к КНДР, новая администрация начала его корректировать, делая упор на то, что Ли Мён Бак никогда не отказывался от выполнения договоренностей, достигнутых его предшественниками на двух межкорейских саммитах.

11 июля 2008 г., выступая перед Национальным Собранием, президент Ли подкорректировал свою позицию в отношении Севера, заявив о необходимости возобновить полномасштабный диалог между двумя корейскими государствами и своей готовности серьезно сотрудничать с Пхеньяном по вопросу выполнения соглашений, подписанных его предшественниками⁷. Таким образом, уточняя свой курс, правительство РК объявило, что оно планирует расширять межкорейское экономическое сотрудничество по мере достижения прогресса в разрешении ядерной проблемы КНДР, а не после ее урегулирования, как было заявлено изначально. Но нужно было еще дождаться ответа Пхеньяна на предложения Сеула.

По иронии судьбы, в тот же самый день 11 июля 2008 г. в туристической зоне Кымгансан северокорейский военный застрелил туристку из Южной Кореи. Пхеньян отказался провести совместное расследование инцидента, что привело к приостановке туристических туров в Кымгансан. Только за 4 месяца после приостановки туров организующие их компании во главе с Hyundai Asan потеряли более 140 млн долл.⁸

В конце 2008 г. Пхеньян ужесточил требования по пребыванию южных корейцев на Севере и пересечению ими военно-демаркационной линии. 28 ноября Северная Корея приостановила туристические поездки в Кэсон и железнодорожное сообщение с Югом вдобавок к закрытию консультационного офиса по экономическому сотрудничеству⁹.

С 1 декабря Пхеньян еще больше ограничил сухопутное сообщение через военно-демаркационную линию, сократив количество разрешений на ее пересечение для проезда в Кэсонский промышленный комплекс (КПК) с 500 человек и 200 машин до 250 чел. и 150 машин в сутки. Кроме того, было уменьшено количество южных корейцев, которым разрешено находиться в КПК с 4200 до 880¹⁰.

Многие западные СМИ, узнав о подобном развитии событий, поспешили сообщить о закрытии межкорейской границы со стороны Севера. Тем не менее, по мнению британского эксперта по Корейскому полуострову Э.-Ф. Картера, более пристальное рассмотрение экономического эффекта северокорейских действий, свидетельствует о том, что они были очень четко просчитаны и не должны были нанести существенного ущерба функционированию Кэсонского промышленного комплекса. Запрет на пересечение границы по железной дороге не стал серьезной проблемой для южнокорейских фирм, так как они предпочитали использовать для своих перевозок автомобильный транспорт. Ограничения на количество южнокорейских рабочих и ужесточение порядка пересечения границы, конечно, причинили неудобства, но также не стали серьезной угрозой для функционирования комплекса¹¹.

В целом, несмотря на приостановку официальных переговоров правительств двух стран и возникавшие препятствия, большую часть 2008 г. южнокорейский бизнес продолжал развивать активность на Севере. Во второй половине года эта активность, однако, снизилась, в том числе и в связи с начавшимся глобальным экономическим кризисом.

Месяц	Объем межкорейской торговли (млн. долл.)	
	/ доля коммерческой торговли / доля экспорта из КНДР в РК	
	в 2007 г.	в 2008 г.
Январь	92 749 / 95,9% / 60%	140 504 / 95,6% / 49%
Февраль	82 228 / 95,1% / 54%	118 885 / 96,2% / 50,3%
Март	103 151 / 90,9% / 56,8%	157 897 / 95,2% / 50,2%
Апрель	132 869 / 64,8% / 34,6%	144 248 / 92,2% / 50,4%
Май	151 929 / 69% / 41,7%	172 724 / 88,7% / 44,7%
Июнь	155 243 / 68% / 37%	146 538 / 94,5% / 44%
Июль	183 564 / 73,7% / 42,7%	180 748 / 96,5% / 45,5%
Август	153 399 / 75,4% / 38,8%	162 766 / 88,2% / 48,4%
Сентябрь	172 064 / 66,9% / 37,7%	167 821 / 95,9% / 59,4%
Октябрь	212 378 / 85,3% / 39%	163 065 / 96,9% / 60,7%
Ноябрь	197 313 / 93,9% / 41,9%	142 716 / 93,9% / 56%
Декабрь	161 000 / 87% / 44,4%	122 457 / 95,8% / 57%

Источник: данные Министерства объединения РК

Межкорейская торговля за январь-сентябрь 2008 г. возросла на 13,4% по сравнению с предыдущим годом и достигла 1,2 млрд долл. Но если брать итоги за весь 2008 г., то объемы межкорейской торговли к концу года достигли 1,82 млрд

долл., продемонстрировав рост лишь в 1,2% по сравнению с 2007 г. Основными статьями двустороннего торгового обмена в 2008 г. являлись текстильная продукция, продукция сельского и морского хозяйства, сталь и металлопродукция, полезные ископаемые и электротовары.

Из представленной таблицы можно сделать следующие выводы. Начиная с августа 2008 г. объемы межкорейской торговли ежемесячно снижались, а с сентября и вовсе упали ниже уровня 2007 г.

Доля некоммерческой торговли в межкорейских обменах в 2008 г. сократилась с 19,5% до 5,5% по сравнению с показателями 2007 г., что говорит о существенном сокращении помощи, предоставляемой Югом.

В 2008 г. в межкорейской торговле возросла доля экспорта из КНДР в РК: в 2007 г. она составила около 44%, а в 2008 — уже более 51%. Это может свидетельствовать о росте реальной отдачи от совместных межкорейских проектов в виде роста объемов поставок продукции с Севера на Юг.

В 2008 г. продолжало расти и количество южнокорейцев, посещавших Северную Корею в целях реализации совместных экономических проектов. За год их количество достигло 186 775 чел. (не считая туристов, посетивших горы Кымгансан и город Кэсон), что составило рост по сравнению с 2007 г. на 17,3%. При этом можно отметить резкое падение количества южан, посещавших Север, в августе и декабре 2008 г.

Месяц	Количество южнокорейцев, посетивших Северную Корею, не включая туристов	
	В 2007 г.	в 2008 г.
Январь	7 509	14 011
Февраль	7 118	12 523
Март	9 945	16 572
Апрель	13 455	15 237
Май	13 756	18 117
Июнь	14 632	18 806
Июль	11 175	18 856
Август	13 800	12 721
Сентябрь	11 350	14 883
Октябрь	18 215	16 997
Ноябрь	19 270	16 261
Декабрь	18 989	11 791

Источник: данные Министерства объединения РК

Количество туристов, посетивших горы Кымгансан, в первой половине 2008 года стабильно росло и достигло 199 966 чел. Однако после событий 11 июля туры по данному направлению были приостановлены (с 12 июля). В рамках Кэсонского туристического проекта в 2008 г. Северную Корею посетило 103,122 южан. Однако и эти туры были прерваны с 29 ноября по требованию северян.

В 2008 г. продолжал развиваться главный межкорейский экономический проект — Кэсонский промышленный комплекс. По данным Министерства объединения РК, объемы производства в нем в 2008 г. достигли 251,4 млн долл. (рост по сравнению с 2007 г. — 36%), к концу года там работали 38,93 тыс. северных ко-

рейцев (рост по сравнению с 2007 г. — 72%), и осуществляли свою деятельность 93 южнокорейские компании (рост по сравнению с 2007 г. — 43%)¹².

Среди объективных проблем, с которыми столкнулись южнокорейские предприниматели в КПК, можно выделить нерешенность транспортных, таможенных вопросов и проблем связи, а также нехватку рабочей силы в комплексе. Особенно ощутима проблема нехватки рабочей силы для мелких и средних предприятий. По южнокорейским подсчетам, этим компаниям не хватает около 12 тыс. рабочих. Количество северокорейских трудящихся в Кэсоне, по заявлениям КНДР, ограничено в связи с отсутствием для них общежития и других необходимых для жизни объектов. Правительство Ли Мён Бака выделило средства на строительство общежития для рабочих, но лишь с той оговоркой, что их целевое использование будет осуществляться по мере прогресса в межкорейских отношениях и урегулирования ядерной проблемы КНДР¹³.

Во второй половине 2008 г. южнокорейские фирмы, работающие в Кэсоне, стали нести убытки. В начале декабря 2008 г. они стали требовать от своего правительства возмещение за снизившиеся доходы от КПК. Комитет предпринимателей КПК объявил о сокращении заказов от южнокорейских и иностранных покупателей на товары, произведенные в Кэсоне. По данным этого комитета за три месяца с сентября 2008 г. компании, наладившие производство в КПК, понесли убытки в размере 110 млрд вон. Объемы продаж в сентябре 2008 г. упали на 30%, в октябре — на 40%, а в ноябре — на 60% по сравнению с показателями за те же месяцы 2007 г.¹⁴ Южнокорейские предприниматели пытаются увязать свои потери с ухудшением межкорейских экономических отношений, чтобы получить компенсации от правительства. Но в данном случае нельзя исключать и действия других экономических факторов, в частности глобального снижения спроса на промышленную продукцию.

Помимо Кэсона, южнокорейские бизнесмены в 2008 г. вкладывали свои капиталы и в другие совместные проекты. За прошлый год правительство РК одобрило 9 новых проектов, а объем новых инвестиций РК в КНДР по итогам года составил 53,1 млн долл. (рост по сравнению с 2007 г. — 198%)¹⁵.

В 2008 г. южнокорейскому бизнесу удалось открыть первое в столице Северной Кореи совместное предприятие. Церемония открытия, на которую из Сеула прилетели 254 южных корейца, состоялась 30 октября 2008 г. Этим совместным предприятием стал Пхеньянский завод по производству пенькового волокна, 50% в котором принадлежит южнокорейской фирме Andong Hemp Textiles и 50% — северокорейской Saebyol General Trading Co. Рабочими этого завода стали около 1000 граждан КНДР. Инвестиции в проект с обеих сторон составили по 15 млн долл. при потребовавшихся трех годах для реализации плана этого проекта¹⁶.

В 2008 г. южнокорейское правительство внесло поправки в Закон о межкорейских обменах и сотрудничестве (Национальное Собрание одобрило их 8 января 2009 г.) и упростило административные процедуры для обменов между Севером и Югом. Согласно утвержденным поправкам, в определенных случаях южные корейцы более не должны отчитываться о своих контактах с северными корейцами, а инвесторы в небольшие совместные проекты теперь могут просто представить отчет о проекте, не ожидая одобрения правительства¹⁷.

Что касается гуманитарной помощи, в 2008 г. ее поставки по линии правительства были приостановлены. Администрация Ли дважды предлагала Пхеньяну гуманитарную помощь в объеме 50 тыс. т зерна, но ответа на свои предложе-

ния не получила. Гуманитарные поставки, осуществлявшиеся частным сектором Южной Кореи на Север, сократились. По данным Министерства Объединения РК, за 2008 г. 61 южнокорейская организация предоставила КНДР помощь в размере 67 млн долл. В итоге объемы гуманитарной помощи Северу с Юга сократились на 80% по сравнению с уровнем 2007 г.

В свете всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что провозглашенная Ли Мён Баком “политика сосуществования и сопроцветания” в первый год его президентства не привела к прогрессу в межкорейских экономических отношениях, а скорее осложнила их. Небольшой рост, достигнутый в области торговли, главным образом явился результатом усилий его предшественника. Всего за несколько месяцев 2008 г. были свернуты многие межкорейские проекты, а Кэсонский промышленный комплекс остался единственным масштабным совместным детищем двух корейских государств.

2009 год

В опубликованном 31 декабря 2008 г. Рабочем плане Министерства объединения РК на 2009 г. в качестве важнейших целей ставится возобновление диалога и “расширение взаимовыгодного межкорейского сотрудничества”. Среди приоритетных Министерством были названы проекты в области лесного и сельского хозяйства, рыболовства, разработки минеральных ресурсов, а также работа по соединению Транскорейской магистрали с Транссибирской и Транскитайской и прокладка газопровода из России в Южную Корею с участием КНДР. Кроме того, правительство РК поставило перед собой задачу приложить максимум усилий для того, чтобы ослабить введенные Севером ограничения в отношении работы южнокорейских компаний в Кэсоне, а также урегулировать вопрос с задержками, возникающими у задействованных там фирм в области транспортировки, связи и таможенного досмотра¹⁸.

Одним из вариантов возможного успешного сотрудничества Севера и Юга, обозначившимся в начале 2009 г., могло бы стать приобретение Республикой Корея топливных стержней из северокорейского ядерного реактора. Несмотря на всю предшествовавшую воинственную риторику Севера, 15 января 2009 г. южнокорейская делегация во главе с заместителем представителя РК на шестисторонних переговорах Хван Чун Гуком посетила Пхеньян, где в течение пяти дней вела переговоры по поводу возможного приобретения Южной Кореей неиспользованных топливных стержней из ядерного реактора в Енбене. Покупка Сеулом этих стержней позволила бы Пхеньяну выполнить одно из важнейших оставшихся условий в рамках процесса денуклеаризации и выведения из строя северокорейского атомного комплекса. Сеул предложил купить их в 2007 г. для использования в своих атомных реакторах. Пхеньян оценил стоимость имеющихся у него 14 800 топливных стержней (эквивалент 100 т урана) в 11 млн долл. Однако Сеул посчитал, что цена должна быть ниже, так как Югу пришлось заплатить бы еще и за их переработку¹⁹. В конечном итоге, соглашения по поводу их покупки между двумя странами достигнуто так и не было.

Провозглашенные Министерством Объединения РК масштабные планы по развитию экономических связей с КНДР требуют, прежде всего, выведения двусторонних отношений из тупика. В первом полугодии 2009 г. прогресса в данном направлении достигнуто не было. Напротив, ситуация на полуострове еще больше осложнилась в результате запуска Северной Кореей ракеты и осуществленного ею второго ядерного испытания. Эти проблемы, наряду с мировым эконо-

мическим кризисом, резко негативно сказались на межкорейском экономическом сотрудничестве.

По данным Таможенной службы РК, за первые 4 месяца 2009 г. объем торговли между Севером и Югом снизился почти на 25%, составив 426,35 млн долл. (за тот же период 2008 г. он составил 566,92 млн долл.)²⁰. На фоне глобального экономического кризиса и напряженности на Корейском полуострове экспорт южнокорейских компаний, работающих в Кэсонском промышленном комплексе, упал более чем на половину за этот же период²¹.

Северокорейские компании, занимающиеся процессионной торговлей, а также занятые в сельскохозяйственной и рыболовной отраслях, также понесли серьезные убытки в связи с ухудшением межкорейских отношений. Десятки предприятий оказались под угрозой закрытия, и многие другие понесли большие потери в связи с сокращающейся торговлей КНДР²².

Что касается гуманитарной помощи Северу со стороны Юга, в первом полугодии 2009 г. ее объемы сократились на 60% по сравнению с 2008 г., составив 15,18 млн долл. за период с января по май²³.

В условиях, когда Кэсонский промышленный комплекс остался единственным масштабным совместным проектом двух корейских государств, северокорейские власти решили использовать его для оказания давления на южан. Сеулу было предложено провести 21 апреля официальные межкорейские переговоры в Кэсонском промышленном комплексе (впервые при Ли Мён Баке). В ходе состоявшейся встречи северяне потребовали от представителей Юга повысить зарплаты северокорейским рабочим, занятым в КПК, а также начать выплачивать арендную плату за землю в 2010 г., а не в 2014 г., как было решено в 2005 г.²⁴

В продолжение этой линии 15 мая КНДР объявила о том, что будет считать недействительными все контракты, касающиеся КПК. Устанавливая новые правила по заработным платам для рабочих и выплатам земельной ренты, Пхеньян подчеркнул, что несогласные с этим решением компании могут покинуть комплекс²⁵.

Обосновывая свои новые требования, Северная Корея заявила, что льготные условия и низкие затраты на производство для южнокорейских фирм в КПК были основаны на "исторической Совместной декларации Севера и Юга от 15 июня 2000 г.", в которой были провозглашены цели экономического сотрудничества для достижения национального объединения. В условиях же, когда, по словам Пхеньяна, Сеул отказался от данного соглашения, он должен был платить полную цену. В связи с этим, Северу показалось вполне оправданным требовать повышения зарплаты для своих рабочих в 4 раза до 300 долл. в месяц, а также настаивать на выплате Югом 500 млн долл. за аренду земли, на которой располагается КПК²⁶.

Данные действия КНДР, очевидно, были продиктованы стремлением повлиять на политику Ли Мён Бака и стали попыткой выкачать максимум денежных средств из находящейся на ее территории экономической зоны, в которой завязаны интересы южнокорейского бизнеса.

Неоднократно подчеркивая в официальных средствах массовой информации свою поддержку в отношении КПК²⁷, Пхеньян продолжал переговоры с Сеулом, настаивая на выполнении своих материальных требований. В то же время во время очередных переговоров в июне 2009 г. северяне намекнули на свою готовность ослабить введенные 1 декабря 2008 г. ограничения на въезд в КПК и выезд из него²⁸. В данной ситуации четко прослеживается традиционная северокорей-

ская тактика эскалации требований до уровня невыполнимых для того, чтобы потом, пойдя на уступки, вернуться на прежние позиции.

Время уступок наступило в середине августа 2009 г., когда по итогам визита в КНДР главы группы компании Хендэ и ее встречи с Ким Чен Иром (16 августа) был подписан ряд соглашений, открывающих возможности для возобновления и активизации межкорейских экономических отношений. Подписанный документ содержит следующие пункты.

1) Стороны договорились в ближайшее время возобновить приостановленные туристические поездки в Кымгансан и начать проводить туры на Пиробон, самый высокий пик этих гор.

2) Стороны договорились восстановить сухопутное сообщение через военно-демаркационную линию для работников со стороны Юга, а также время их пребывания на стороне Севера согласно духу исторической Декларации от 4 октября.

3) Стороны договорились возобновить туристические туры в Кэсон и активизировать работу КПК, как только будет восстановлено сухопутное сообщение через военно-демаркационную линию.

4) Группа Хендэ решила начать туристические поездки в горы Пэкту.

5) Стороны договорились провести встречи разлученных родственников Севера и Юга в горах Кымган в день национального корейского праздника Чхусок²⁹.

Демонстрируя свою готовность к развитию экономического сотрудничества с Югом, 20 августа Север отменил введенные 1 декабря 2008 г. ограничительные меры. Следующей “уступкой” стало предложение Пхеньяна увеличить зарплаты северокорейским рабочим, занятым в Кэсоне, уже не в 4 раза, а лишь на 5% — с \$55,12 до \$57,88³⁰.

Подобное благополучное развитие событий очень выгодно предпринимателям РК, занятым в Кэсоне. Несмотря на сложное начало 2009 г., южнокорейские компании продолжили развивать там свою активность. По данным на 2 сентября, в КПК свою деятельность осуществляют уже 114 фирм, а с июня этого года резко выросли объемы производимой в комплексе продукции. В июле ее объемы составили 20,59 млн долл. — рост по сравнению с предыдущим месяцем составил 1,5%, а по сравнению с тем же периодом прошлого года — 1%³¹.

Вышеупомянутые “примирительные” шаги были сделаны Пхеньяном в надежде на ответную реакцию со стороны Сеула — в виде поставок гуманитарной помощи, в частности, безвозмездные поставки риса и удобрений на Север были прекращены Югом с момента прихода Ли Мён Бака к власти. О том, что КНДР ждет гуманитарной помощи от РК, сообщил глава Красного Креста Южной Кореи, встречавшийся со своим северокорейским коллегой во время проведения встреч разлученных родственников во второй половине сентября 2009 г.³²

Предоставление гуманитарной помощи на данном этапе могло бы стать важным шагом правительства Ли Мён Бака на пути к налаживанию официальных отношений двух стран, находящихся в напряженном состоянии, а также способствовать расширению и развитию межкорейского экономического сотрудничества. Однако пока президент РК продолжает увязывать все вопросы двусторонних отношений с прогрессом в урегулировании ядерной проблемы КНДР. Выступая в Нью-Йорке, он предложил Пхеньяну согласиться на проект “большой сделки”, согласно которому КНДР демонтирует “основной компонент” своей

ядерной программы в рамках шестистороннего процесса, после чего ей будут предоставлены гарантии безопасности и международная помощь³³.

Поводя итоги, следует отметить, что во второй половине 2009 г. отношения двух корейских государств продолжают находиться в состоянии спада. Продвигаемая на официальном уровне Республикой Корея политика сосуществования и сопроцветания не приносит своих плодов. Главным препятствием на пути к действительно эффективному долгосрочному сотрудничеству двух корейских государств продолжает оставаться отсутствие доверия между сторонами. В связи с этим вряд ли можно ожидать реализации крупномасштабных проектов с участием двух корейских государств в ближайшем будущем.

И все же на сегодняшний день экономика является той сферой, которая продолжает связывать корейцев по обе стороны от 38 параллели. И Север, и Юг объективно заинтересованы в возобновлении и развитии активного экономического сотрудничества. Пхеньяну необходима экономическая помощь со стороны Сеула и его содействие в выведении северокорейской экономики из тяжелейшего кризиса. В свою очередь РК не заинтересована в полной потере своего влияния на Пхеньян и не может позволить себе отстраниться от активного участия в урегулировании проблем Севера, в том числе экономических. Кроме того, в реализации совместных экономических проектов заинтересован и южнокорейский бизнес, выгодно пользующийся дешевой рабочей силой, землей и ресурсами северного соседа. Однако для того, чтобы увидеть "новые горизонты межкорейской кооперации", обоим государствам, очевидно, придется пойти на уступки для достижения взаимоприемлемого компромисса.

1. The Korea Herald. 2007. 6 oct.
2. 2007 Inter-Korean Trade. — www.unikorea.go.kr/en/.
3. Данные Банка Кореи — доклад от 18.06.2008. — www.bok.or.kr.
4. Политика сосуществования и сопроцветания в отношении Севера. (на кор. яз.). — <http://www.unikorea.go.kr/>.
5. Тона ильбо. 2008. 22 янв.
6. Сообщение ЦТАК от 16.04.2008.
7. Речь президента РК от 11.07. 2008 г. — www.president.go.kr/kr/president/speech/speech_list.php.
8. The Korea Herald. 2008. 19 nov.
9. Powerpoint_presentation_on_the_North_Korea_policy. — <http://www.unikorea.go.kr/en/>.
10. The Korea Herald. 2008. 6 dec.
11. Aidan Foster-Carter. Report on North Korea-South Korea Relations. — http://www.csis.org/component/option,com_csis_pubs/Itemid,131/.
12. Inter-Korean Relations in 2008. — <http://www.unikorea.go.kr/en/>.
13. Frozen Inter-Korean Relations and the Impact on the Kaesong Industrial Complex. — 11.02.2009 — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s30/content.asp?icnkbriefNO=35&GoP=1>.
14. The Korea Herald. 2008. 6 dec.
15. Inter-Korean Relations in 2008. — <http://www.unikorea.go.kr/en/>.
16. Сообщение южнокорейского информационного агентства Енхп от 30.10.2008.
17. Inter-Korean Relations . in 2008. — <http://www.unikorea.go.kr/en/>.
18. MOU Work Plans 2009 — <http://www.unikorea.go.kr/en/>.
19. Сообщение южнокорейского новостного канала KBS от 22.01.2009.
20. Yonhap. 2009. 6 sept.
21. Korea Herald. 2009 6 aug.

22. Inter-Korean Exchange, Investment Reduced As Relations Crumble. — 2009-06-16. — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=289&GoP=1>.
23. The Korea Herald. 2009. 24 iul.
24. Monthly Recap. 2009. 5 apr. — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=278&GoP=%201>.
25. Monthly Recap: 2009. 6 mar. — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=285&GoP=1>.
26. The Korea Herald. 2009. 24 iul.
27. DPRK claims to support Kaesong after nuke test. — 2009.05.29. — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=284&GoP=1>.
28. Outcome of the June 19 Inter-Korean Working-Level Talks. — 2009-06-23. — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=290&GoP=1>.
29. Kim Jong Il Meets With Hyundai Chief. — <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=303&GoP=1>.
30. The Korea Herald. 2008. 12 sept.
31. Lim Eul-chul. Kaesong Industrial Complex: Is a Second Reprieve Possible? — 2009-09-21, Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University.
32. The Korea Herald. 2009. 27 sept.
33. The Korea Herald. 2009. 25 sept.

Российский Дальний Восток

Сотрудничество России и стран АТР в утилизации атомных подводных лодок, выведенных из боевого состава российского ВМФ

© 2010

А. Фролов

В статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества в области утилизации атомных подводных лодок, выведенных из боевого состава Тихоокеанского флота России. Тяжелое финансово-экономическое положение и неспособность самостоятельно решить проблему утилизации многоцелевых АПЛ вынудило Россию обратиться за помощью к Японии, к которой присоединились другие страны АТР — Австралия, Южная Корея и Новая Зеландия. За время сотрудничества на зарубежные средства было утилизировано три АПЛ, построен завод по переработке радиоактивных отходов, подписан контракт на утилизацию еще двух АПЛ.

Ключевые слова: многоцелевая атомная подводная лодка, утилизация, Азиатско-Тихоокеанский регион, Тихоокеанский флот, судоремонтный завод, радиоактивные отходы, глобальное партнерство, Япония

Утилизация выведенных из состава российского флота атомных подводных лодок (АПЛ) представляет серьезную проблему экологического, технического и финансового порядка и является одним из вызовов для безопасности Российской Федерации в сфере экологии. Отсутствие необходимых финансовых средств и соответствующей инфраструктуры в 1990-х гг. привело к тому, что количество выведенных из боевого состава АПЛ, в том числе имеющих на борту не выгруженное отработавшее ядерное топливо (ОЯТ), значительно превысило имевшиеся в России мощности по их утилизации. Особую остроту эта проблема приобрела на Дальнем Востоке России, где количество АПЛ, выведенных из боевого состава Тихоокеанского флота (ТОФ), к началу 1995 г. достигло 50, причем из них было утилизировано только несколько подлодок¹. О темпах вывода АПЛ ТОФ из боевого состава флота дает представление следующая таблица

Таблица 1²

Годы	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Количество АПЛ	3	1	2	3	9	11	7	5	4	3

К концу 2008 г. общее число выведенных из боевого состава атомных подводных лодок ТОФ достигло 75³. Ситуация осложнялась еще и тем, что количество дальневосточных судоремонтных предприятий и их оснащенность значительно уступали аналогичным предприятиям Северо-Западного региона⁴.

В этих условиях одним из решений данной проблемы могло стать международное сотрудничество. Начиная с 1999 г. при финансовой помощи США в рамках российско-американской программы “Совместного уменьшения угрозы” (СУУ) на Дальневосточном заводе (ДВЗ) “Звезда” приступили к утилизации стратегических атомных подводных лодок⁵. Наряду с США, единственным зарубежным партнером, принявшим участие в программах утилизации АПЛ в 1990-х гг. на Дальнем Востоке, стала Япония. Побудительным мотивом для принятия мер по оказанию помощи стало значительное число радиационно-опасных объектов на Дальнем Востоке России, являющихся источником ядерной и радиационной опасности и для Японии. Большое значение имели также аспекты, касающиеся нераспространения оружия массового уничтожения и вопросы, связанные с борьбой против терроризма⁶.

Кроме того, позиция Японии была основана еще на одной специфической особенности, выделяющей эту страну из остального круга зарубежных партнеров России в вопросе утилизации АПЛ. Весьма эмоционально она была выражена заместителем министра иностранных дел Японии М. Сэкигути в 2007 г., по поводу заключенного в 2005 г. контракта на утилизацию пяти АПЛ: “мы идем на такие расходы за счет японских налогоплательщиков сознательно, без какой-либо материальной выгоды. Япония — единственное государство, которое однажды подверглось атомной бомбардировке. Поэтому мы придаем особое значение нераспространению ядерной опасности в зоне Японского моря”⁷. В японской мотивации также сильны и экологические соображения, — тот же М. Сэкигути отметил, что “такое (в области утилизации АПЛ — А.Ф.) сотрудничество не только укрепляет взаимодоверие, дает хорошие шансы на партнерство в других сферах, но и позволяет решить большую международную проблему — ликвидировать реальную экологическую угрозу, которую таят в себе списанные атомные субмарины”⁸.

Позиция японской стороны по вопросу об утилизации российских АПЛ на Дальнем Востоке была четко очерчена в предложенной Японией инициативе “Совместные усилия Японии и Российской Федерации в вопросах разоружения и защиты окружающей среды” (май 1999 г.): “безопасная утилизация выведенных из боевого состава флота российских АПЛ на Дальнем Востоке является важной и срочной международной задачей, не только по соображениям контроля над вооружениями и разоружением, а также защиты окружающей среды в регионе Японского моря. По этой причине, надлежащее реагирование на этот вопрос представляет большую важность не только для безопасности и процветания собственно Японии, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона”⁹.

Впервые данная проблема была включена в двустороннюю повестку дня в 1992 г., когда Япония приступила к формальным переговорам с Россией по вопросам оказания содействия в укреплении ядерной безопасности, экологическим вопросам и продвижения идей нераспространения¹⁰. В апреле 1993 г. на саммите

“Большой восьмерки” в Токио Япония объявила о выделении 100 млн долл. на деятельность, связанную с процессом разоружения в бывшем СССР. И уже 13 октября 1993 г. стороны заключили “Соглашение о сотрудничестве в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в Российской Федерации ядерного оружия и созданию Комитета по сотрудничеству в содействии ликвидации ядерного оружия, сокращаемого в Российской Федерации в этих целях (Committee for Cooperation to Assist the Destruction of Nuclear Weapons Reduced in the Russian Federation)”¹¹.

Именно через Комитет предполагалось финансировать проекты по разоружению в России. При этом из-за отсутствия между двумя странами мирного договора и соглашения о мирном использовании атомной энергии управление финансированием в интересах технического секретариата осуществляло государственное инвестиционное агентство Великобритании, которое, в свою очередь, для оказания технической поддержки назначило на конкурсной основе компанию “AEA Technology” (Великобритания)¹².

Однако к практической реализации данного соглашения в части утилизации атомных подводных лодок приступить не удалось из-за ряда организационных проблем, в том числе неконструктивной позиции японской стороны, в связи с сохранением ограничений на доступ японских специалистов на режимные объекты Тихоокеанского флота¹³.

В 1994 г. японское правительство уточнило распределение заявленных годом ранее средств (которые на тот момент фактически составляли уже 114 млн долл. из-за укрепления иены по отношению к доллару) между республиками бывшего СССР — России предназначалось порядка 70% средств или 79 млн долл.¹⁴ В том же году в связи с имевшим место в 1993 г. сливом Тихоокеанским флотом низкорadioактивных отходов в воды Японского моря, японское и российское правительства приступили к переговорам по возможному строительству завода по переработке низкорadioактивных отходов с целью недопущения подобных инцидентов в будущем. Эта задача была включена в повестку работы российско-японского Комитета, который в качестве первоочередной задачи определил строительство комплекса по переработке жидких радиоактивных отходов¹⁵.

Данный проект был реализован в виде строительства плавучего завода очистки жидких радиоактивных отходов ПЗО-500 (японское название — “Сузуран” (“Ландыш”))¹⁶. В 1995 г. японское правительство объявило международный тендер на строительство комплекса, который был выигран совместно японской группой Tomem и российско-американской технической группой, состоящей из компаний Babcock & Wilcox (США), ОАО “Амурский судостроительный завод”, ЦНИИ им. А.Н. Крылова и АО КВ “Вымпел”.

Контракт с японским правительством был подписан в декабре 1995 г., которое выделило на его реализацию порядка 4,2 млрд иен (примерно 40 млн долл.)¹⁷ Строительство осуществлялось на ОАО “Амурский судостроительный завод”, основное оборудование поставлялось из США. Комплекс проходил испытания в 1999–2000 гг. на ДВЗ “Звезда”, 10 августа 2000 г. был подписан акт государственной приемки, и комплекс был введен в эксплуатацию на ДВЗ “Звезда” в феврале 2001 г.

Наряду с работами по плавучему заводу продолжались переговоры и по другим вопросам сотрудничества. После визита в Россию министра иностранных дел Японии К. Обути в мае 1998 г. стороны объявили о новой двусторонней инициативе в области денуклеаризации, разоружения и нераспространения¹⁸. В ию-

не 1999 г. японское правительство вслед за США, объявившими в начале года о Расширенной инициативе по уменьшению угрозы (Expanded Threat Reduction Initiative), заявило о выделении дополнительных 200 млн долл. на ядерное разоружение и безопасность в России. Кроме того, было отмечено, что из первоначально выделявшихся 100 млн долл. в странах бывшего СССР было потрачено только 65 млн долл.¹⁹

В том же году российско-японский Комитет по сотрудничеству принял решение о финансировании трех проектов, среди которых была утилизация многоцелевой АПЛ, и в августе 2000 г. это решение было одобрено правительством России²⁰. На эти проекты планировалось выделить порядка 35 млн долл., неистраченных в 1993–1999 гг.

Рассматривались следующие проекты:

- реконструкция железнодорожного полотна между Большим Камнем и Смоляниново;
- поставка технических средств, предназначенных для выгрузки и временного хранения отработавшего ядерного топлива;
- реконструкция танкера "Пинега" для использования в качестве транспорта транспортно-упаковочных контейнеров с ОЯТ АПЛ;
- экспериментальная утилизация выведенный из эксплуатации АПЛ класса Victor-III (пр. 671 РТМ(К)) на ДВЗ "Звезда"²¹.

С целью оказания поддержки Техническому секретариату по управлению этими проектами было вновь привлечено Государственное инвестиционное агентство Великобритании. После проведения конкурса в марте 2000 г. с компанией "АЕА Technology" был подписан контракт на выполнение технико-экономического обоснования по проектам 3 и 4, итоговые отчеты были подготовлены уже в сентябре 2000 г.²²

Предполагалось, что собственно реализация проектов начнется с апреля 2001 г., но в установленные сроки этого не произошло²³. Так, на реконструкцию железнодорожной ветки длиной 27 км, связывающей ДВЗ "Звезда" со станцией Смоляниново (Транссибирская магистраль), по которой отработавшее ядерное топливо должно было перевозиться на предприятие "Маяк", требовалось 7 млн долл., и японская сторона не исключала возможность финансирования данного проекта²⁴.

Стороны также рассмотрели проект конверсии танкера "Пинега" в транспорт отработавшего ядерного топлива, но после анализа технической и финансовой составляющих данной инициативы стало очевидно, что этот проект слишком дорог, и от его реализации отказались (затраты на переоборудование составили бы не менее 17 млн долл. при максимальных текущих эксплуатационных расходах)²⁵.

В результате задержек оба этих проекта попали в зависимость от внутриполитической ситуации в Японии: так, в 2002 г. выделенные на утилизацию АПЛ и модернизацию железнодорожных путей средства были заморожены японским правительством, и японская сторона заявила о временном прекращении сотрудничества²⁶.

После принятия программы "Глобальное Партнерство "восьмерки" против распространения оружия массового уничтожения и материалов для его производства на саммите "восьмерки" в Кананаскисе в июне 2002 г. российско-японское сотрудничество в области утилизации АПЛ вновь активизировалось. Уже в ноябре 2002 г. состоялся визит на ДВЗ "Звезда" парламентского секретаря Ми-

нистра иностранных дел Японии Е. Синдо, в ходе которого обсуждалась возможность утилизации российских АПЛ на средства Японии²⁷.

Япония в первую очередь была заинтересована в утилизации многоцелевых АПЛ Тихоокеанского флота, так как утилизация стратегических АПЛ в регионе относительно ритмично проводилась на средства США и России в рамках программы Совместного уменьшения угрозы.

Решение об утилизации первой АПЛ на средства России и Японии было принято в январе 2003 г. в ходе визита в Россию премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в рамках подписанного «Японо-российского Плана действий». Программа демонтажа списанных АПЛ в Дальневосточном регионе РФ стала одним из ключевых элементов этого плана и получила название «Звезда надежды»²⁸. Тогда же Дз. Коидзуми подтвердил намерение Японии выделить на проекты по утилизации АПЛ 100 млн долл.²⁹. В дальнейшем цели проекта были уточнены: стороны планировали утилизировать 42 атомных подводных лодки, находящихся на Дальнем Востоке³⁰. Предполагалось, что на средства Японии будет утилизировано 26 многоцелевых атомных подводных лодок³¹.

С целью практической реализации проекта по утилизации АПЛ пр. 671 в июне 2003 г. между Россией и Японией было заключено «Исполнительное соглашение по демонтажу АПЛ». Первый финансовый и рабочий контракт по проекту «Звезда надежды» на утилизацию АПЛ на ДВЗ «Звезда» был заключен с Японией в декабре 2003 г.

В рамках проекта в 2003 — октябре 2004 гг. была утилизирована АПЛ пр. 671 (зав. № 308). Стоимость утилизации составила 6,2 млн долл., включая расходы на инфраструктуру по утилизации³². В декабре 2004 г. в связи с окончанием процесса комплексной утилизации первой АПЛ этот этап проекта «Звезда надежды» был признан успешно завершенным³³.

В августе 2004 г. японская делегация под руководством парламентского секретаря по международным делам К. Танака посетила Владивосток и Камчатку с целью оценки хода выполнения совместной программы и проведения переговоров по будущему сотрудничеству, в первую очередь по утилизации АПЛ пр. 671 и графику выполнения работ³⁴. В ходе визита японская сторона отмечала, что основные проблемы связаны с разработкой графика утилизации из-за ограниченности предоставляемой российской стороной информации и по причине секретности³⁵. Тогда же представители японской делегации не исключали расширения программы за счет направлений, связанных со всей процедурой утилизации АПЛ, а не только собственно утилизацией многоцелевых АПЛ, но подчеркивали, что «это является предметом обсуждения»³⁶.

В январе 2005 г. стало известно о намерении японской стороны продолжить финансирование утилизации АПЛ на Дальнем Востоке. В ходе визита в Москву министра иностранных дел Японии Н. Матимурэ была подтверждена готовность Японии выделить на утилизацию 4 млрд иен (порядка 40 млн долл.), которые предполагалось направить на утилизацию трех многоцелевых атомных подводных лодок пр. 671 РТМ и по одной пр. 671 и пр. 670³⁷.

В продолжение этой инициативы в ноябре 2005 г. в ходе визита президента России В.В. Путина в Японию в рамках второго этапа проекта «Звезда надежды» была достигнута новая договоренность, по которой на средства Японии предполагалось утилизировать пять АПЛ, из них четыре на ДВЗ «Звезда»³⁸. 12 сентября 2006 г. в ее развитие было подписано межправительственное соглашение на утилизацию пяти АПЛ, причем на ДВЗ «Звезда» должна была быть утилизиро-

вана первая АПЛ пр. 671. В дальнейшем на заводе планировалось утилизировать еще три АПЛ проекта 671 РТМ, а пятую АПЛ пр. 670 предполагалось утилизировать на СРЗ-49 на Камчатке. Объем средств, который планировалось выделить для работ на "Звезде", должен был составить от 30 до 33 млн долл.³⁹

В развитие данной договоренности 2 августа 2007 г. в присутствии заместителя министра иностранных дел Японии С. Масакадзу был подписан очередной контракт между Россией и Японией на утилизацию трех атомных подводных лодок пр. 671 РТМ (К) на ДВЗ "Звезда"⁴⁰. Их утилизацию планировалось завершить к концу 2008 г.⁴¹ Из данных лодок к августу 2007 г. была закончена утилизация первой АПЛ пр. 671 (зав.№ 614), а к началу февраля 2009 г. — АПЛ пр. 671 РТМ (К)⁴².

Наряду с выделением средств на утилизацию непосредственно АПЛ и финансирования инфраструктуры по обращению с радиоактивными отходами, японская сторона в лице парламентского секретаря министра иностранных дел Японии К. Кацуюки в ходе его визита в Россию в июле 2005 г. не исключала своего участия в строительстве второй очереди наземного хранилища реакторных отсеков⁴³. В данном проекте Японии могла выступать в качестве поставщика оборудования для строящегося за счет средств федерального бюджета России пункта долговременного хранения в бухте Разбойник на 100 реакторных отсеков⁴⁴.

Возможное привлечение Японии было вызвано тем, что строительство объекта стоимостью 80 млн долл. осуществлялось с 2004 г. за счет средств российского бюджета, но их объем не позволял завершить его в приемлемые сроки, что вынудило российскую сторону обратиться к Токио за помощью⁴⁵. Осенью 2005 г. предполагалось приступить к консультациям по данному вопросу. По итогам июльского визита К. Кацуюки, Токио заявил о готовности выделить 5 млн долл. на создание системы контроля за уровнем радиации на суше и воде в районе утилизации АПЛ (вероятнее всего, речь шла о территории вокруг ДВЗ "Звезда")⁴⁶. К этому вопросу стороны снова вернулись в мае 2007 г. когда стало известно, что японское правительство ведет переговоры о предоставлении помощи в создании хранилища⁴⁷.

Также следует отметить, что несмотря на реализацию собственных проектов на судоремонтном заводе "Звезда", который также сотрудничает с США по программе СУУ, а также в отличие от имеющегося опыта совместной работы по строительству судна по очистке отходов "Ландыш", Япония на официальном уровне по состоянию на 2004 г. не имела планов по совместному с США участию в программах по разработке технологий утилизации⁴⁸. Вероятно, никаких совместных проектов в дальнейшем так и не было предпринято.

В контексте российско-японского сотрудничества необходимо отметить и еще один проект. В 2003 г. о своем намерении участвовать в программе комплексной утилизации заявила Австралия. Однако поскольку размер выделяемых средств был невелик (порядка 10 млн австралийских долл. или 7 млн долл. США на тот момент), Австралия предложила не заключать отдельного соглашения с Россией в данной области, а передать эти средства Японии в лице японско-российского Комитета по сотрудничеству в области ликвидации подлежащих сокращению российских вооружений⁴⁹.

Комментируя ситуацию, парламентский секретарь министра иностранных дел Японии К. Кацуюки в июле 2005 г. заявил о том, что правительство Австралии изъявило желание финансировать второй этап российско-японской программы "Звезда надежды" и готово выделить для этого 740 млн иен (порядка

7 млн долл.)⁵⁰. Соответственно, с российской стороны Росатом в 2004 г. обменялся письмами с российско-японским Комитетом и австралийским Министерством иностранных дел, затем состоялся обмен нотами между Министерством иностранных дел России и Австралии, а практическую работу предполагалось вести в рамках российско-японского Комитета, на чей счет и должны были поступить австралийские средства⁵¹.

Австралийские средства в итоге были задействованы в программе утилизации АПЛ. Они были использованы для финансирования процедуры утилизации АПЛ пр. 671 (зав. 614).

Впрочем, Австралия была не единственной страной, которая совместно с Японией содействовала сокращению наследия холодной войны на Дальнем Востоке. Правительство Южной Кореи обратилось к вопросу оказания содействия в вопросах утилизации атомных подводных лодок и радиационной безопасности в регионе еще в середине 1990-х гг. Так, в 1995 г. Республика Корея предоставила 1 млн долл. для закупки контрольно-дозиметрических приборов, вероятно, для предприятий и организаций, вовлеченных в процедуру утилизации на Дальнем Востоке⁵².

В дальнейшем российско-корейское сотрудничество в вопросе содействия утилизации АПЛ на Дальнем Востоке возобновилось после принятия Программы Глобального партнерства. Правительство Южной Кореи выделило на эти цели относительно скромные суммы, поэтому направить их на финансирование отдельного проекта было затруднительно. В результате была выбрана модель кооперации с Японией. В декабре 2006 г. Республика Корея выделила 29,5 млн иен (около 250 тыс. долл.) на утилизацию ставшей "интернациональной" АПЛ зав. № 614, а спустя год еще 28,3 млн иен (290 тыс. долл.) на проведение работ на АПЛ зав. № 333.⁵³ Также стоит упомянуть, что наряду с финансированием проектов по утилизации АПЛ на Дальнем Востоке, в 2006 г. Южная Корея выступила ко-спонсором утилизации АПЛ и на Северо-Западе России. Сеул предоставил 300 тыс. евро на совместную с Норвегией утилизацию атомной подводной лодки пр. 671 на мурманском судоремонтном предприятии "Нерпа"⁵⁴.

К упомянутым странам присоединилась также и Новая Зеландия. Об участии Веллингтона в проекте по утилизации российских АПЛ на Дальнем Востоке было объявлено министром по разоружению и контролю над вооружениями Ф. Гоффом в январе 2007 г. Новая Зеландия заявила о выделении 680 тыс. долл. на хранение и переработку радиоактивных отходов, образующихся при выгрузке отработавшего ядерного топлива, и утилизации атомной подводной лодки под эгидой российско-японской программы "Звезда Надежды"⁵⁵. Данные средства были использованы при утилизации АПЛ зав. № 333 в 2008 г.

Говоря о международном сотрудничестве в области сокращения и ликвидации вооружений в дальневосточном регионе на примере утилизации атомных подводных лодок, необходимо отметить ряд специфических черт, которые отличали работы в этом направлении от аналогичной деятельности на северо-западе России. В первую очередь следует отметить, что на Дальнем Востоке работы непосредственно по утилизации многоцелевых атомных подводных лодок начались только с принятием программы Глобального партнерства, и до 2002 г. единственным зарубежным партнером России в данной области были США, которые выделяли средства исключительно на утилизацию стратегических АПЛ. В то время как в северо-западном регионе подобное сотрудничество началось еще в конце 1990-х гг.

Также следует отметить, что принимая во внимание сложившиеся в России к началу 1990-х гг. тяжелые финансово-экономические условия, особенно обострившиеся на Дальнем Востоке, сотрудничество с иностранными государствами оказалось единственно возможным решением, которое позволило избежать коллапса процесса утилизации АПЛ в регионе, а также создать необходимую инфраструктуру, способную осуществлять комплексную утилизацию на ритмичной и массовой основе. Это позволило увеличить темпы утилизации с начала 2000-х гг., когда улучшилось ее финансирование федеральным бюджетом России.

При этом основным региональным партнером России по утилизации многоцелевых АПЛ стала Япония. Говоря о российско-японском сотрудничестве в области утилизации АПЛ в целом, необходимо отметить, что в период 1993–2008 гг. оно характеризовалось сильным разрывом между заявленной и реально представленной помощью. Во многом данная ситуация была связана со спецификой российско-японских отношений, в первую очередь с отсутствием мирного договора и неурегулированным территориальным вопросом, а также с затягиванием подписания межправительственного соглашения о мирном использовании атомной энергии. Важным обстоятельством представляются отсутствие в Японии опыта обращения с АПЛ и их утилизации.

При этом следует отметить официальную позицию Японии относительно отчетности в расходовании выделяемых средств. Так, японское правительство обращает внимание на то, чтобы отсутствовала связь между проектами, финансируемыми японским правительством, и модернизацией Военно-Морского флота России, в первую очередь, Тихоокеанского флота. Япония настаивает на том, чтобы выделяемые ресурсы подпадали исключительно под логику нераспространения материалов и оружия массового уничтожения, вопросов борьбы с терроризмом и защиты окружающей среды⁵⁶. Очевидно, что ожидаемое начало модернизации Тихоокеанского флота в перспективе может оказать существенное влияние на российско-японское сотрудничество в вопросах утилизации АПЛ в случае его продолжения после 2010–2012 гг.⁵⁷

Таблица 2

Объемы заявленных и поступивших в Россию средств по программе “Глобальное партнерство” по состоянию на март 2008 г., млн долл. США⁵⁸

Страна	Заявленные объемы средств (всего)		Фактически заявленные средства (на март 2008 г.)	Объемы средств, поступивших на утилизацию АПЛ
	Программа “Глобальное партнерство”	Комплексная утилизация АПЛ		
Япония	200	100	58	17
Австралия	7	7		7
Республика Корея	1*			0,9**
Новая Зеландия				0,545
Всего	208	107	58	25,445

Примечание:

*подсчитано на основе сумм в ценах при обменном курсе 100 иен/доллар США

**по состоянию на конец 2007 г.

*** включая средства на совместный проект с Норвегией

Несмотря на это, размер японского содействия процессу утилизации атомных подводных лодок на Дальнем Востоке России оказался вторым по значимости после американского. Так, к концу 2008 г. в регионе всего было утилизировано 65 атомных подводных лодок, из которых работы на 13 были профинансированы США, а еще на “три — Японией с частичным привлечением средств партнеров по программе Глобального партнерства”⁵⁹.

Важным представляется и опыт трехстороннего сотрудничества, который позволил привлечь к участию в программе страны, готовые выделить незначительный объем средств. Вероятно, такой формат продолжится и в будущем вплоть до окончания программ утилизации АПЛ на Дальнем Востоке. Также стоит упомянуть и единственный пример “обратной” кооперации страны АТР с европейскими государствами в утилизации АПЛ на Северо-Западе России — совместный проект Республики Корея с Норвегией.

Таким образом, утилизация АПЛ на Дальнем Востоке России стала одним из немногих примеров многостороннего сотрудничества в области сокращения вооружений и разоружения в регионе АТР. Представляется, что данный опыт можно будет распространить и на другие сферы сотрудничества между Россией и странами региона.

1. Проблемы вывода из эксплуатации и утилизации атомных подводных лодок. М., 1999. С. 111.
2. Там же. С. 328.
3. Лобков К. Остаться на плаву. — <http://www.rg.ru/2008/12/24/reg-primorie/zvezda.html>.
4. На Дальнем Востоке к утилизации были привлечены — Дальневосточный завод “Звезда” и СРЗ-30 (Приморский край) и СРЗ-49 (Камчатская область), из них СРЗ-30 и СРЗ-49 являлись предприятиями Министерства обороны и имели ограниченные возможности. Для сравнения, на Северо-Западе к утилизации были подключены судостроительные и судоремонтные заводы ФГУП “Северное машиностроительное предприятие”, ФГУП “Звездочка” (Архангельская обл.), СПЗ “Нерпа”, СРЗ-10 и СРЗ-35 (Мурманская обл.).
5. Приморье: атомная подводная лодка прибыла для утилизации на завод // Аккумулятор новостей. 1999. 7 окт.
6. *Осуги Ш.* Сотрудничество Японии и России по уничтожению ядерных вооружений на российском Дальнем Востоке // Вопросы утилизации АПЛ. 2006. № 3. С. 56.
7. Цит. по: Опасная эскадра // Рос. газ. 2007. 28 авг.
8. Подписан российско-японский контракт на утилизацию трех атомных подлодок. — <http://www.a-submarine.ru/News/Main/view?id=20462&idChannel=418>.
9. Japan-Russian Federation Joint Effort for Disarmament and Environmental Protection. New Initiative by the Government of Japan in the Areas of Assistance for Denuclearization, Disarmament and Non-Proliferation. 1999, 29 May.
10. *Moltz J.C.* Japanese assistance to the Russian nuclear complex. — <http://gsti.miis.edu/CEAS-PUB/200011Moltz.pdf>.
11. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Японии о сотрудничестве в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в РФ ядерного оружия. (Токио, 13 окт. 1993 г.). — http://www.pircenter.org/data/gp/sogl_rf-japan.pdf.
12. Международная конференция “Экологические проблемы утилизации атомных подводных лодок”. (Материалы конференции. Северодвинск, 2001. С. 76). Компания “AEA Technology” является одним из мировых лидеров в консалтинге, политической поддержке и управлению различными программами. Наибольшую компетенцию компания имеет в области энергетики и окружающей среды.

13. *Калачинский А.* Япония готова продолжить финансирование работ по разделке отслуживших свой срок российских атомных подлодок // *Рус. курьер.* 2005. 14 янв.
14. *Moltz J.C.* Japanese assistance to the Russian nuclear complex. — <http://gsti.miis.edu/CEAS-PUB/200011Moltz.pdf>.
15. *Киселев А.* Международное сотрудничество России и Японии // *Вопросы утилизации АПЛ.* 2006. № 2. С. 87.
16. Проект разработан АО КБ “Вымпел”, Нижний Новгород и ЦНИИ им. А.Н. Крылова, Санкт-Петербург.
17. Япония и Россия подписали контракт на утилизацию одной АПЛ “Виктор-III”. — <http://193.71.199.52>.
18. *Научные записки ПИР-Центра № 19.* Сотрудничество во имя Глобальной безопасности. М., 2002. С. 84.
19. *Moltz J.C.* Japanese assistance to the Russian nuclear complex. — <http://gsti.miis.edu/CEAS-PUB/200011Moltz.pdf>.
20. Вице-губернатор Владимир Розенберг встретится сегодня с представительной делегацией Министерства иностранных дел Японии во главе с первым заместителем министра г-ном Канада Кацутоси // *Общая газ.* 2006. 1 сент.
21. Japan-Russian Federation Joint Efforts for Disarmament and Environmental Protection. 1999, 29 May. — <http://www.mofa.go.jp>.
22. Международная конференция “Экологические проблемы утилизации атомных подводных лодок”. Материалы конференции. Северодвинск, 2001. С. 76.
23. *Белобородова Н.* Глобальное партнерство в российско-японских отношениях // *Ядерный контроль.* 2003. № 3. С. 145.
24. *Digges Ch.* Japan Confirms It Will Move Forward in Far East Sub Dismantlement, 2003 January 17. — <http://www.bellona.no>; Предполагалось, что проект железнодорожного участка будет сделан японскими специалистами. См: *Дорошев А.* Российский атом усмирят на американские деньги // *Золотой Рог.* 2001. № 60.
25. *Белобородова Н.* Указ. соч. С. 145.
26. *Бражина Н.* Замороженные \$ миллионы // *Владивосток.* 2002. 28 нояб.
27. *Киселев А.М.* Международное сотрудничество России и Японии // *Вопросы утилизации АПЛ.* 2006. № 2. С. 87.
28. Россия. — <http://www.tecsec.org/rus/Russia.htm>.
29. *Колесников А.* Японский премьер нанес противоядерный удар // *Коммерсант.* 2003. 13 янв.
30. В Приморье подписано российско-японское соглашение об утилизации российской АПЛ // *Интерфакс.* 2003. 28 июня.
31. Russian Nuclear Submarines. U.S. Participation in the Arctic Military Environmental Cooperation Program Needs Better Justification. United States Government Accountability Office. Report to Congressional Committees. GAO-04-924. September 2004. P. 31.
32. *Филиппова В.* Переговоры с Японией по утилизации пяти российских АПЛ продолжаются. — <http://www.a-submarine.ru/News/Main/view?id=16313&idChannel=105>.
33. Japan-Russia Foreign Ministers' Meeting. Overview of Results. 2005, January 14. — <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/meet0501.html>.
34. *Karniol R.* Russia and Japan discuss dismantling more nuclear submarines // *Jane's Navy International.* 2004. 1 Oct.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. *Калачинский А.* Указ. соч.
38. *Усов П.* Япония разделяется с российскими подлодками // *Коммерсант (Хабаровск).* 2006. 6 сент.
39. Там же.
40. Подписано российско-японское соглашение об утилизации трех АПЛ Тихоокеанского флота // *АРМС-ТАСС.* 2007. 2 авг.

41. Подписан российско-японский контракт на утилизацию трех атомных подлодок. — <http://www.a-submarine.ru/News/Main/view?id=20462&idChannel=418>.
42. Хаджиме Сасаки: Администрация Приморья понимает важность утилизации АПЛ // Восток-медиа. 2009. 2 февр.
43. Дробышева И. “Звезда надежды не погаснет”. — <http://www.zrpress.ru/zr/2005/51/16>.
44. Киселев А.М. Указ. соч. С. 88.
45. Строительство хранилища для компонентов ядерных реакторов АПЛ на Дальнем Востоке обойдется в \$80 млн // РИА “Новости”. 2005. 18 июля.
46. Головин В. Япония окажет содействие России в строительстве наземного хранилища для списанных атомных подлодок // ИТАР-ТАСС. 2005. 18 июля.
47. Бражина Н. Через 22 года после аварии субмарины изолируют. — http://vladnews.ru/2149/Situacija/Cherez_22_goda_posle_aviarii_submariny_izolirujut.
48. Russian Nuclear Submarines. U.S. Participation in the Arctic Military Environmental Cooperation Program Needs Better Justification. United States Government Accountability Office. Report to Congressional Committees. GAO-04-924. September 2004. P. 9.
49. Антипов С. Комплексная утилизация — прообраз решения проблемы вывода из эксплуатации ядерно- и радиационноопасных объектов // Бюллетень по атомной энергии. 2005. № 9. С. 9.
50. Ильхов А. Япония готова продолжать реализацию программы утилизации атомных субмарин России — японский дипломат // РИА “Новости”. 2005. 11 июля.
51. С. Антипов: выводы о нецелевом использовании средств на утилизацию АПЛ довольно спорные. — <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=748>.
52. Семенцов В. Власти бросили атомоходы на произвол судьбы // Business MN. 1995. 22 янв.
53. Japan's Cooperation for the Programme to Dismantle Decommissioned Nuclear Submarines in Russia Far East. — <http://vostokmedia.com/files/File/Presentation.ppt>.
54. Головина Л. “Виктора” ждет гильотина // Мурманский вестник. 2006. 3 мая.
55. Goff P. NZ to help Japan dismantle Russian nuclear submarines. — <http://www.beehive.govt.nz/node/31390>.
56. Осуги Ш. Сотрудничество Японии и России по уничтожению ядерных вооружений на российском Дальнем Востоке // Вопросы утилизации АПЛ. 2006. № 3. С. 56.
57. К 2010 г. планируется завершить утилизацию всех выведенных из боевого состава АПЛ, в 2012 г. истекает срок действия Программы Глобального партнерства. Касательно усиления ТОФ следует отметить, что в конце 2007 г. стало известно о проведении работ на Камчатке (вероятно, в 25 дивизии подводных лодок, где в настоящее время базируются оставшиеся на Тихоокеанском флоте РПКСН) по подготовке инфраструктуры для приема новых РПКСН пр. 955 в 2009—2010 гг. См.: Подлодки типа “Борей” разместят на Камчатке через 2—3 года // Коммерсант. 2007. 5 сент.
58. GPWG Annual Report 2008. Consolidated Report Data. — http://www.mofa.go.jp/policy/escopotu/summit/2008/doc/pdf/0708_12_02_en.pdf; Головина Л. “Виктора” ждет гильотина // Мурманский вестник. 2006. 3 мая.
59. Лобков К. Остаться на плаву. — <http://www.rg.ru/2008/12/24/reg-primorie/zvezda.html>.

Природопользование

О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере

© 2010

А. Коржубаев

Россия — крупнейший в мире производитель и экспортер нефти и газа. Нефтегазовый комплекс — значительный элемент российской экономики и глобальной системы энергообеспечения. Активное сотрудничество с традиционными и новыми крупными импортерами — ключ к диверсификации экспорта, к достижению структурной и территориальной сбалансированности нефтегазового комплекса РФ, фактор обеспечения ее экономических интересов. В статье обозначены перспективы нефтяной и газовой промышленности Сибири и Дальнего Востока, сотрудничества со странами АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; Газпром, ВСТО, диверсификация сырьевого экспорта, импортеры российских углеводородов.

В первые десятилетия XXI в. Тихоокеанский регион сохранит позиции главного центра роста потребления и импорта нефти, нефтепродуктов и газа. В условиях ограниченности собственных источников энергии и энергоносителей увеличению спроса на них будет сопутствовать рост импорта. В ходе формирования на Востоке России новых крупных центров нефтегазового комплекса (НГК) будут организованы новые крупномасштабные поставки нефти, нефтепродуктов и газа в АТР, включая Запад США.

На Тихоокеанский рынок (включая США) приходится около 35% глобального потребления нефти и более 20% — газа. В последние десятилетия, вне зависимости от конъюнктуры энергетических цен, в большинстве стран региона наблюдался быстрый рост спроса на углеводороды.

Потребление нефти в регионе превысило в 2008 г. 1,2 млрд т, нетто-импорт (из регионов вне АТР) — свыше 820 млн т; использование газа достигло почти 500 млн куб. м, импорт (в виде СПГ) — превысил 60 млрд куб. м. При этом в западных

Коржубаев Андрей Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, заведующий сектором Института геологии нефти и газа Сибирского отделения РАН, заведующий кафедрой НГУ, Уполномоченный СО РАН по вопросам сотрудничества с АТР. E-mail: KorzhubaevAG@yandex.ru.

штатах США потребление нефти превысило 150 млн т. (нетто-импорт — более 50 млн т), газа — 80 млрд куб. м (из других регионов около 60 млн куб. м). Налицо устойчивая тенденция увеличения внешних поставок при снижении добычи.

Основные производители нефти в азиатской части АТР: Китай с объемом добычи на уровне 180–190 млн т в год, Индонезия — 50–55 млн т, Малайзия — 30–35 млн т, Индия — 35–40 млн т, Австралия — 20–25 млн т. В других странах ежегодная добыча не превышает 20 млн т. Крупнейшие потребители — Китай (включая Сянган), использующий около 400 млн т в год, Япония — 230–240 млн т, Индия — свыше 130 млн т и Южная Корея — 105–110 млн т. Увеличение использования нефти в большинстве стран АТР происходило в результате быстрого, преимущественно экстенсивного экономического роста, продолжающегося возрастания населения, развития систем и средств транспорта (дорожное строительство, автомобилестроение, судостроение, авиация), энергоемких отраслей добывающей промышленности, нефтепереработки и нефтехимии. Из-за роста населения в большинстве стран АТР не произошло значительного увеличения душевого потребления нефти и нефтепродуктов, что выступает дополнительным фактором увеличения спроса в будущем. В 1990–2008 гг. использование нефти на душу населения увеличилось в регионе менее чем на 100 кг в год, составив около 330 кг, или более чем вдвое ниже среднемирового уровня, почти в 10 раз ниже показателя Северной Америки и в 5 раз — Европы (включая Восточную). В условиях ограниченности запасов нефти в АТР рост ее потребления сопровождается увеличением импортных поставок из других регионов мира, за последние 15 лет удвоившихся.

На Западном побережье США поставки нефти и нефтепродуктов из других регионов страны почти отсутствуют. При том добыча Аляски и Калифорнии перешла в падающую стадию, сократясь за последние 15 лет более чем на 50 млн т в год. Регион почти на 70% обеспечивает нефтепотребление собственной добычей (в 2008 г. — около 100 млн т). В перспективе ожидается дальнейшее падение добычи при дополнительном росте спроса. В начале 2000-х гг. Сенат США отказал республиканской администрации в праве разрешить добычу нефти в пределах Национального арктического заповедника дикой природы на Аляске (Arctic National Wildlife Refuge, ANWR). Заповедник занимает 7,7 млн га — для нефтедобычи администрация претендовала на 1/10 его часть. Но даже если бы в хозяйственный оборот вовлекли весь заповедник, добавка не превысила бы 45–50 млн т.

Ожидается, что нетто-импорт нефти на Тихоокеанском побережье США в 2010 г. составит 67 млн т, в 2020 г. — 101 млн т, в 2030 г. — 123 млн т (см. табл. 1). В стране будет происходить сокращение добычи нефти при поддержании высокого душевого уровня потребления, сопровождаемого ростом численности населения.

Рост спроса на газ в АТР и развитие систем газообеспечения проходят быстрее, чем в мире в целом, что привело к увеличению доли региона в структуре глобального газопотребления с 1% в 1970 г. до 16% в 2008 г. Крупнейшие потребители — Япония с уровнем годового использования газа 90–95 млрд куб. м, Китай — 80–85 млрд куб. м, Индия — свыше 40 млрд куб. м, Южная Корея — около 40 млрд куб. м.

Основные производители газа в АТР — Китай с годовой добычей свыше 80 млрд куб. м (2008 г.), Индонезия — 70–75 млрд куб. м, Малайзия — 60–65 млрд куб. м, Австралия — 40–45 млрд куб. м. Специфика газового рынка здесь выражена в доминировании поставок сжиженного природного газа (СПГ), что

связано с региональными диспропорциями в размещении центров добычи и потребления, значительными расстояниями между ними, островным положением ряда крупных производителей и потребителей газа. В условиях совершенствования технологических систем и повышения экономической эффективности транспорта СПГ при ограниченности сырьевой базы природного газа в регионе, в конце XX — начале XXI вв. в АТР налицо резкое увеличение внерегионального импорта. Основные поставщики СПГ помимо региональных экспортеров (Индонезия, Малайзия, Австралия, Мьянма, Бруней) — страны Ближнего Востока и Западной Африки (Алжир, Египет, Катар, Нигерия, ОАЭ, Оман). Небольшие объемы сжиженного газа на рынок Японии и Южной Кореи поставляются из США (с Аляски), из Тринидада и Тобаго.

Таблица 1.

Прогноз добычи, потребления и нетто-импорта нефти и газа в АТР до 2030 г., млн т (средние значения)

Показатели / Годы	2010	2015	2020	2025	2030
Нефть, млн т					
Добыча	408	408	391	367	342
Потребление	1510	1765	1970	2100	2205
Нетто-импорт	1102	1357	1579	1733	1863
Тихоокеанское побережье США (район Западного побережья)					
Добыча	87	76	67	62	54
Потребление	154	162	168	174	177
Нетто-импорт	67	86	101	113	123
Газ, млрд м³					
АТР					
Добыча	436	489	525	552	571
Потребление	510	625	740	846	952
Нетто-импорт	74	136	215	294	381
Тихоокеанское побережье США (район Западного побережья)					
Добыча	68	69	71	69	67
Потребление	90	100	106	109	112
Нетто-импорт	22	31	35	40	45

В 1986 г. администрация США отменила регулирование цен на газ. Год спустя были легализованы контракты на условиях take-or-pay (“бери или плати”), по которым покупателям полагалось оплачивать определенную часть законтрактованного газа даже в случае отказа или невозможности его приема. Важный фактор роста добычи в 1980-е гг. — снижение налоговой нагрузки на производителей, добывавших его из угольных пластов, черных сланцев и битуминозных песчаников. И хотя за последние 15–20 лет во всех традиционных газодобывающих районах США добыча сокращалась, в 1990–2008 гг. извлечение газа из этих нетрадиционных источников более, чем утроилось, превысив ныне треть всей добычи. Ряд трубопроводов проложен за последние 15 лет из Канады. Но сетевого газа не хватает, и с конца 1980-х гг. США стали развивать инфраструктуру СПГ: на Атлантическом побережье появились терминалы по его приему и регазификации, в Калифорнии стали проектироваться заводы и терминалы. В условиях падения добычи газа, вероятного сокращения трансме-

риканских поставок ожидается повышение роли СПГ — из Австралии, Индонезии, Малайзии, с нашего Дальнего Востока. Нетто-импорт СПГ на Тихоокеанском побережье США в 2010 г. может составить не менее 22 млрд куб. м, в 2020 г. — 34 млрд куб. м, в 2030 г. — 45 млрд куб. м. Доля СПГ в нем возрастет до 80–90%.

Снижению добычи газа в традиционных районах США сопутствует сокращение производства гелия, что в перспективе (после исчерпания федерального хранилища гелиевого концентрата в Клифсайде) потребует организации его импортных поставок из других регионов мира, в том числе из Восточной Сибири.

АТР — главный внешний рынок нефти, добываемой в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Спрос на нефть и нефтепродукты там составит к 2010 г. 1100–1110 млн т в год, к 2020 г. — 1570–1580 млн т, к 2030 г. — 1860–1870 млн т. В регионе продолжится массовая моторизация экономики и населения, развитие систем и средств автомобильного, авиационного, морского и речного транспорта.

Развитие экономики большинства стран АТР происходит в основном по индустриальной модели Европы и Северной Америки с лагом в 25–35 лет (в зависимости от сегмента). Имеет место массовое внедрение существующих промышленных, энергетических, транспортных технологий с эксплуатационным ресурсом не менее 20–30 лет. Ввиду высокой инерционности технологических систем в ближайшие десятилетия в регионе будет происходить дальнейшее увеличение единичного расхода энергии и совокупного потребления энергетических ресурсов. В результате изменения технологического уровня энергообеспечения, трансформации структуры топливно-энергетического баланса наиболее быстро будет расти спрос на нефть и газ.

Рост использования нефти будет происходить, главным образом, в транспортном секторе за счет расширения объемов автомобильных, воздушных, морских и речных пассажиро- и грузоперевозок, обусловленного дальнейшим подъемом деловой активности, возрастанием производства товаров и услуг и ростом уровня жизни части населения. Потребление газа будет возрастать в электроэнергетике, коммунально-бытовой сфере, а также в системах и средствах транспорта, включая моторное топливо. Ужесточение экологических требований и усиление технологических ограничений воздействия на окружающую среду будет выступать дополнительным фактором увеличения потребления газа и повышения его доли в структуре топливно-энергетического баланса.

Особенно быстро спрос на нефть и газ будет возрастать в Китае, Индии, Индонезии, Малайзии, Вьетнаме, Таиланде, на Филиппинах. Для обеспечения растущих потребностей внутрирегиональных источников недостаточно. Открытие в последние годы в Китае (Ордосский бассейн, Таримский бассейн, Сычуаньский бассейн, Бохайваньский залив и др.), в Австралии (Тиморское море), в Папуа — Новой Гвинее (Папуасский бассейн), в Индии (Бенгальский залив), во Вьетнаме (Южно-Китайское море) ряда крупных месторождений углеводородов является фактором, способствующим развитию в регионе инфраструктуры по транспортировке, переработке и использованию нефти и газа. Но удовлетворить рост потребностей ни сейчас, ни в будущем эти открытия не смогут.

Основной внешний рынок газа Восточной Сибири и Дальнего Востока — также АТР. Спрос на внерегиональные закупки возрастет к 2010 г. до 170–190 млрд куб. м в год, к 2020 г. — до 410–420 млрд куб. м, к 2030 г. — до 680–690 млрд куб. м (см. табл. 1). Нетто-импорт газа будет возрастать под влиянием факторов ресурсных (ограниченность в регионе запасов углеводородов), экономических (дальнейший, преимущественно экстенсивный рост экономики), демо-

графических (рост населения), экологических (дальнейшее ухудшение природной среды) и технологических (изменение структуры энергетики).

Цена нефти на Тихоокеанском рынке, как правило, на 3–7% выше цен европейского рынка, что обусловлено повышенным спросом и транспортными рисками. При углублении в кратко- и среднесрочной перспективе кризисных процессов в мировой экономике в 2009–2010 г. нефть на этом рынке будет стоить 55–60 долл./бар. в среднегодовом исчислении (табл. 2).

Таблица 2.

Цены на нефть и газ на Тихоокеанском рынке в 2008 г. и прогноз до 2030 г. (среднегодовые значения)

Сценарий/Год	2008	2010	2015	2020	2025	2030
Прогноз цен на нефть, долл./бар.						
Умеренный	95	60	70	80	80	80
Интенсивный	95	100	110	120	130	140
Прогноз цен на газ, долл./тыс. м ³						
Умеренный	300	280	320	400	440	450
Интенсивный	300	300	580	730	870	900

В развитых странах повторяется ситуация 1973–1981 гг., когда за 8–9 лет нефть была в основном, вытеснена газом, углем и атомной энергией из коммерчески наименее эффективного сегмента ее использования — электроэнергетики. В последние годы подобные процессы наблюдаются и в сегменте моторного топлива.

В долгосрочной перспективе ожидается повышение относительных цен сырьевых и энергетических ресурсов. В умеренном сценарии долгосрочные нефтяные цены будут на уровне 70–80 долл./бар. В интенсивном варианте продолжится давление на цену со стороны повышенного спроса на нефть в Китае, Индии, Индонезии, на Филиппинах, активно нарастающие импорт сырья и нефтепродуктов на фоне экономической и политической нестабильности в ряде стран-экспортеров. В этом сценарии цены на нефть на Тихоокеанском рынке последовательно возрастут до 140 долл./бар.

В условиях роста доли СПГ в структуре мировой торговли природным газом, а также повышения технологической эффективности и гибкости поставок цена природного газа перестанет быть напрямую “привязанной” к ценам на нефть. Этому будут способствовать и организационные мероприятия в мировой системе газообеспечения — создание международных структур стран-производителей с целью регулирования газовых рынков.

Ожидается, что цена энергетической единицы природного газа с учетом экологических преимуществ и повышения технологического спроса на газ будет сближаться с соответствующим показателем для нефти. При этом разница цен на сетевой природный газ и СПГ, а также региональная дифференциация на основных рынках (Европа, Северная Америка, АТР) будут уменьшаться.

Средняя цена газа на мировом рынке в умеренном варианте в 2010 г. снизится до 250 долл./куб. м с последующим ростом до 400–450 долл./куб. м. В интенсивном варианте цена природного газа возрастет в долгосрочной перспективе до 870–900 долл./куб. м.

Россия — мировой лидер в производстве и экспорте энергоносителей. В 2008 г. ее добыча нефти и газа превысила 1 млрд т. нефтяного эквивалента (включая 488 млн т нефти и 665 млрд куб. м газа). Нефти и нефтепродуктов было экспортировано свыше 350 млн т, газа — 203 млрд куб. м. Кстати, в Сибири и на Дальнем Востоке, обеспечивающих (включая шельф) более 70% добычи нефти и около 95% — газа, сосредоточено около 90% ресурсов углеводородов России.

Западная Сибирь — главный нефтегазодобывающий район, где сосредоточено (включая прилегающий шельф) свыше 60% НСР (начальных суммарных ресурсов) углеводородов России, добывается около 70% нефти и свыше 90% газа. Здесь действуют развитые системы магистральных нефте- и газопроводов западного, южного и юго-восточного направлений, а также системы промысловых и подводящих нефтепроводов и газораспределительных сетей; функционируют нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ).

Крупнейшие нефтяные месторождения — Самотлорское (с начальными извлекаемыми запасами более 3,2 млрд т), Приобское (2,1 млрд т), Красноленинское (1,2 млрд т); газовые — Уренгойское (свыше 10 трлн куб. м), Ямбургское (5,2 трлн куб. м), Бованенковское (4,4 трлн куб. м), Заполярное (3,5 трлн куб. м). В Западной Сибири работают все крупнейшие вертикально-интегрированные нефтегазовые компании страны — “Газпром” (включая “Газпром нефть”), “Роснефть”, “ЛУКОЙЛ”, “ТНК-ВР”, “Сургутнефтегаз”, “РуссНефть”, на долю которых приходится 97% добычи нефти и газа в регионе.

Газовая промышленность Западной Сибири представляет собой крупнейший в мире производственно-технологический комплекс, включающий системы добычи, переработки и сверхдальнего транспорта газа. В ближайшие годы для поддержания и наращивания добычи планируется введение месторождений в Надым-Тазовском междуречье, Обской губе, утилизация запасов низконапорного газа; стратегическое направление развития — освоение запасов и ресурсов газа полуострова Ямал и акватории Карского моря.

Восточная Сибирь — крупный перспективный регион формирования новых центров нефтяной и газовой промышленности мирового уровня. НСР нефти в нем составляют около 11% общероссийских ресурсов, свободного газа — почти 14%, попутного нефтяного газа — более 8%, конденсата — около 16%; в регионе добывается 0,3% российской нефти и около 1% — газа.

Крупнейшие месторождения — Ковыктинское (с запасами газа 2 трлн куб. м, конденсата — 84 млн т), Чаяндинское (более 1,2 трлн куб. м газа, 70 млн т конденсата и нефти), Ванкорское (включая прилегающие участки, с извлекаемыми запасами нефти около 440 млн т) и т.д.

Благодаря вводу в эксплуатацию участка нефтепровода ВСТО (Восточная Сибирь—Тихий океан) Талакан—Тайшет (в реверсном режиме) с конца 2008 г. быстро нарастает добыча на крупнейших месторождениях региона — Талаканском и Верхнечонском.

Дальний Восток — новый динамично развивающийся нефтегазодобывающий район. НСР нефти — почти 9% общероссийских ресурсов, газа — свыше 11%; здесь добывается около 2,6% российской нефти и почти 1,4% — газа; ведется добыча нефти и газа на сухопутных месторождениях о-ва Сахалин и в рамках проектов Сахалин-1 и Сахалин-2; начаты поисковые работы по проекту Сахалин-3 и на Западно-Камчатском шельфе; сформированы лицензионные блоки в рамках проектов Сахалин 4–9. Действуют локальные системы нефтегазобеспе-

чения “Северный Сахалин — Комсомольский промышленный узел”, введен в эксплуатацию газопровод “Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск”.

С 2006 г. функционирует нефтепровод Чайво—Де-Кастри, береговой комплекс подготовки нефти и экспортный нефтяной терминал в порту Де-Кастри, откуда в октябре 2006 г. начался экспорт нефти в Южную Корею и Японию. В дальнейшем поставки осуществлялись также в Индию, Китай, Тайвань, Филиппины, США. В I квартале 2007 г. добыча нефти в рамках Сахалина-1 вышла на проектную мощность — за год добыто 11,2 млн т, в 2008 — 9,6 млн т нефти. В ближайшее время планируется реализация газовой фазы. Ныне часть газа, добываемого в рамках проекта, поставляется местным потребителям по газопроводу Сахалин — Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск, при этом основной его объем закачивается обратно в пласт.

В 2011 г. планируется ввод в эксплуатацию газопровода Хабаровск—Владивосток. Источником сырья на среднесрочную перспективу станет газ проекта “Сахалин-1”, в дальнейшем — проекты “Сахалин-3” — “Сахалин-9”.

В марте 2009 г. на юге Сахалина заработал первый в России завод по производству СПГ из двух технологических линий производительностью по 4,8 млн т в год. Выход на проектную мощность запланирован на 2010 г. На базе западно-сибирского и частично сахалинского сырья работают Хабаровский и Комсомольский НПЗ мощностью по сырью 9,5 млн и 3,3 млн т в год. Доля Дальнего Востока в общероссийской переработке нефти составляет 4,5%.

По прогнозам до 2030 г. предстоит реализация мегапроектов, призванных обеспечить долгосрочное технологическое развитие нефтяной, газовой, нефтегазоперерабатывающей и нефтегазохимической отраслей:

- стабилизация и обоснованное наращивание добычи нефти, полная утилизация попутного нефтяного газа, модернизация систем транспорта и переработки нефти, расширение и повышение технологического уровня нефтехимии, воспроизводство минерально-сырьевой базы нефти (объем инвестиций до 2030 г. — 280–330 млрд долл.);
- освоение ресурсов газа и конденсата полуострова Ямал, в Обской и Тазовской губах, поддержание и развитие добычи газа и конденсата в традиционных районах (Надым-Пур-Тазовское междуречье), включая утилизацию низконапорного газа, модернизацию существующих и строительство новых газотранспортных систем западного и южного направлений, дальнейшую газификацию промышленности, расширение мощностей по газопереработке и газохимии, воспроизводство и расширение минерально-сырьевой базы газа (объем инвестиций до 2030 г. — 550–590 млрд долл.);
- формирование в Восточной Сибири нового центра НГК, включая развитие нефтяной, газовой, нефтегазоперерабатывающей, нефтехимической, газохимической, гелиевой промышленности, воспроизводство и расширение минерально-сырьевой базы углеводородов (объем инвестиций до 2030 г. — 150–170 млрд долл.);
- полномасштабное освоение углеводородов шельфа дальневосточных морей и Тихого океана (объем инвестиций до 2030 г. 70–80 млрд долл.)

Важнейшие установки в рамках мегапроектов:

- развитие НГК полуострова Ямал и прилегающих акваторий;
- формирование Ванкоро-Сузунского центра, Эвенкийского и Ангаро-Вилуйского центров нефтегазодобычи, нефтегазопереработки и нефтегазохимии (включая гелиевую промышленность);

- запуск второй фазы разработки месторождений в рамках проектов “Сахалин-1” и “Сахалин-2”; проведение геологоразведочных работ и формирование новых добывающих центров нефти и газа в рамках проектов “Сахалин-3” — “Сахалин-9”; завершение строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) с терминалом в бухте Козьмино;

- строительство газопровода “Алтай”; расширение ЕСГ на Восток, создание системы газопроводов Восточная Сибирь — Дальний Восток и Сахалин — Приморье (Владивосток, Находка) с выходом на Китай (газопровод Дальнереченск — Харбин) и Корею (подводный газопровод Находка — Сеул), создание заводов и терминалов СПГ в районе Находки; газификация существующих и новых промышленных центров Востока РФ, в т.ч. объектов горно-металлургического комплекса.

Таблица 4.

**Целевые индикаторы добычи нефти и конденсата в Сибири
и на Дальнем Востоке до 2030 г., млн т в год**

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Сибирь	364,0	413,0	433,0	452,0	470,0
Дальний Восток	16,9	18,2	24,8	30,5	33,1
Всего	381	431	458	483	503
Россия, всего	544	609	630	630	630
Доля Сибири и Дальнего Востока в России, %	70	71	73	77	80

Таблица 5.

**Целевые индикаторы газа в Сибири и на Дальнем Востоке до 2030 г.,
млн куб. м в год**

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Сибирь	615	714	792	808	818
Дальний Восток	22,6	30,5	52,6	74,2	82,9
Всего	637,6	744,5	844,6	882,2	900,9
Россия, всего	681	790	895	930	960
Доля Сибири и Дальнего Востока в России, %	93,6	94,2	94,4	94,9	93,8

Перспективный уровень добычи нефти и газа в Сибири и на Дальнем Востоке в период до 2030 г. будет определяться, в основном, внутренним и внешним спросом, уровнем цен, развитием транспортной инфраструктуры, географией, запасами и качеством разведанной сырьевой базы и темпами ее воспроизводства, налоговыми и лицензионными условиями, научно-техническими достижениями в разведке и разработке месторождений. Эти стратегические ориентиры предполагают внедрение передовых технологий, совершенствование институциональной среды в НГК, проведение эффективной политики по воспроизводству минерально-сырьевой базы. Увеличение объемов геологоразведки особенно важно в Западно-Сибирской, Лено-Тунгусской, Охотоморской нефтегазоносных провинциях и на шельфах арктических морей. В долгосрочной перспективе доля Сибири и Дальнего Востока в РФ возрастет по нефти до 80%, по газу — до 93–94%.

Курс диверсификации экспортных поставок с прямым выходом на крупнейших платежеспособных потребителей Тихоокеанского рынка, реализуемый в РФ, отвечает ее экономическим интересам, как и долгосрочным глобальным экономическим процессам.

Таблица 6.

Источники и маршруты поставок нефти из России на Тихоокеанские рынки в 2010–2030 гг., млн т в год

Источник, маршрут, направление / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Из Западной Сибири	25	35	46	38	29
Нефтепровод Омск — Атасу — Алашанькоу					
в Китай	2	5	10	10	10
Железная дорога (Забайкальск — Маньчжурия; Наушки — Сухэ-Батор; Гродеково — Суйфэньхэ)					
в Китай	12	10	5	5	5
Нефтепровод ВСТО (включая отвод Сковородино — Дацин, порты Дальнего Востока)					
в Китай	5	10	15	10	10
в Японию	2	3	5	3	1
в Корею	3	5	7	7	2
в др. страны Тихоокеанского рынка	1	2	4	3	1
Из Восточной Сибири	7	27	41	58	75
Железная дорога (Забайкальск — Маньчжурия; Наушки — Сухэ-Батор; Гродеково — Суйфэньхэ)					
в Китай	1	2	2	2	2
Нефтепровод ВСТО (включая отвод Сковородино — Дацин, порты Дальнего Востока)					
в Китай	3	12	20	30	38,8
в Японию	1	5	5	7	9,5
в Корею	2	7	10	14	19,2
в другие страны Тихоокеанского рынка	0	1	4	5	5,5
С Дальнего Востока (Сахалин, Камчатка)	16,3	17,6	22,1	26,1	29,1
Из терминала Де Кастри					
в Китай	2,6	2,9	3,7	3,9	4,1
в Японию	0,4	0,5	1,7	2,0	2,1
в Корею	2,2	2,4	3,1	3,3	3,5
в другие страны Тихоокеанского рынка	3,5	3,8	3,8	3,9	4,1
Всего из терминала Де Кастри	8,8	9,5	12,3	13	13,8
Из терминала в Пригородном, морских платформ					
в Китай	1,5	1,6	2,6	3,9	4,4
в Японию	4,5	4,6	4,5	4,5	4,4
в Корею	1,5	1,7	2,1	3,5	5,3
в другие страны Тихоокеанского рынка	0,0	0,1	0,6	1,2	1,3
Из России на Тихоокеанский рынок, всего	48,3	79,6	109,1	122,1	133,1
в Китай	27,1	43,5	58,3	64,8	74,3
в Японию	7,9	13,1	16,2	16,5	16,9
в Корею	8,7	16,1	22,2	27,8	30,0
в другие страны Тихоокеанского рынка	4,5	6,9	12,4	13,1	11,9

Таблица 7.

Источники, маршруты и направления поставок газа из России на Тихоокеанские рынки в 2010–2030 гг., млн куб. м в год

Источник, маршрут, направление / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Из Западной Сибири	0	13	30	40	40
Газопровод "Алтай"					
в Китай	0	3	20	30	30
Газопровод — ЕСГ — Восточная Сибирь — Дальний Восток (включая отводы на Китай, Корею, заводы и терминалы СПГ)					
в Китай	0	5	5	5	5
в Японию	0	2	2	2	2
в Корею	0	2	2	2	2
в другие страны Тихоокеанского рынка	0	1	1	1	1
Из Восточной Сибири	0	50	92	106	112
Газопровод Восточная Сибирь — Дальний Восток (включая отводы на Китай, Корею, заводы и терминалы СПГ)					
в Китай	0	25	55	69	75
в Японию	0	5	7	7	7
в Корею	0	15	20	20	20
в другие страны Тихоокеанского рынка	0	5	10	10	10
С Дальнего Востока (Сахалин, Камчатка)	13,7	21,5	38,6	53,2	57,9
Из терминала СПГ в Пригородном, морских платформ					
в Китай	1,4	1,8	3,0	3,8	4,0
в Японию	8,2	10,8	14,0	14,6	15,0
в Корею	2,7	3,6	5,2	5,9	6,0
в другие страны Тихоокеанского рынка	1,4	1,8	3,2	4,1	4,3
По газопроводу Сахалин — Владивосток — Находка с отводами на Китай, Корею, с новых терминалов СПГ на Дальнем Востоке (Приморье, Камчатка)					
в Китай	0,0	1,0	3,9	7,4	8,6
в Японию	0,0	0,2	2,1	3,7	4,3
в Корею	0,0	0,8	3,3	6,2	7,1
в другие страны Тихоокеанского рынка	0,0	1,4	3,8	7,4	8,6
Из России на Тихоокеанский рынок, всего	13,7	84,5	160,6	199,2	209,9
в Китай	1,4	35,8	87,0	115,2	122,5
в Японию	8,2	18,0	25,1	27,3	28,3
в Корею	2,7	21,5	30,5	34,1	35,2
в другие страны Тихоокеанского рынка	1,4	9,2	18,0	22,5	23,9

После ввода в эксплуатацию первой (2009 г.) и второй (2014 г.) очередей нефтепровода ВСТО трубопроводные поставки нефти (с учетом отвода на Китай и фрахта в портах Дальнего Востока) из Западной и Восточной Сибири на Тихоокеанский рынок будут последовательно доведены до 80 млн т; после 2025 г. с учетом поставок на Хабаровский НПЗ потребуется увеличение пропускной способности нефтепровода. Железнодорожные поставки нефти в Китай сохранятся на уровне 5–7 млн т в год.

Экспорт нефти с месторождений о-ва Сахалин и шельфа Охотского моря, а в долгосрочной перспективе — и Западно-Камчатского шельфа Тихого океана может составить не менее 25–30 млн т. при условии полной загрузки Комсомольского НПЗ. Основные поставки будут осуществляться через терминал Де Кастри в Хабаровском крае и терминал в Пригородном на юге Сахалинской области, а также с морских платформ (особенно на начальной стадии реализации проектов “Сахалин-3” — “Сахалин-9”). В целом экспорт на Тихоокеанские рынки может достигнуть в 2009 г. 45–50 млн т, в 2020 г. — 100–110 млн т, в 2030 г. — 130–140 млн т. Гарантированные поставки в Корею можно довести до 28–33 млн т.

В рамках проекта “Сахалин-2”, начиная с марта 2009 г., ведутся поставки СПГ, главным образом, в Японию, с отгрузкой из терминала на юге Сахалина. Выход на проектную мощность 13,7 млрд куб. м (в пересчете на исходное вещество) намечен на 2010 г. В долгосрочной перспективе целесообразно строительство дополнительных модулей завода СПГ и расширение терминала.

После 2012 г. будут организованы поставки сетевого газа в Китай и Корею (через морской трубопровод) с месторождений “Сахалин-1”; после 2014 г. будет введена система Западная Сибирь — Восточная Сибирь — Дальний Восток с отводами на КНР, которая будет соединена в районе Хабаровска с газопроводной системой Сахалин — Дальнереченск (отвод на Китай) — Владивосток — Находка — Сеул, В 2015–2020 гг. в районе Находки возможно строительство завода по сжижению газа и терминала СПГ.

Экспорт сжиженного и сетевого газа из Сибири и Дальнего Востока на Тихоокеанские рынки может составить в 2015 г. 80–85 млрд куб. м, в 2020 г. — 155–165 млрд куб. м, в 2030 г. — 200–210 млрд куб. м.

Поставки нефти и газа из России в Китай и Японию будут конкурентными по отношению к поставкам в Южную Корею. Ожидается, что уже в ближайшей и среднесрочной перспективе будут расширены поставки нефти в Китай через территорию Казахстана по действующему нефтепроводу Омск—Атасу—Алашанькоу, в том числе с использованием схемы замещения (SWAP). Поставки западносибирской нефти по этому маршруту могут быть доведены до 10 млн т в год.

Гарантированные долгосрочные поставки газа в Корею могут составить 33–38 млрд куб. м в год.

Перспективы экспорта нефти и газа в Южную Корею будут определяться уровнями добычи в Сибири и на Дальнем Востоке, внутренними потребностями, развитием транспортной инфраструктуры, спросом и ценами на международных рынках, условиями поставок. Важную роль в обеспечении максимальных объемов поставок будет играть гибкость переговорной позиции корейских партнеров по ценам и гарантиям закупок, а также участие корейских компаний в инвестировании добычи, переработки и транспорта нефти и газа на территории России.

В сентябре 1999 г. в Корею была отгружена первая партия сырой нефти в объеме 81 тыс. т. В 2008 г. поставки приблизились к 5 млн т (экспорт осуществляется, в основном, в рамках проектов “Сахалин —1” и “Сахалин —2”). В феврале 2009 г., напомню, был пущен первый в РФ завод по производству СПГ. В 2005 г. “Сахалин Энерджи” (оператор проекта) заключил с компанией — KOGAS контракт на поставку 1,5 млн т СПГ с возможностью дополнительной поставки 0,5 млн т в год. В апреле 2009 г. в Корею поступили первые партии российского СПГ. Его доставка с Сахалина до портов Южной Кореи занимает лишь 3 дня, тог-

да как поставки сжиженного газа с Ближнего Востока занимают 15 суток, а из стран ЮВА — неделю.

Сотрудничество РФ и Южной Кореи в нефтегазовой промышленности будет основываться на эффективном освоении ресурсов углеводородов в традиционных и новых районах Сибири и Дальнего Востока, шельфа арктических и дальневосточных морей, на формировании новой экспортной инфраструктуры. Поставки нефти из Сибири и Дальнего Востока в Корею в настоящее время и в перспективе реально могут осуществляться: из портов Южного Сахалина — Корсаков, Пригородное; из портов Хабаровского края — Де Кастри, Ванино, Советская Гавань; из портов Приморского края — Козьмино, Находка; с морских платформ.

НК “Роснефть” совместно с КНОС ведет поисково-разведочные работы на лицензионном участке “Западно-Камчатский шельф”. Лицензия на его геологическое изучение принадлежит ООО “Камчатнефтегаз”, являющемуся совместным предприятием “Роснефти” (60%) и КНОС (40%). Этот участок площадью 62,7 тыс. кв. км расположен в акватории Охотского моря у западного побережья Камчатки. Глубина моря — от 40 до 150 м в юго-западной части и от 300 до 400 м — северо-западной. Сейсморазведка, выполненная там с конца 1980-х до конца 1990-х гг. в объеме 13,9 тыс. пог. км, выявила перспективные структуры. В примыкающих к лицензионному участку районах Западной Камчатки проводилось глубокое параметрическое и поисково-разведочное бурение, подтвердившее наличие структур, могущих содержать нефть и газ.

В 2007 г. при участии южнокорейской корпорации газовых технологий (KOGAS-tech) и сахалинского предприятия “Тепломонтажсервис” было создано совместное предприятие “САКОТЕК Компани”. Специалисты этого СП обеспечивают безопасную эксплуатацию трубопроводов, платформ в рамках проектов “Сахалин-1” и “Сахалин-2”, завода по сжижению природного газа в Пригородном.

В 2006 г. ОАО “Газпром” и KOGAS подписали соглашение о строительстве газопровода из РФ в Южную Корею. Было предложено рассмотреть два основных варианта — морской и сухопутный. Есть договоренность о проведении анализа ресурсной базы газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке для обеспечения загрузки предполагаемого газопровода. В сентябре 2008 г. “Газпром” и KOGAS подготовили пакетное соглашение стоимостью 102 млрд долл., включающее строительство газопровода в Южную Корею из Приморского края (Владивосток, Находка), газохимического комплекса и завода по сжижению природного газа. Не исключено участие KOGAS в разработке крупнейшего в Восточной Сибири Ковыктинского газоконденсатного месторождения.

При развитии нефтегазового комплекса и формировании экспортных проектов в Восточной Сибири следует учитывать особый химический состав газа месторождений Лено-Тунгусской НГП: до начала экспорта целесообразна его переработка на российской территории. Необходима организация технологически и экономически обоснованного и экономически эффективного извлечения этана, пропана, бутанов гелия и других элементов. В создании газоперерабатывающих и нефтехимических производств на территории РФ могут участвовать корейские компании.

Развитие сотрудничества России и Южной Кореи в нефтегазовой промышленности — следствие эффективного освоения ресурсов и запасов углеводородов в традиционных и новых районах Сибири и Дальнего Востока,

шельфа арктических и дальневосточных морей, формирования новой экспортной инфраструктуры.

Основные направления сотрудничества России и Южной Кореи в нефтегазовой сфере на Востоке страны: поставки нефти; поставки сжиженного природного газа; поставки трубопроводного природного газа; совместная разработка месторождений нефти и газа в Восточной Сибири, на шельфе Сахалина и Камчатки; совместное участие в проектах upstream в других странах; участие корейских компаний в модернизации действующих заводов и строительстве новых заводов по глубокой переработке и химии нефти и газа на территории Сибири и Дальнего Востока; участие корейских компаний в сервисных и подрядных работах на территории Сибири и Дальнего Востока; участие российских компаний с корейскими партнерами в переработке и дистрибуции нефтепродуктов на территории Кореи; их соучастие в переработке, хранении и дистрибуции газа на территории Кореи, как и соучастие в ее нефтепроводах, газопроводах, хранилищах нефти и газа.

Поставки нефти из Сибири и Дальнего Востока в Корею в настоящее время и в перспективе реально могут осуществляться из портов Южного Сахалина — Корсаков, Пригородное; из портов Хабаровского края — Де Кастри, Ванино, Советская Гавань; из портов Приморского края — Козьмино, Находка; с морских платформ.

Поставки сетевого и сжиженного газа могут быть организованы: из порта Южного Сахалина — Пригородное (СПГ); из порта Приморского края — Находка (СПГ); из месторождений стран АТР (Индонезия, Малайзия, Австралия, Бруней) по схеме замещения SWAP Западная Сибирь (СПГ); из месторождений стран АТР (Индонезия, Малайзия, Австралия, Бруней) по схеме замещения SWAP Западная Сибирь (СПГ); по подводному газопроводу Находка — Сеул (трубопроводный газ).

Важную роль в обеспечении максимальных объемов поставок в Корею будет играть гибкость переговорной позиции корейских партнеров по ценам и гарантиям закупок, как и участие корейских компаний в инвестировании добычи, переработки, транспорта нефти и газа на территории РФ. Поставки из России в КНР и Японию будут конкурентными по отношению к поставкам в Южную Корею, способным достичь 33–38 млрд куб. м в год.

* * *

В целом экспорт нефти из России на Тихоокеанские рынки может достигнуть в 2020 г. — 100–110 млн т, в 2030 г. — 130–140 млн т. Гарантированные поставки в Корею могут быть доведены до — 28–33 млн т в год. Экспорт сжиженного и сетевого газа из Сибири и Дальнего Востока на Тихоокеанские рынки может составить в 2015 г. 80–85 млрд куб. м, в 2020 г. — 155–165 млрд куб. м, в 2030 г. — 200–210 млрд куб. м.

Переговорная позиция азиатских партнеров зачастую сводится к принципу (бубу вэй ин) — “шаг за шагом закрепляться”. Думается, что российской стороне при поставках на экспорт сырой нефти и энергетического газа следует добиваться гарантий по ценам, объемам и срокам реализации трансакций, заключать связанные договора, предполагающие одновременные поставки продукции нефтегазопереработки и нефтегазохимии, а также обеспечение доступа российских компаний к объектам транспортировки, переработки и сбыта на территории стран-реципиентов. Это предложение, выдвинутое академиком А.Э. Конторови-

чем в 2005 г. на Форуме трубопроводов Северо-Восточной Азии в Сеуле, встретили понимание многих азиатских коллег.

Цены экспортных поставок нефти и газа из Восточной Сибири и Дальнего Востока на Тихоокеанские рынки должны быть несколько выше европейских с учетом высокого качества сырья, повышенного спроса и наличия транспортных рисков при поставках из других регионов мира (Ближнего Востока, Африки).

Целесообразно формирование контролируемых российскими компаниями, прежде всего, "Газпромом", "Роснефтью", "ЛУКОЙЛом", "ТНК-ВР" и "Зарубежнефтью", поставок нефти, нефтепродуктов, сетевого и сжиженного газа, а также гелия не только из России, но и из других регионов мира. "Газпром" как глобальная энергетическая компания имеет возможность вхождения в проекты поставок СПГ в страны АТР, на Тихоокеанское и Атлантическое побережье США, организуемых международными (МНК) и транснациональными компаниями ТНК-ВР, Shell, Exxon, Chevron, Total и др., из различных регионов мира по схеме замещения SWAP на европейском рынке, а также в обмен на их ограниченный допуск к проектам на территории Западной и Восточной Сибири, шельфе Дальневосточных и Арктических морей.

Создание и приобретение инфраструктуры, получение доступа к добывающим активам и организация крупномасштабных поставок из различных регионов мира позволит России занять доминирующие позиции на Тихоокеанском рынке нефти, нефтепродуктов и газа, контролируя не менее трети всех экспортно-импортных поставок углеводородов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая

© 2010

Е. Кранина

Укрепление продовольственной безопасности зависит от расширения использования природных ресурсов. В ведущих рыболовных странах аквакультура признана одним из основных факторов улучшения состояния экономики, обеспечения продовольственной безопасности, насыщения внутреннего рынка, повышения занятости населения, увеличения экспортных поступлений. Китай достиг среднемирового уровня по потреблению рыбной продукции на душу населения, насытил внутренний рынок пищевым белком благодаря развитию аквакультуры.

Ключевые слова: аквакультура, водные биоресурсы, пищевой белок, промышленный улов, продовольственная безопасность, экология, природопользование, устойчивое развитие.

В мире складывается непростая ситуация в области обеспечения продовольственной безопасности: истощение источников экстенсивного роста агропроизводства происходит на фоне увеличения народонаселения. Концепция интенсивного развития сельскохозяйственного производства, принятая во второй половине XX в., также утрачивает свои позиции. Принятые методы ведения сельского хозяйства, механизм распределения продовольствия, альтернативное земледелие уже не способны при существующем мировом экономическом порядке обеспечить продовольственную безопасность, ее повышению они способствуют лишь в отдельных государствах — преимущественно в промышленно развитых.

В последнее десятилетие наблюдается устойчивое снижение среднемирового производства на душу населения базовых продуктов питания, хотя рост абсолютных его объемов продолжается. Число голодающих в мире Всемирная продовольственная организация (ФАО) оценивает в более, чем 800 млн чел., еще 1,0 млрд чел. — на грани голода и недоедания. Более 2 млрд страдает от скрытых форм голода из-за недостаточного потребления жизненно важных микроэлементов (йода, железа, витамина А...), длительное недопотребление которых чревато серьезными заболеваниями, заметным сокращением продолжительности жизни. Нехватку пищевого белка испытывает около 3 млрд чел., или 2/3 мирового населения, что особенно пагубно сказывается на детях¹. Эти факты свидетельствуют о кризисном состоянии мировой продовольственной безопасности.

Продолжается рост мировых цен на продукты питания. Согласно данным из ежегодного отчета Всемирного банка, с 1996 по 2006 гг. цены на продовольст-

вие увеличились на 75%, за 2007 г. — еще на 40%, 2008 — 2009 гг. ознаменовались новыми скачками цен. Согласно прогнозам ФАО, ожидается дальнейшее подорожание продуктов питания и сохранение агфляции (аграрной инфляции) до 2015 г.² Чтобы удовлетворить растущие потребности населения Земли, производство продовольствия к 2030 г. должно быть увеличено, по мнению экспертов, на 50%³.

Стратегическими целями продовольственной безопасности любого государства является его национальная безопасность, независимость, политическая и социально-экономическая стабильность. Продовольственная безопасность означает гарантирование доступных, экологически чистых, качественных и безопасных продуктов питания для всего населения страны (включая малообеспеченные слои) при обеспечении уровня среднедушевого потребления основных продовольственных товаров соответственно рациональным нормам, при которых достигается максимально возможная в современных условиях средняя продолжительность жизни. При разработке системы продовольственной безопасности в развитых государствах применяются два основных подхода: первый — приоритет поддержки национального сельскохозяйственного товаропроизводителя (в странах ЕС), второй — равная поддержка как производителей, так и потребителей продовольствия (в США).

Обеспечение продовольственной безопасности включает также необходимость использования имеющихся природных ресурсов с минимальным ущербом для биосферы и одновременным улучшением среды обитания, требует проведения единой для всей страны (а в перспективе — и глобальной) политики природопользования, охраны и восстановления окружающей среды. Только при этом условии земельные, водные, энергетические, лесные, сырьевые ресурсы будут использоваться оптимально, при максимальном уровне удовлетворения демографически обусловленного спектра потребностей людей, на основе национальных традиций.

Укрепление продовольственной безопасности отдельных стран и мира в целом зависит в значительной степени от возможностей расширения использования природных ресурсов агросферы. Это относится в первую очередь к основному средству сельскохозяйственного производства — сельхозугодьям. Последние десятилетия замедлился процесс их увеличения, причем расширение обрабатываемых площадей идет в основном за счет сведения лесов, что осложняет экологическую ситуацию и негативно сказывается на продуктивности земледелия. Целинные земли значительно менее плодородны, а их вовлечение в производственный цикл требует серьезных капиталовложений, каковых нет у большинства развивающихся стран.

Потеря почвенного плодородия вследствие ветровой и водной эрозии, уплотнение пашни из-за интенсивной механической обработки, заболачивание переувлажненных земель и засоление орошаемых, накопление в почве остатков химикатов приняли глобальные масштабы. Эрозии подверглось не менее трети мировых сельхозугодий, из оборота ежегодно выбывают более 10 млн га⁴. Основные экспортеры продовольствия, в первую очередь США, Канада, Евросоюз, приняли решение о постепенном снижении производства сельхозпродукции, субсидируя временный вывод сельхозугодий из оборота для восстановления плодородия почв. Так, Министерство сельского хозяйства США планирует довести количество выведенных в резерв площадей, затронутых эрозией, до 10 — 15% всего пахотного клина. Острее всего проблема выведения из оборота деградирован-

ных земель стоит в развивающихся странах, которые не имеют необходимых средств для борьбы с эрозией и использования почвосберегающих технологий.

По расчетам ФАО, для обеспечения стабильного питания (включающего растительные и животные продукты) требуется не менее 0,5 га пашни в среднем на одного человека, в Китае же этот показатель — менее 0,09 га. Эрозии подвержено более 37,1% территории страны⁵. Все чаще поднимается вопрос — сможет ли КНР к 2030 г. прокормить себя или решение будет найдено путем увеличения импорта продовольствия. По прогнозам Института всемирного наблюдения (The World Watch Institute), в этом случае может быть превышен мировой экспортный потенциал, что чревато серьезными политическими последствиями⁶. Возможности удовлетворения потребностей в сельскохозяйственных продуктах во многих странах мира уже сегодня ограничены, и это угрожает перспективам их экономического развития, способствует нарастанию социально-экономических конфликтов при обострении соперничества за доступ к природным ресурсам: пашне, пресной воде⁷.

Водные ресурсы — один из наиболее важных стратегических и, вместе с тем, наиболее уязвимых компонентов окружающей среды, их дефицит и ухудшение качества становятся глобальным бедствием XXI в. По данным ООН около 2 млрд чел. испытывают нехватку питьевой воды. В развивающихся странах 60% населения не имеет доступа к чистой воде, к 2030 г. от недостатка воды будут страдать свыше трех млрд жителей планеты, или почти половина ее населения⁸. Дефицит пресной воды для орошения также становится глобальной проблемой. В Китае дефицит воды достиг порога, за которым начинается экологический кризис и опасность замедления социально-экономического развития: на душу населения приходится лишь 1/4 среднемирового показателя (менее 2-х тыс. куб. м)⁹.

Рыболовство — один из видов природопользования, относящийся к древнейшим промыслам человечества. Водные промыслы всегда были ценным источником получения пищевого белка, который дешевле куриного, и полезнее, чем животный. До какого-то момента мировой объем выловленной (не выращенной) рыбы постоянно увеличивался, затем стабилизировался и стал снижаться. С 1970-х гг. он практически не изменился, а необходимость наращивания рыбопродукции увеличивается, что обусловлено возрастающими потребностями людей в пищевом белке. Рыба имеет самый подходящий для организма человека баланс незаменимых аминокислот и положительных липидов. Обязательная медицинская норма ее потребления: 23,7 кг в год на душу населения. 72 — 75% всего мирового улова рыбы идет для питания людей, остальное перерабатывается в рыбную муку, питательные добавки, рыбий жир, используется на корм скоту или в фармацевтике. Сокращение рыбы в структуре питания ведет к росту заболеваемости и снижению продолжительности жизни человека. В особенно тяжелом положении — развивающиеся государства, испытывающие катастрофический дефицит животного белка.

Промысловая нагрузка на традиционные, наиболее востребованные объемы зачастую превышает допустимые уровни. Негативно влияет гидростроительство, забор большого количества пресной воды на орошение и другие хозяйственные нужды, эксплуатация водозаборов без рыбозащитных устройств, загрязнение вод и т.д. В результате: угнетение и гибель многих видов ихтиофауны, рост заболеваемости ценных пород рыб и накопление в них вредных загрязняющих веществ (хлорорганических, пестицидов, солей тяжелых металлов, ртути). Например, в Китае в реке Хуанхэ вымерла почти треть обитавших в ней видов

рыб, а объем вылова сократился на 40%. Под прессом хищнического промысла находятся высокорентабельные объекты водных биологических ресурсов — крабы, морские ежи. Сложная ситуация сложилась с охраной осетровых видов рыб в бассейне реки Амур.

Моря и океаны, омывающие 71% поверхности Земного шара, составляют один из основных компонентов системы его жизнеобеспечения, являются огромным хранилищем ресурсов, играют роль экологического регулятора. В 100-километровой зоне от морского побережья проживает до 80% населения Земли. Здесь производится 70% ВВП мировой экономики. Но глобальное изменение климата, возрастающие выбросы парниковых газов, ведущие к увеличению содержания двуокси углерода в атмосфере, повышают уровень кислотности воды, наносят вред планктонным организмам, образующим основу пищевой цепи, снабжающим рыбные ресурсы питательными веществами. Из-за глобального потепления за последнее десятилетие количество кислорода в прибрежных морских акваториях снизилось более чем на 15% (теплая вода удерживает меньше растворенного кислорода, чем холодная). Разрастаются так называемые “подводные пустыни” — участки с низким содержанием кислорода, где не могут существовать живые организмы. Большинство ученых-аналитиков считают, что дальнейшее увеличение объемов рыбной продукции возможно исключительно за счет искусственного выращивания аквакультуры как главной пищи человека XXI в.*

В мировом рыбном хозяйстве, в ведущих рыболовных странах она признана одним из основных факторов, улучшающих состояние экономики, обеспечения продовольственной безопасности и независимости страны, насыщения внутреннего рынка, повышение занятости населения, увеличения экспортных поступлений. В настоящее время мировая аквакультура стала самой быстро развивающейся подотраслью производства пищевой продукции (10,6% в год), обеспечивая 40% потребления рыбопродуктов¹⁰. Еще быстрее развивается марикультура (за последние 25 лет ее производство увеличилось почти десятикратно). Эти цифры доказывают высокую экономическую эффективность аквакультуры. Для сравнения, объем собранного зерна за то же время увеличился лишь в полтора раза, а выращенного мяса и того меньше¹¹.

Масса потребляемых в настоящее время морепродуктов составляет более 10% от объема выращенного зерна — основной пищи человечества, и соизмерима с потребляемым мясом. Годовой урожай составляет 2–3 т/га, но может достигать и 5–5,5 т. Аналогичный выход мяса с одного гектара пастбищ намного меньше. Продуктивность основных злаковых культур, например в США — в среднем 40 ц/га. Продуктивность аквакультурных хозяйств, как правило, значительно выше по сравнению с сельскохозяйственными угодьями. “Урожайность” рыбы достигает при выращивании в садках и бассейнах — свыше 100 кг с одного куб. метра, урожай водоросли ламинарии могут достигать до десятков тонн с одного гектара — т.е. продуктивность морепродуктов выше, чем земных организмов¹². Это объясняется тем, что чем примитивней живой организм, тем меньше он потребляет пищи при своем росте, т.е. разведение рыбы более оправданно по расходу кормов, чем производство говядины. Так, у крупного рогатого скота только 10–15% съеденных кормов переходит в массу тела. У рыб этот показатель доходит до

* Аквакультура - разведение и выращивание рыбы, других водных животных и растений с целью получения товарной продукции и пополнения их запасов в естественных водоемах, осуществляемые под контролем человека.

30%, у осьминогов и других моллюсков — до 40%, а простейшие одноклеточные удваивают свою массу делением через каждые 20 минут¹³.

Преимущество рыбы и морских беспозвоночных — и в том, что им как существам холоднокровным не требуется расходовать энергию на поддержание температуры собственного тела. Водные существа тратят меньше энергии и на движение. Себестоимость искусственного производства одной тонны рыбопродукции в пересчете на единицу белка меньше себестоимости мяса крупного рогатого скота в 2,6 раза, свиней — в 2,4 раза, птицы — в 1,5 раза¹⁴.

Но стоимость аквапродукции пока выше, чем земной пищи, что обусловлено высокими расходами на транспортировку и общей неразвитостью инфраструктуры в большинстве стран-производителей. Однако в перспективе она должна стать ниже, чем себестоимость пищи, произведенной на суше, причем стоимость земной будет расти опережающими темпами. Стоимость аквапродукции значительно зависит от типа организмов. Наиболее дешевый водный товар — различные растения, преимущественно бурая водоросль ламинария. 50,1% продукции аквакультуры получается в морской воде, в пресной — 44,6%, в солоноватой — около 5,3%¹⁵.

Разделение на морскую и пресноводную аквакультуру, по-видимому, следует считать достаточно условным, поскольку искусственное воспроизводство некоторых видов осуществляется в пресной воде, а их дальнейшая жизнь проходит в море. Для одних видов участие человека ограничено искусственным получением молоди с ее последующим выпуском в природные водоемы, в естественную среду обитания. То есть организмы находятся под контролем лишь на начальных стадиях развития. Обычно такую форму аквакультуры называют **пастбищным выращиванием**. Наиболее заметные успехи в организации этого направления связаны с тихоокеанскими лососями и осетровыми.

Распространено также **товарное выращивание**, при котором антропогенное воздействие присутствует (или присутствие его возможно) на всем протяжении жизненного цикла гидробионтов. В зависимости от мест содержания водных организмов или, иначе говоря, способов ограничения передвижения культивируемых объектов различают прудовое, садковое, бассейновое выращивание.

Относительно недавно возник еще один тип товарного выращивания — **индустриальная аквакультура**¹⁶. Производственный цикл при таком способе культивирования гидробионтов не зависит от состояния окружающей среды. Данный вариант позволяет размещать производственные мощности в любых климатических условиях, максимально приближая их к рынкам сбыта.

По регионам мира наибольшее развитие аквакультура получила в Китае и Юго-Восточной Азии, где составляет 91,22% от мирового производства, на оставшиеся регионы приходится менее 9%. Большое значение аквакультура имеет для развивающихся стран Латинской Америки и Африки. Аквакультурные хозяйства весьма перспективны в плане формирования дополнительных рабочих мест, что особенно важно в государствах с наиболее высокой плотностью и низкой занятостью населения¹⁷.

Главные потребители продукции (более 75%) — развитые страны. По данным Всемирной продовольственной организации, среднелюдское потребление рыбы и рыбной продукции ведущих мировых рыболовных держав характеризуется следующими показателями: Япония — 64,7 кг, Норвегия — 47,4 кг, Китай — 25,7 кг, США — 22,6 кг, Россия — 12 кг¹⁸.

Аквакультура в Китае имеет древнейшую историю. Известно, что еще свыше 4000 лет назад крестьяне выращивали рыбу на залитых водой рисовых полях. 2500 лет назад основоположником китайского рыбоводства Фань Ли было написано первое дошедшее до нашего времени пособие по аквакультуре, содержащее сведения о способах разведения и выращивания рыб. Быстрый рост отрасли наблюдается с началом проведения политики экономических реформ (с 1978 г.), когда правительство выделило ее в приоритетное направление развития.

Сегодня КНР производит примерно треть всей рыбной продукции в мире. В 2008 г. получено 48,95 млн т, в том числе аквапродукции 34,26 млн т, (в 10 раз больше по сравнению с 1978 г). При этом среднедушевой показатель вырос в 8,2 раза¹⁹. По потреблению рыбной продукции на душу населения Китай достиг среднемирового уровня. Это — единственное государство в десятке ведущих рыболовных держав, у которого доля аквакультуры в годовом объеме производства водных биоресурсов превысила показатели промышленного лова в естественных морских и пресных водоемах. Основная задача, к которой стремилась страна (насытить внутренний рынок белковой продукцией), выполнена. И достигнуто это за счет аквакультуры.

Реформы в данной отрасли проведены без ускоренной и принудительной приватизации. Проведена децентрализация прав в сфере управления — оно осуществляется через систему контрактов, рентных договоров, товариществ, акций. В аренду на 3–5–10 лет отданы пруды, озера, каналы, балки, овраги, в расчете 1 га на 1 чел. Узаконены предприятия различных форм собственности: государственной, коллективной, частной. Конечный продукт стал принадлежать производителю. В результате возросла активность коллективных предприятий, стремительное развитие получил семейный подряд. В 1985 г. был отменен контроль цен на продукцию, это сделало отрасль высокоприбыльной, не требующей существенных начальных инвестиций²⁰.

Ныне продолжается работа по созданию хозяйственных и организационно-экономических условий, стимулирующих развитие отрасли. Предполагается ввод усовершенствованной системы государственных заказов, включая оказание услуг рекреационному рыболовству. При этом учитывается платность пользования рыбохозяйственными водоемами для всех субъектов и видов деятельности.

Принимаются дополнительные меры государственной поддержки производства товарной рыбы, а также субсидирование увеличения объема выращенной и реализованной рыбы. Быстро внедряется акционерная система. Эффективность акционерных обществ при операциях большого масштаба сделала эту форму хозяйствования очень популярной. В связи с развитием рынка рыбных товаров, ростом обрабатывающих и торговых предприятий созданы соответствующие центры сбора, обработки и распространения информации, оказания консультационных услуг. Разветвленная, но достаточно централизованная система управления водными промыслами замыкается на Бюро по рыболовству Министерства сельского хозяйства КНР. Ему прямо подчиняются администрации, созданные для каждого из трех морей: Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского, а также администрации всех провинций, автономных регионов, муниципалитетов и округов.

Интенсивно развивается как пресноводная так и морская аквакультура. После вступления КНР в ВТО динамично растет экспорт отрасли, в 2008 г. его объем составил десятую часть мирового оборота. По этому показателю Китай в течение семи лет первенствует в мире. По данным на конец 2008 г., Госкомитетом

по делам сертификации и аккредитации было зарегистрировано более 1500 предприятий по переработке и экспорту аквапродукции, в их числе — свыше 400 с годовым экспортом не менее 10 млн долл.²¹

Важнейшее преимущество аквакультуры для Китая — возможность экономить плодородные земли и интегрировать ее с другими отраслями сельского хозяйства — птицеводством (особенно разведением уток), свиноводством, рисоводством. Благодаря широко применяемой поликультуре (разведение 8–10 видов рыб с разной кормовой базой) удается получать высокую рыбопродуктивность.

Пресноводная аквакультура базируется на культивировании водных объектов в пресных водоемах. Диапазон весьма широк: рыба, ракообразные, моллюски, земноводные, водоросли. Преобладают карп, толстолобик, белый и черный амур, лещи, угри. Используются практически все водоемы — от маленьких дворовых, площадью в несколько кв. м до судоходных каналов. В ряде хозяйств созданы маточные стада. Импортируются живые эмбрионы разных новых видов.

Располагая прибрежной зоной, протянувшейся на 18 тыс. км, Китай интенсивно развивает морскую аквакультуру (марикультуру). Особенно велика ее роль в прибрежных районах, где она обеспечивает крупные приморские города свежей продукцией. Большое значение в морских хозяйствах придается выращиванию (кроме рыбы) креветок, мидий, гребешков, водорослей, различных видов крабов. Морская капуста (ламинария японская) отдает хозяйствам неплохую прибыль, ибо рынок сбыта в последние годы для этого вида морепродуктов непрерывно расширяется. Основные “капустные” потоки текут в Европу из Китая и Северной Кореи. Помимо гребешка и капусты, привлекательными объектами товарного выращивания являются такие гидробионты, как трепанг, спизула, мидия. Следует отметить негативные факторы, влияющие на производительность отрасли: неразвитость береговой инфраструктуры, незаконный промысел, несовершенство системы управления и охраны водных биологических ресурсов. Как и в пресных водоемах, китайцы широко применяют поликультуру: во многих хозяйствах одновременно выращиваются креветки, крабы, двухстворчатые моллюски и водоросли, рыба. Успешно осуществляется в коммерческих целях выращивание угрей, морских окуней, гуперов и других рыб в плавучих морских садках с последующей их поставкой на рынки внутри страны. Наряду с этим начали создаваться “подводные рифы” для культивирования устриц и голотурий. Марикультура постепенно продвигается от мелководного побережья в глубоководную часть. Рассматриваются в перспективе проекты по созданию морских хозяйств по выращиванию короткоциклических видов рыб (анчоусовых).

Хотя в марикультуре, в отличие от пресноводной аквакультуры, “чистых площадей” для расширения производства значительно больше, китайские специалисты придают большое значение охране приморских территорий как основе устойчивого функционирования отрасли. Главные причины загрязнения морских вод — поступление неочищенных отходов с суши (около 88% всех загрязнителей — промышленные и бытовые отходы); сброс отходов с морских судов. В моря, омывающие Китай, поступает до 20 видов загрязняющих веществ: биогены, нефть и нефтепродукты, тяжелые металлы. Критическая ситуация с загрязнением складывается в дельтах р. Чжуцзян и Янцзы, заливах Бохай и Ханчжоу, а также на побережье Восточно-Китайского моря, куда поступает около 50% всех промышленных стоков страны. В меньшей степени от загрязняющих вод страдают Желтое и Южно-Китайское моря. В 2009 г. в морской акватории Китая наблю-

далось 68 случаев так называемых “красных приливов”*, от которых пострадали 13 тыс. 738 кв. км морских вод²².

В “Повестке дня Китая по морям и океанам на XXI век”, разработанной в 1996 г., выдвинута стратегия устойчивого развития морского хозяйства, нацеленная на эффективную защиту морских прав и интересов, рациональное освоение и использование морских ресурсов, действенную охрану среды. Основные усилия направлены на обеспечение устойчивого расширенного воспроизводства рыбных ресурсов с целью существенного увеличения поставок продукции на внутренний рынок, расширения ассортимента, повышения качества и конкурентоспособности отрасли, формирования соответствующей рыночной инфраструктуры. В целях охраны экологической среды правительство разработало “Нормативы качества воды для рыбоводства”. Соответствующими ведомствами утверждены “Положения о контроле за окружающими санитарными условиями для разведения моллюсков” и другие правила, принят ряд мер управленческого характера, улучшается деятельность по охране экологической среды в местах нереста морских рыб и креветок, на маршрутах миграции рыб²³.

На уровне государства и приморских районов утверждена многоступенчатая структура по охране морских промыслов, включая 15 контрольно-измерительных станций провинциального уровня и выше. В главных рыбохозяйственных акваториях созданы морские заповедники. В целях восстановления рыбных ресурсов осуществляется комплекс мер, включающих: искусственное воспроизводство, снижение уровня эксплуатации и совершенствование правил рыболовства. Государственными специальными структурами проводится контроль за биотехникой восстановления запасов водных биоресурсов, что уже дало положительные результаты. Применяется новейшее инновационно-техническое оборудование.

Задача по рациональному освоению, использованию и охране морских ресурсов внесена в “Государственную Программу экономического и социального развития Китая в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.)”, устойчивое развитие морского хозяйства определено как одно из основных стратегических направлений государственной политики. Созданы Государственный морской информационный центр (предоставляющий информацию для нужд морского освоения, научных исследований и охраны среды), а также первичная сеть обмена информацией, включившая соответствующие государственные ведомства, отраслевые органы, научно-исследовательские учреждения приморских районов²⁴.

Согласно стратегии перехода экономики КНР к инновационной модели развития, большое значение придается созданию научно-производственных центров новейших технологий аква- и марикультуры. Именно за развитием индустриальной марикультуры — будущее приморских регионов страны. Это и дополнительные рабочие места, и дешевый белок. Новый проект для приморских территорий — создание морских биотехнопарков. В рамках этой концепции предлагается модернизация существующих инфраструктурных предприятий аквакультуры и их объединение с соответствующими научно-исследовательскими учреждениями.

Основой для морских биотехнопарков служит береговая инфраструктура, обеспечивающая их устойчивую деятельность. Ее важнейшая часть — береговые комплексы по получению посадочного материала для хозяйств марикультуры.

* Вызваны концентрацией водорослей и растительных микроорганизмов бурого цвета.

Современный процесс сокращает технологический цикл товарного выращивания мальков на 6–12 мес., что представляет собой серьезную страховку от климатических рисков.

Вторым ядром парка является береговой комплекс по первичной переработке водного сырья (процессинговый центр) с последующей глубокой обработкой. Именно сюда поступает большая часть марикультурного сырья. Он обеспечивает первичную переработку продукции аквакультуры и ее дальнейшее распределение по различным направлениям: в торговую сеть; на дополнительную переработку в биологически активные вещества и добавки, корма и субпродукты; в центры глубокой переработки (производство и разработка медицинских препаратов и т.п.). При этом создается соответствующая инфраструктура: складские помещения, холодильные мощности, но главное — логистические подразделения. Такой проект имеет высокую социальную значимость в развитии высокотехнологичного инновационного рыбного бизнеса как для создания рабочих мест, так и с точки зрения рационального природопользования.

Например, в районе Шанхая проводятся широкомасштабные работы по созданию крупнейшего центра производства аквакультуры, на строительство которого планируется затратить около 20 млрд ю (2,8 млрд долл.). Этот биотехнопарк включает более 20 прудовых хозяйств, выполняющих разные функции, центры экологического и ветеринарного контроля. Каждый из искусственных водоемов рассчитан на тот или иной вид живых ресурсов, имеет свою специфическую конфигурацию и оснащение. База служит своего рода исследовательским центром для внедрения новых и перспективных направлений аквакультуры.

Совместная китайско-российская лаборатория морской биологии, представляющая собой проект НИИ морского и водного хозяйства пров. Шаньдун и Института биологии моря Дальневосточного отделения Российской академии наук создана в г. Яньтай (пров. Шаньдун)²⁵. На ее базе китайские и российские ученые проводят исследования по таким направлениям, как специфика обитания глубоководных биологических существ, океанологическая биоинженерия, рациональное использование и восстановление биосферы континентальных шельфов, технологии реабилитации экоресурсов, безопасность морской продукции. В основе совместной лаборатории лежит принцип интеграции в области проектов, персонала и материальной базы.

Создание биотехнопарков позволяет проводить разработку и апробацию инновационных технологических схем по повышению биологической продуктивности популяций гидробионтов, в том числе нарушенных. Исследование ведется с применением самой передовой техники, включая спутниковое и акустическое зондирование, гидрологический анализ состояния прибрежных морских территорий, качества морской среды, изменения экосистемы моря, угроз возникновения стихийных бедствий. Полученные результаты служат основой "Государственной стратегии развития морских ресурсов Китая".

Руководство КНР, способствуя межправительственному и региональному сотрудничеству в сфере морских промыслов, придерживается основных международных политических директив и принципов, совершенствует законодательную базу. В феврале 1992 г. Постоянный Комитет ВСНП принял "Закон КНР о территориальных водах и близлежащих к ним районах", который, стал одним из важнейших законов государства, заложил законодательный фундамент для осуществления суверенных прав Китая на территориальные воды и контроль над прилегающими к ним районами. В целях защиты международной правовой сис-

темы по регулированию морских промыслов и охраны прав и интересов своей страны, ПК ВСНП ратифицировал в мае 1996 г. "Конвенцию ООН по морскому праву". Согласно ее положениям, Китай обладает суверенными правами и юрисдикцией над экономическим морскими зонами шириной в 200 морских миль и континентальным шельфом.

Несомненно, следует ожидать, что в ближайшие десятилетия марикультура Китая в 200-мильной экономической зоне выйдет по объему производства на первое место, обойдя аквакультуру в пресных водоемах. В части воспроизводства и выращивания ценных видов водных биологических ресурсов планируется обеспечить восстановление популяций осетровых, лососевых и других видов. В последние годы, благодаря тесному сотрудничеству с российскими учеными, в Китае стали разводить и выращивать радужную форель, осетровых и сиговых рыб. Из общего объема выращивания осетровых 60% составляет амурский осетр, а остальную часть — сибирский осетр и бестер.

КНР активно участвует в деятельности международного сообщества по освоению и использованию морского дна и океана, координирует усилия в деле освоения приморских и морских районов с целью постепенного формирования приморской экономической зоны и морских экономических зон, которые могли бы в дальнейшем стимулировать развитие прибрежных районов. Изыскивает новые виды морских ресурсов с помощью инновационных технологий, создает и развивает современный рыбохозяйственный комплекс. Разработана международная программа координированного освоения морей одновременно с охраной морской экологической среды. Усилен природоохранный контроль над морями и надзор за исполнением законов, контроль над континентальными источниками загрязнения. Введена система их количественного ограничения с целью предотвратить ухудшение экологической ситуации.

Руководством КНР предпринимаются серьезные меры по выработке оптимальной стратегии вывода китайской аквакультуры на более высокий уровень рентабельности и конкурентоспособности. Предусмотрены дальнейшее ускоренное развитие дальнего экспедиционного промысла, улучшение качества технологической обработки и хранения продукции, ее экспортная ориентация. Увеличивается финансирование по ряду целевых программ. Расширяется интеграция добывающего и перерабатывающего секторов с выходом рыбохозяйственного комплекса на лидирующие позиции среди ведущих мировых рыбопромышленных стран при эффективном привлечении иностранного капитала. Основные доноры отрасли: Всемирный Банк, Азиатский Банк развития, Международный фонд развития сельского хозяйства, Европейский Союз, ЮНИДЕП, из отдельных стран: Япония, Россия и др. Большую помощь оказывает ФАО²⁶.

В рамках сотрудничества Китая с Российской Федерацией осуществляются следующие мероприятия: восстановление рыбных запасов и их устойчивое использование в приграничных акваториях Амура, включая реки Уссури, Сунгари и оз. Ханка; проведение специализированных научных экспедиций по совместному мониторингу и управлению запасами водных биоресурсов, рыболовством и воспроизводством; разработка совместной программы развития аквакультуры в приграничных районах КНР и России с поставкой продукции на внутренний рынок двух стран и на экспорт; совместная программа восстановления запасов осетровых и лососевых рек Амура и Уссури; исследование и освоение морских живых ресурсов открытых районов Мирового океана — прежде всего, Тихого океана и вод Антарктики; координация действий двух стран в региональных и

глобальных межправительственных международных организациях по управлению и сохранению водных биологических ресурсов; проектирование и строительство рыболовных судов для промысла в Мировом океане; подготовка кадров для рыбного хозяйства КНР и России.

1. World Resources Institute. Washington D.C: World Resources Institute, 2008/ 09/ 11 <http://www.agri.gov>. URL: www.wri.org.
2. www.apk-inform.2009-03/08/content_485781.htm.
3. World Resources Institute. Washington D.C: World Resources Institute, 2008/ 09/ 11 <http://www.agri.gov>. URL: www.wri.org.
4. Chinese Environment Daily. 07.03.2009.<http://www.cenews.com.cn/english/>.
5. Нунцунь цзинци луйпишу. Чжунго нунцунь цзинци синши фэньси юй юэцэ. 2006-2007. Пекин, 2008. С. 104.
6. <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx>.08.03.2009.
7. Косов Г.В. Экополитология: политология в контексте экологических проблем. М., 2006. С. 192.
8. Freshwater. — <http://devdata.worldbank.org>.16.05.2009.
9. Чжунго тунци няньцзян. Пекин, 2008. Гл.12. Табл.№ 1.
10. Макоедов А. Н. Основные тенденции развития аквакультуры // Вопросы рыболовства. 2006. Т.7. № 3. С.45.
11. World Resources Institute. Washington D.C: World Resources Institute, 2008/ 09/ 11 <http://www.agri.gov>. URL: www.wri.org.
12. <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx>.Production.
13. Там же.
14. Freshwater. — <http://devdata.worldbank.org>.
15. Там же.
16. Матишов Г.Г., Пономарев С. В., Пономарева Е.Н. Инновационные технологии индустриальной аквакультуры. М., 2007. С. 345.
17. Там же.
18. <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx>.11.05.2009.
19. http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20090226_402540784.htm.
20. Water problem strategy for China's 21st century. Beijing, 2005. P. 49.
21. <http://russian.people.com.cn/31319/6219220.html>.
22. Freshwater. <http://devdata.worldbank.org>. 16.05. 2009.
23. Chinese Environment Daily. 07.03.2009. — <http://www.cenews.com.cn/english/>.
24. Чжунго кэчисюй фачжань цзунган. Ди сы цзюнь. Чжунго шуйцзы юй кэчисюй фа Чжань [Общий обзор устойчивого развития Китая. Книга 4. Водные ресурсы Китая и устойчивое развитие]. Пекин, 2007. С. 78.
25. http://china.org.ru/business/txt/2008-05/05/content_150701.htm.
26. Там же.

История

Как И.В. Сталин изучал Японию

© 2010

Ю. Георгиев

Повышенный интерес у И.В. Сталина к Японии вызвала ее агрессия в Маньчжурии в 1931 г., создавшая реальную угрозу безопасности Советского Дальнего Востока. С этого времени отношения с этой страной заняли видное место в его внешнеполитической деятельности. Основой его курса стало жесткое отстаивание национальных интересов СССР на Дальнем Востоке в условиях реальной угрозы со стороны японского милитаризма. Особое внимание И. Сталин уделял возвращению стратегически важных для безопасности СССР земель на Дальнем Востоке, утраченных в дореволюционное время в пользу Японии.

Ключевые слова: Сталин, Япония, национальные интересы, освоение Курил, пакт о нейтралитете, советско-японская война 1945 г.

Прежде всего стоит напомнить, что Сталин принадлежал к тому поколению жителей России, которые оказались современниками русско-японской войны 1904–1905 гг. Поэтому Япония и ее взаимоотношения с Россией не были для него пустым звуком. Однако, как и у большинства революционеров того времени, события русско-японской войны отложились тогда в его памяти как показатель гнилости и бездарности царского режима, пролог первой русской революции 1905–1907 гг.

"Лицом к Японии" жизнь начала поворачивать Сталина с 1919 г., когда он был избран в постоянно действовавший руководящий орган РКП(б) — Политбюро. Шла гражданская война, в поддержку белогвардейской контрреволюции выступили могущественные империалистические державы Антанты, начавшие военную интервенцию против Советской России. Среди них оказалась и Япония. С 1918 по 1920 гг. она играла первую скрипку в интервенции империалистических держав Антанты на Дальнем Востоке, а с 1920 по 1922 гг. ее "сибирский экспедиционный корпус" продолжал военную интервенцию самостоятельно.

В те годы Сталин часто выезжал на фронты гражданской войны, но ему не довелось напрямую столкнуться с японскими интервентами, его командировки ограничивались европейской частью России. Тем не менее, как один из руководи-

телей РКП(б) он непосредственно участвовал в разработке и практическом осуществлении курса Советской России в отношении иностранной, в том числе и японской интервенции. Своеобразие этого курса заключалось в том, что реальное соотношение сил исключало тогда для молодого Советского государства возможность одновременно вести успешную вооруженную борьбу как с силами внутренней контрреволюции, так и с иностранными интервентами, поддерживавшими и прикрывавшими их. Поэтому ставка была сделана на то, чтобы, продолжая ожесточенную гражданскую войну с силами внутренней контрреволюции, добиваться ликвидации иностранной военной интервенции преимущественно политическими, дипломатическими методами и средствами. Так на Дальнем Востоке возник "буфер" в виде буржуазно-демократической, формально независимой Дальневосточной Республики с собственной Народно-революционной армией.

Факты свидетельствуют о том, что Сталин активно поддержал идею создания "буферной" Дальневосточной Республики в качестве дипломатического шага, который позволил бы Красной армии избежать прямого военного столкновения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с экспедиционными силами Японии и других интервенционистских держав. Свою позицию в отношении ДВР Сталин определял следующим образом. ДВР, говоря его словами, "образовалась искусственно (буфер), по соображениям тактического характера (думали, что буржуазно-демократическая форма послужит надежной гарантией против империалистических поползновений Японии и других государств)"¹. Сталин также считал, что ДВР дает реальную возможность наладить через нее дипломатические контакты Советской России с Японией. Об этом свидетельствует, например, его телеграмма в Дальбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1922 г. В ней он, касаясь переговоров, которые шли тогда между делегациями ДВР и Японии, передал руководству ДВР партийную установку на то, что "переговоры должны вестись между Японией и объединенной делегацией РСФСР и ДВР". В собственной приписке к решению Политбюро Сталин специально предостерегал, что "попытка Японии заключить договор с ДВР без официального участия РСФСР есть покушение ликвидировать те завоевания, которых нам удалось добиться в Генуе"². Сталин имел в виду временные обязательства о взаимном ненападении, достигнутые в мае 1922 г. на конференции в Генуе между советской делегацией и остальными ее участниками на период переговоров об урегулировании разногласий по финансово-экономическим вопросам.

К осени 1922 г. Народно-революционная армия при поддержке красных партизан разгромила белогвардейские формирования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, что оставило японских интервентов без военного союзника и лишило повода для интервенции. Что же касается самих японских интервентов, то, действуя политическими методами, прежде всего пропагандистским разложением солдат "сибирского экспедиционного корпуса", и активно используя существовавшие глубокие японо-американские империалистические противоречия, их удалось постепенно вытеснить с Дальнего Востока за исключением северной части Сахалина, откуда японские войска ушли только в 1925 г. после установления дипломатических отношений между СССР и Японией. Сыграв отведенную ей дипломатическую роль, ДВР в 1922 г. сошла с политической арены.

Весьма показательным для того политического курса, который Сталин отстаивал в отношении японской интервенции на Дальнем Востоке, было решение Политбюро ЦК РКП(б), принятое 19 октября 1922 г., т.е. в то время, когда Народно-революционная армия вслед за отступавшим "сибирским экспедиционным

корпусом" Японии уже подошла к пригородам Владивостока. Сталин, наряду с В.И. Лениным, принимал участие в формулировании этого решения. В нем было записано: "Потребовать от Японии точной фиксации срока сдачи нам Владивостока. Дать приказ расстреливать всех, кто сделал бы малейший шаг, способный втянуть нас в войну с Японией (выделено. — Ю.Г.). В то же время усиленно стягивать наши войска к Владивостоку"³.

Таков был политический старт Сталина как одного из советских руководителей в решении проблем, связанных с Японией. Накопленный им опыт борьбы с японской интервенцией на многие годы вперед предопределил его отношение к нашему дальневосточному соседу как к стране, не просто враждебной Советской России, но и вынашивавшей агрессивные замыслы против нее. Познакомимся теперь с тем багажом знаний о Японии, которыми он располагал в то время. Известно, что Сталин много и внимательно читал, и представление об этом багаже можно составить, ознакомившись с сохранившейся частью его личной библиотеки.

Знакомство с ней показывает, что на тот момент единственной имевшейся там книгой, в которой затрагивались проблемы Японии и которую Сталин самым внимательным образом проработал, была знаменитая ленинская брошюра об империализме: "Н. Ленин (Вл. Ленин). Империализм как новейший этап капитализма" (1923). Так, во всяком случае, называлось тогда это издание. Следует сразу оговориться, что В.И. Ленин уделил в этой работе недостаточно внимания Японии по сравнению с другими ведущими империалистическими державами, но он четко и безоговорочно включил ее в их состав. Именно этот ленинский подход и был отмечен Сталиным.

В брошюре он жирно подчеркнул два принципиальных ленинских положения, касавшиеся Японии. Первое — из "Предисловия к немецкому и французскому изданию", написанного 6 июля 1920 г. В.И. Ленин отмечал в нем: "Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью "передовых" стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой "добычи" происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю" (Указ. соч. С. 7).

Сталин также выделил положение В.И. Ленина о том, что в условиях резкого неравномерного развития капитализма как в мировом масштабе, так и в рамках отдельных государств, Япония отличалась особенно быстрыми темпами своего капиталистического развития. Вот это положение: "А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнивать ее с силой тогдашней Англии; то же Япония по сравнению с Россией. Через десяток — другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистическими державами? Абсолютно невысказано" (Указ. соч. С.100).

Эти ленинские положения о Японии как об одном из двух-трех всемирно могущественных, вооруженных с головы до ног империалистических хищников, к тому же развивавшейся стремительными темпами, и легли в основу представления Сталина о сущности японского государства в тот период, его внутренней и внешней политики.

Они нашли свое отражение в первом и, к сожалению, единственном развернутом интервью Сталина, посвященном проблемам Японии. Оно было опубли-

ковано а газете “Правда” 4 июля 1925 г. Применительно к Японии Сталин говорил тогда о “восточном империализме”. Как может заметить читатель, это интервью Сталина еще было овеяно романтикой первых послеоктябрьских лет, когда бытовало убеждение в близком преддверии мировой пролетарской революции. Вот что тогда Сталин сказал о Японии:

“Это верно, что японский народ является самым передовым из народов Востока, что он заинтересован в успехах освободительного движения угнетенных народов. Союз японского народа с народами Советского Союза был бы решающим шагом в деле освобождения народов Востока. Такой союз ознаменовал бы собой начало конца великих колониальных империй, начало конца мирового империализма. Этот союз был бы непобедим.

Но верно также и то, что государственный и социальный строй Японии толкает японский народ на путь империализма, делая его орудием не освобождения, а порабощения народов Востока”.

Чрезвычайно любопытен и совет Сталина, который он дал тогда японскому народу:

“Вы спрашиваете: как выйти из этого противоречия между интересами японского народа, с одной стороны, и государственным и социальным строем Японии — с другой.

Выход один: изменить государственный и социальный строй Японии по образцу и подобию коренных интересов японского народа”⁴.

Жизнь, однако, быстро развеяла революционную эйфорию эпохи “после Октября 1917 г.”. Октябрь, вопреки ожиданиям большевистских вождей, не стал прологом мировой пролетарской революции. Выяснилось, что Сталин явно переоценил революционный потенциал японских трудящихся и в равной мере недооценил живучесть японского империализма, который лишь укрепил свои позиции по итогам Первой мировой войны. Милитаристская Япония начала свою агрессию против Китая, захватив в 1931 г. Маньчжурию, и вышла к сухопутным границам советского Дальнего Востока. Ее Квантунская армия превратилась в реальную агрессивную силу, угрожающую этому региону Советского Союза. Ожидания поддержки со стороны японского пролетариата не оправдались. В борьбе с агрессивной угрозой со стороны японского империализма Советскому Союзу пришлось полагаться на собственные силы.

Именно к этому периоду относится высказывание Сталина (из его письма к Ворошилову от 27 ноября 1931 г.): “Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин... Более того, не исключено и даже возможно (выделено Сталиным), что она протянет руку к нашему Дальнему Востоку и, возможно, Монголии... Главное теперь в подготовке обороны на Дальнем Востоке”⁵.

Создавшаяся ситуация заставила Сталина заняться углубленным изучением обстановки в Японии. Подтверждение этому мы также находим в его личной библиотеке. Там появились три книги по Японии, относящиеся к 1933–1934 гг., которые Сталин внимательно проработал, оставив много подчеркиваний и пометок на их страницах. Эти следы работы Сталина дают нам возможность понять, какой он представлял себе Японию в тот период.

Первой является книга “Военно-фашистское движение в Японии” (Хабаровск, 1933). Она была написана коллективом авторов и предназначалась для ознакомления советских партийных и военных работников с ситуацией в Японии. Книга не поступала в продажу и распространялась по особому списку. Вторая

книга — Т. О'Конрой "Японская угроза" (М., 1934. Пер. с англ.). И третья книга — "Военно-морские силы Японии" (М., 1933). Автору удалось просмотреть первые две из них.

В первой из них Сталина больше всего заинтересовали страницы, посвященные анализу причин агрессии Японии против Китая, развязанной в 1931 г., а также возможные направления ее дальнейшего развития. Сталин подчеркнул содержащийся в книге тезис о том, что эта агрессия представляла собой "империалистический выход из кризиса" (Указ. соч. С. 231), имея в виду мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г. В этой связи он отметил следующий абзац:

"Все группировки господствующих классов (Японии. — Ю.Г.) как бы согласились на том, что ограбление Китая, а если удастся, то и советского Дальнего Востока и, во всяком случае, ограждение Китая от Советского Союза для ликвидации революционного движения в Китае и более прочное закрепление китайского рынка за Японией — должно разрядить, хотя бы на время, остроту экономического и зреющего политического кризиса в Японии" (С. 165–166).

Сталин внимательно изучил те страницы, на которых авторы проанализировали два возможных, с их точки зрения, направления японской агрессии: "север" или "юг". Он жирно отчеркнул следующие абзацы:

"За последний год "общественное мнение Японии" занято обсуждением вопроса о направлении предстоящей войны: будет ли она японо-американской или японо-советской..." (С. 173).

"Начало операции в Маньчжурии еще окончательно не предreshало направления будущей большой войны" (С. 173).

"Однако Шанхайская операция (проведенная в 1932 г. — Ю.Г.), представляющая собой второй этап японо-китайской войны, уже свидетельствовала об активизации того крыла японской буржуазии, которое заинтересовано в первую очередь в овладении центрально-китайским рынком — цель, сопряженная с неизбежным японо-американским конфликтом" (С. 173).

И в то же время: "Иную позицию занимают те круги буржуазно-помещичьего лагеря, которые заинтересованы в сохранении дружественных отношений с США и строящие планы континентальной агрессии за счет СССР при сговоре с США" (С. 175).

Сталин особо выделил итоговый прогноз развития японской агрессии на Дальнем Востоке, сделанный авторами книги. А прогноз этот оказался весьма любопытным. Авторы писали: "Но на настоящем этапе вся обстановка как бы заранее лишает борьбу этих двух тенденций решающего практического значения. Дело в том, что задача закрепления в Маньчжурии сталкивает Японию в качестве ближайшего и непосредственного противника с китайским национально-освободительным движением" (С. 176). Этот акцент на китайское национально-освободительное движение в Китае как на решающий фактор, который, в конечном счете, и определит судьбы японской агрессии в Восточной Азии, практически совпал с точкой зрения самого Сталина, высказанной еще в 1925 г. Тогда, выступая на XIV съезде ВКП(б), он говорил, имея в виду Японию: "Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил и не считаются с ними в должной мере, пострадают от этого". И далее: "Я полагаю, что Япония поймет, что с этой растущей силой национального движения в Китае, идущей вперед и все сметающей на своей дороге, она, Япония, должна считаться"⁶.

Можно полагать, что, с точки зрения Сталина, Япония, вторгнувшись в 1931 г. в Северо-Восточный Китай, проигнорировала его стратегическое предупреждение и тем самым сделала важный шаг к тому, чтобы бесперспективно увязнуть в этой военной аванюре. Исходя из этого следовало готовиться к японскому нападению на советский Дальний Восток, как к вполне реальной попытке со стороны Японии в ближайшем или более или менее отдаленном будущем найти выход из тупиковой китайской ситуации. Скорее всего по этой причине Сталин оставил без каких-либо комментариев общий вывод авторов книги, касавшийся непосредственно Советского Союза: “Практически поэтому именно к войне против СССР и направлены основные приготовления Японии” (С. 176).

Внимание Сталина привлек использованный авторами книги термин “японский военно-феодальный империализм” (Указ. соч. С. 234). Сталин жирно подчеркнул этот термин, но оставил его без комментариев. А комментарии были бы необходимы.

Дело в том, что в упоминавшемся выше ленинском труде об империализме, который Сталин внимательно проштудировал в 1923 г., В.И. Ленин не дал обобщенного определения японского империализма, хотя и отметил целый ряд его особенностей. Характеристики отдельных черт японского империализма имеются и в ряде других ленинских работ, причем часто они даются в сопоставлении с чертами российского империализма, поскольку В.И. Ленин находил в этих двух национальных разновидностях империализма много совпадающих моментов. Однако термина “японский военно-феодальный империализм” у В.И. Ленина нет. Зато термин “военно-феодальный империализм” есть у Сталина, но применительно к российскому царизму. В своей работе “Об основах ленинизма” он писал: “Ленин был прав, говоря, что царизм есть “военно-феодальный империализм”⁷. Действительно, в статье “О двух линиях революции” (1915 г.) В.И. Ленин прямо ставил знак равенства между “военно-феодальным империализмом” и царизмом⁸. А в брошюре “Социализм и война” (также в 1915 г.) подчеркивал, что “в России преобладает военный и феодальный империализм”⁹. Можно считать поэтому, что, отметив оценку японского империализма как военно-феодального и не высказав возражений против нее, Сталин солидаризировался с ней и тем самым дал ей путевку в жизнь.

Если рассмотренную выше книгу Сталин читал как серьезное политическое исследование, которое могло дать ему что-то практическое для определения политики в отношении Японии, то вторую книгу, написанную О’Конроем, Сталин прорабатывал в эмоциональном плане, поскольку она приоткрывала ему то, что мы обычно называем “психологией” народа. И, судя по всему, эта тема заинтересовала его. На страницах данной книги мы находим не просто отчеркивания и пометки, но и письменные реплики, отражавшие его личное отношение к написанному.

Больше всего пометок Сталин оставил в разделе книги, посвященном национальной религии японцев — синто. Красным карандашом на полях он написал “шинто” и “новое шинто” против того абзаца в книге, где разъяснялось различие этих понятий. Там говорилось: “Ныне существуют не две школы или секты, а два рода шинто. Один род — это шинто алтаря, где справляются все ритуалы... Другое шинто не проявляется ни в каких ритуалах и является собственно неошинто, алтарь которого находится в глубине души каждого современного фанатического патриота Дай Ниппон (Великой Японии)” (Указ. соч. С. 48). Отметим Сталин и то, как О’Конрой сформулировал понятие “шинтоизма”: “Это скорее

культ, чем религия, скорее сознание и представление о действительности, чем вера" (С. 46).

В этом же разделе находится и абзац, который жирно выделен Сталиным и снабжен следующей ремаркой на полях: "Это лицо Японии". Вот данный абзац:

"Нет никакого сомнения в том, что изучать японский народ, не учитывая шинто, совершенно невозможно. Неоспоримый авторитет этого культа находится под защитой конституции, которая в некотором смысле является письменным оформлением шинтоистского понимания национальной жизни Японии. Этот факт больше, чем что-либо другое, придает конституции величие и неприкосновенность в глазах всего народа. Верховным правителем страны и народа является император. Император — это божественная и неприкосновенная особа — предмет национального обожания и уважения. Император представляет собой центральную фигуру шинто. Он в то же время является предметом поклонения в различных церемониях как олицетворение всех божеств. Следует понимать, что он представляет собой все, чем страна была и будет — он вместилище Аматаэрасу О-Ми-ками. В ее лице представлены все боги шинто, и, происходя от богов, она возвышается над ними и занимает особое положение. Все другие боги существуют как ее проявление или как проявление ее высшей божественной воли... Пока живет шинто, будет существовать и Япония, умрет шинто, погибнет и Япония — такова другая аксиома этой расы. При таких взглядах, привитых народу, можно себе представить, насколько крепко последний придерживается своего примитивного культа и насколько он готов до конца следовать за своими правителями" (Указ. соч. С. 50).

Ремарку "Япония" Сталин поставил и против следующего абзаца в книге:

"Сознание того, что они являются детьми богов, что Япония есть страна богов, управляемая божественным императором, помогает японцам стоически выносить их лишения. С самого рождения японцу внушают, что патриотизм является его первой обязанностью по отношению к божественному императору, что Япония всемогуща, что со временем она станет владычицей мира" (Указ. соч. С. 41).

Хотелось бы отметить также резкую реакцию Сталина в тех местах книги, где рассказывается о жестоких нравах в повседневном быте японцев. Например, он ставит ремарку "Ужас" в том месте, где говорилось об издевательствах над женщинами со стороны монахов секты "Нитирэн" (С. 60). Или комментирует ремаркой "Вот мерзавцы" рассказ о том, как муж приводит домой проститутку и заставляет жену обслуживать ее (Указ. соч. С. 101).

Помимо названных трех книг в личной библиотеке Сталина не сохранилось иной литературы по Японии. Можно предположить, что после 1934 г. основным источником информации о Японии стали для него оперативные аналитические материалы, поступавшие от советских спецслужб. Причем Сталин обращал особое внимание на те материалы, которые с разных сторон и из различных источников затрагивали тему подготовки агрессии со стороны милитаристской Японии против дальневосточных районов Советского Союза. Сталин оставлял их у себя под рукой, накладывая резолюцию: "В мой архив".

С такой резолюцией оказался, например, в его архиве переведенный с английского языка "Доклад английского посла в Токио в "Форин офис" по вопросу военных приготовлений Японии" от 5 января 1933 г. В тексте доклада Сталиным отмечены на полях два следующих абзаца:

“Не подлежит сомнению, что офицеры японской армии, особенно высшие, уверены в том, что в течение ближайших лет между Японией и Россией вспыхнет война”.

“Суммируя все вышесказанное, я прихожу к тому мнению, что теперешняя активность и решение о перевооружении японской армии направлены главным образом против России”¹⁰.

Аналогичный характер носила и сохраненная в его личном архиве записка Р. Зорге, направленная 4-м управлением Сталину 14 декабря 1937 г. В ней речь шла о новых разработках японским генштабом будущих военных операций против советского Дальнего Востока. В частности, Р. Зорге сообщал:

“Если до сих пор предусматривались преимущественно наступательные методы борьбы с Красной Армией, то теперь предполагается на всех фронтах, кроме участка около Владивостока (где будет осуществлен наступательный удар), действовать по принципу “сдерживающего боя”. Существует убеждение, что Красная Армия ответит на провокацию наступательными действиями со стороны Читы и Благовещенска. В этом случае ей дадут возможность постепенно проникнуть в глубь Маньчжурии, чтобы, когда она достаточно утомится и будет удалена от полосы собственных укреплений, решительно ударить по ней”¹¹.

Изложенный выше материал позволяет нам сделать вывод о том, что почерпнутые Сталиным знания о довоенной милитаристской Японии лишь укрепили его представление об этой стране как главном империалистическом хищнике, разбойничавшем в Восточной Азии и пытавшемся протянуть свою лапу к советскому Дальнему Востоку. Поэтому 1930-е гг. прошли по его инициативе под знаком усиленного развития экономического потенциала дальневосточных районов страны и мощного усиления их обороноспособности. И если в годы гражданской войны Красная Армия старалась избегать прямого военного столкновения с частями “сибирского экспедиционного корпуса” Японии, то теперь она смогла дать успешный вооруженный отпор японским милитаристам во время их военной провокации у озера Хасан в 1938 г. и уничтожила части Квантунской армии, вторгшиеся на территорию дружественной нам Монголии на реке Халхин-гол в 1939 г. Правда, это были, говоря словами Сталина, местные военные столкновения на “ограниченном пяточке”¹², несравнимые по своему размаху со сражениями Второй мировой войны. Но они закончились в пользу Советского Союза, отрезвили наиболее агрессивные настроенные круги японских милитаристов и стабилизировали обстановку на Дальнем Востоке. Вот как их оценивал Сталин в своем выступлении 17 апреля 1940 г. на совещании начсостава РККА по итогам советско-финской войны: “Ведь имейте в виду, что за все существование советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у озера Хасан или в Монголии — это чепуха. Это не война, это отдельные эпизоды на пяточке строго ограниченном... Япония боялась развязать войну, мы этого тоже не хотели и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась”¹².

Основные события Второй мировой войны развертывались тогда на европейском театре военных действий, и это диктовало объективную необходимость для Советского Союза устранить опасность возникновения военного конфликта с Японией на Дальнем Востоке. Данная задача была в определенной мере разрешена в 1941 г. заключением советско-японского пакта о нейтралитете. Он внес разлад в японо-германские отношения и затруднил выступление Японии против СССР на стороне гитлеровской Германии. Однако заключение указанного пакта

не решало коренным образом вопроса обеспечения безопасности и защиты национальных интересов Советского Союза на Дальнем Востоке. Проблема заключалась в том, что эти интересы были в свое время в значительной мере ущемлены территориальными потерями царской России в пользу Японии. Потеря южного Сахалина и Курил носила стратегический характер, поскольку значительно затруднила оборону дальневосточных рубежей Советского Союза. Национальные интересы страны настоятельно требовали возвращения этих территорий. Особенно остро данная проблема получила в обстановке Второй мировой войны, которая неотвратимо приобретала подлинно глобальный характер, грозя распространиться и на советской Дальний Восток. Весь опыт, накопленный Сталиным в процессе взаимоотношений с Японией, не просто подводил его к осознанию этой объективной реальности, но и подталкивал к быстрейшему решению указанной проблемы на практике. Тем более, что мировая война не только требовала решения данного вопроса, но и создавала определенные предпосылки и возможности для его решения. И Сталин отлично понимал это.

Разговор о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов был начат на переговорах, которые проходили в Москве в 1940–1941 гг. В частности, советская сторона выступила с инициативой продать СССР для начала группу северных Курильских островов в ответ на японское предложение заключить пакт о ненападении. С точки зрения Советского Союза решение вопроса о возвращении утраченных территорий было непременным условием для налаживания подлинно мирных и дружественных отношений между СССР и Японией. Японская сторона не поддержала тогда эту инициативу, и дело ограничилось промежуточным решением в виде заключения пакта о нейтралитете. Проблема возвращения утраченных территорий повисла в воздухе. Потребовалось искать новые подходы для ее решения.

Такие подходы были найдены после того, как Советский Союз, подвергшись нападению со стороны гитлеровской Германии, союзницы милитаристской Японии, примкнул к антифашистской коалиции демократических держав. Сталин поставил вопрос о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов уже перед союзными державами в рамках межсоюзнических отношений. Достигнутые договоренности были закреплены в Ялтинском соглашении от 11 февраля 1945 г., подписанным Сталиным, Рузвельтом и Черчилем. Положения этого соглашения были претворены в жизнь после безоговорочной капитуляции милитаристской Японии в итоге Второй мировой войны.

Своеобразное подведение итогов своих внешнеполитических и военных усилий по налаживанию и развитию советско-японских отношений между двумя мировыми войнами и в ходе последней мировой войны Сталин сделал в своем знаменитом Обращении к советскому народу 2 сентября 1945 г.

Прежде всего Сталин констатировал в нем такой принципиально важный сдвиг в мировой обстановке, как ликвидация японского милитаризма. Она не только обеспечила безопасность советского Дальнего Востока, но и разрядила международную обстановку в этом регионе земного шара.

“Свою агрессию против нашей страны, — подчеркивал Сталин, — Япония начала еще в 1904 г. во время русско-японской войны... Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно также все выходы к

портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток”¹³.

Безоговорочная капитуляция милитаристской Японии положила конец этой агрессивной политике.

“Это означает, — делал вывод Сталин, — что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой нашей обороны от японской агрессии”¹⁴.

Так ликвидация японского милитаризма позволила Советскому Союзу снять накопившиеся негативные “наслоения” в отношениях между нашими странами (в виде потерь стратегически важных для него дальневосточных земель в пользу Японии), создав тем самым объективные условия для полномасштабной нормализации советско-японских отношений.

-
1. *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 141.
 2. Москва — Токио: Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. Сб. документов. М., 2007. Кн. 1. С. 39–40.
 3. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 138.
 4. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 228, 230.
 5. *Кен О.В.* Мобилизационное планирование и политические решения. СПб., 2002. С. 206.
 6. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 293, 294.
 7. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 75.
 8. *Ленин В.И.* ПСС Т. 27. С. 81.
 9. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 318.
 10. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185.
 11. Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 215.
 12. См. текст выступления в кн. *Сойма В.М.* Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 373.
 13. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 366–367.
 14. Там же. С. 367–370.

К истории русской диаспоры в Японии

© 2010

А. Хисамутдинов

В статье излагается история русской диаспоры в Японии с 1858 г. до наших дней. Наиболее привлекательным местом для русских в Японии благодаря его географическому положению был остров Хокайдо. Другие русские общины находились в Нагасаки, Кобе, Токио и Йокогаме. В статье освещаются главные направления деловой и общественной деятельности русских в Японии.

Ключевые слова: русская диаспора, общества, культура и кладбища в Японии, русские общины на Хоккайдо.

Русская эмиграция зародилась в Японии в 1918 г. и вначале не превышала несколько тысяч человек. Здесь не возникало серьезных разногласий с властями, как это было в других странах. Приют в русской миссии, помимо гонимых революцией и Гражданской войной бывших граждан Российской империи находили также священники, которые останавливались в Японии по пути в другие страны. Епископ Камчатский и Петропавловский Нестор, например, направляясь в Китай, переиздал в Японии свою книгу "Расстрел Московского кремля". Русские эмигранты находили среди японцев, особенно православных, немало настоящих друзей, искренне им помогавших. Особую роль играл протоиерей Токийского собора о. Семен Мии. Н. Матвеев (Н. Амурский) так вспоминал о нем: "В настоящее время пребывающие здесь русские эмигранты хорошо познакомились со страной, освоились с языком и могут, — по крайней мере, большинство из них, — обходиться своими средствами в разных случаях жизни. Не то, конечно, было в начале пребывания здесь... Они не могли вести никаких дел, даже самых маленьких, без посредников, причем платить за услуги большинство эмигрантов, по бедности, не могло. И вот, с самых первых шагов в Ниппоне, им шли на помощь друзья-ниппонцы, среди которых сразу же выделился С. Мии, который неизменно шел на помощь эмигрантам"¹.

Русская эмиграция в Японию была немногочисленной, но и она стремилась к объединению. В 1918 г. была основана одна из первых эмигрантских организаций — Русское общество в Японии (председатель полковник Н.В. Осипов, секретарь А.В. Серапинин), которое в основном занималось благотворительностью. К лету 1920 г. благодаря членам общества нуждающимся было роздано 20 тыс. иен².

В 1920 г. с новой, на этот раз массовой волной эмиграции, в Японию переехали колчаковцы. Больше всего русских жило тогда в г. Йокогама — около

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, исследователь по гранту Японского фонда. E-mail: Amir.khisamutdinov@vvsu.ru.

300–400 чел. Русским эмигрантам в Японии было непросто найти работу. Хотя в те времена иностранцам не было принято заниматься неквалифицированным трудом, на местном рынке торговал пончиками бывший генерал-майор, да и многие другие находили заработок благодаря торговле, в основном, вразнос сукном или скобяным товаром. Некоторые торговцы по много лет объезжали на велосипеде торговые конторы, банки, где у них имелись постоянные клиенты. Русские эмигранты в Иокогаме основали Русское собрание, для которого арендовали дом. Там же разместились и небольшая церковь, которую содержал отец П. Булгаков, долгое время живший в Японии. Его жена Софья Матвеевна, которая была родной сестрой известных владивостокских братьев-востоковедов Позднеевых, организовала школу для русских детей с изучением японского языка. В этой же школе преподавал и ее муж. Большую помощь уехавшим из России оказывал Дамский комитет собрания, который организовал склад одежды, которая распределялась среди нуждающихся.

Землетрясение 1 сентября 1923 г. причинило много разрушений в Иокогаме, а пожар уничтожил остатки домов. “Редкая русская семья, — вспоминал очевидец, — не потеряла кого-нибудь. Много людей погибло в большом 4-этажном, обложенном кирпичами строении, которое иногда называли “русским домом”, т.к. большинство его обитателей были наши соотечественники. Когда дом рухнул, то спаслись только несколько человек, успевших выскочить из нижнего этажа. Как это ни кажется странным, уцелел кое-кто из находившихся на самом верхнем этаже. Они спустились вместе со всем домом. В те дни было много работы отцу Петру, который неустанно читал молитвы на панихидах.

Чтобы собрать всех русских в Японии воедино, к концу 20-х годов был основан Объединенный комитет русских эмигрантских обществ в Японии (председатель С.В. Миронов), который включил в себя Общество эмигрантов на севере Японии, Общество эмигрантов в Кансай, представителя Российского общевойскового союза, Совет уполномоченных представителей генералов Дитерихса, Хорвата и Семенова. Самостоятельно продолжали работать Монархический союз и кирилловцы. В те годы организующую роль играл Русский национальный клуб в Токио, который арендовал большой трехэтажный особняк. В основном все эмигрантские организации в Японии занимались благотворительностью³.

Близость к России определила необходимость издания в Японии соответствующей литературы. В разное время здесь жили многие известные публицисты, журналисты и писатели русского зарубежья (С.Г. Гортинский (Г. Тинский), А.Я. Гутман (Анатолий Ган), Б.П. Лопатин (Б. Шуйский) и др.).

Первый начальник Дальрыбы и известный дальневосточный рыбопромышленник К.П. Лавров, уехав из Владивостока в 1920 г., основал в Японии несколько изданий, прежде всего журнал “Русский Дальний Восток”, вышедший в Токио в октябре 1920 г.— солидный, на хорошей бумаге, с множеством иллюстраций. Это был информационно-аналитический и научно-статистический ежемесячник на русском и английском языках. В журнале принимали участие многие известные ученые и экономисты русского Дальнего Востока. Одной из основных тем издания была рыбопромышленность, о которой писали К.П. Лавров, Е.Ф. Лебедев, Н.П. Матвеев и В.К. Бражников. Много материалов публиковалось о полезных ископаемых, что являлось наиболее притягательным для японских и иностранных предпринимателей. В начале 1921 г. из-за финансовых проблем журнал “Русский Дальний Восток” закрылся, но К.П. Лавров не успокоился и издал несколько интересных работ⁴. Затем он стал выпускать “Экономический вестник”, журнал,

посвященный экономическим взаимоотношениям России и Японии, первый номер которого увидел свет 1 января 1923 г. Его соредакторами были А.М. Окороков и Г. Горин. В журнале освещалась хроника российско-японской торговли. Он выходил два раза в месяц на русском и японском языках. Как редактор-издатель К.П. Лавров в 1929–1934 гг. издавал “Информационный бюллетень”, первый номер которого вышел 1 октября 1929 г. в Токио. В нем давался еженедельный обзор японской прессы, включающий анализ экономических взаимоотношений СССР и Японии. Ценным было то, что журнал публиковал библиографию и справочные материалы.

Одним из серьезных изданий был “Голос Японии: орган японо-русского политико-экономического сближения”, выходивший на русском и японском языках. Этот журнал издавал Японо-русский клуб в лице постоянного директора-распорядителя, он же директор-издатель, Моридзи Уеда, который хорошо знал русский язык и неоднократно бывал в России. Заведующим русским отделом журнала был П. Серый-Сирык. Весной 1926 г. в Токио стал выходить на русском и японском языках “Торгово-промышленный бюллетень: дальневосточный еженедельник, посвященный экономическим взаимоотношениям стран Дальнего Востока”.

Известным деятелем русской диаспоры в Японии был журналист Г.И. Чертков, который в феврале 1923 г. организовал Информационное бюро, издававшее еженедельные бюллетени “Сунтоа Цусин: Еженедельное русское издание (обзоры японской прессы по русским вопросам)”. В сентябре 1929–1930 гг. эти бюллетени на русском и японском языках стало выпускать издательство Синтоа-кай, ответственный редактор Дзиро Нийдзума⁵.

Российские эмигранты немало сделали для изучения Японии. Одним из самых известных японоведов русского зарубежья был М.П. Григорьев. Живя в Токио, он с 1921 по 1930 гг. преподавал русский язык в академии Генерального штаба, одновременно с 1928 г. работал в компании “Кита Карафутто”. Григорьев был женат на японке и имел двух дочерей⁶. Он увлекался поэзией и переводил на японский язык стихи А. Ахматовой. В Токио он был редактором-составителем сборника “На Востоке”, издание которого осуществлял Кружок русских эмигрантов в Японии. Помимо Григорьева в сборнике были опубликованы работы Н. Амурского, П.П. Петрова, Г.И. Черткова, В.П. Бубновой и др. Авторы сборника впервые перевели на русский язык некоторые произведения японских авторов (А. Рюносэ и др.). Сборник прекратил существование из-за разногласий в политике издания и последующего раскола среди членов кружка. В 1939 г. М.П. Григорьев уехал в Маньчжурию. О причине отъезда вспоминала В. Бубнова: “Мы уговаривали его остаться здесь в Токио, доказывая преимущества жизни в культурном центре. Во время одного из таких споров выяснилось, что для Михаила Петровича русская атмосфера была неразрывно связана с русской церковностью, которой ему недоставало в Ниппон”⁷.

В истории русского Дальнего Востока имя Н.П. Матвеева занимает особое положение. Как журналист, литератор и издатель он сделал многое в русском японоведении⁸. В годы гражданской войны Матвеев был вынужден срочно перебраться из Владивостока в Японию. По пути он побывал в Николаевске-на-Амуре по горячим следам зверств банд Тряпицына и постарался описать увиденное и услышанное. В Японии Матвеев продолжил активно заниматься журналистикой, был представителем журнала “Русский Дальний Восток” в г. Осака, писал статьи в американские издания, публиковал детские книги. “Живя в Кубе, — писал

Матвеев, — я, естественно, лучше знаком с жизнью русских во втором районе Кобе, Осака и Киото. Здесь русских граждан около 400 человек. Больше всего было русских, за ними шли татары, евреи и другие. Главнейшие занятия эмигрантов в Японии — торговля из магазинов и в разнос, ремесла, коммиссионная деятельность, служба в иностранных и японских предприятиях и, наконец, артистическая деятельность, музыка, пение, танцы, цирковая работа и пр.”⁹. Одним из самых крупных русских предпринимателей в Японии был Ф.Д. Морозов, который открыл кондитерскую фабрику.

Кобе был одним из городов, где имелась многочисленная русская община. Первое время здесь действовало Общество русских эмигрантов в Японии, в которое вошло и Общество взаимопомощи русских эмигрантов на о. Хоккайдо, основанное 15 февраля 1929 г. (председатель правления Р.С. Потапов, секретарь Д.Ф. Карежатков, ревизионная комиссия — В.А. Дударев, П.Н. Леонтьев и К.Ф. Старухин, 20 членов). Впоследствии здесь существовало девять русских общественных организаций. Наиболее крупными были Эмигрантское объединение, Благотворительное дамское общество, Хоровая студия, Приходской совет Успенно-Богородицкой церкви и Сестричество. Самым основательным из них считалось Эмигрантское объединение, которое насчитывало около 30 чел. и оказывало большую помощь бежавшим из Советской России, переправляя их в Маньчжурию. Оно помогало деньгами русским школам, организовывало детские утренники, создавало кружки молодежи, которые, правда, оказались недолговечными. Основной деятельностью Эмигрантского объединения была выдача денежных ссуд своим членам. Общее собрание проходило обычно один раз в год. Дейтельно работало и Дамское благотворительное общество, которое возникло в 1932 г. Первым председателем его была К.В. Компанион, за ней — А.В. Борисова, затем К.А. Шелкова. Организация существовала на членские взносы и пожертвования. В основном они шли на единовременные пособия инвалидам, организацию их переезда в Харбин¹⁰.

В 1936 г. по инициативе приглашенного из Харбина регента Успенно-Богородицкой церкви К.А. Андреева была создана хоровая студия. Андрееву удалось организовать любительский хор из местных эмигрантов. Впервые они удачно выступили на вечере памяти А.С. Пушкина. Хор постоянно принимал участие в детских утренниках. Как и другим общественным организациям, хору часто не хватало денег и согласно общей практике приходилось обращаться за помощью к иностранным благотворительным организациям.

В 1930-е гг. в Японии был очень популярен русский театр. В Кобе несколько лет работала театральная контора Б. Андреева, которая организовывала гастрольные поездки по стране русских артистов из Китая и Америки. Пользовалась широкой известностью труппа Андреева “Metro-Variety”, которая состояла из четырех сестер Данилевских, дуэта Дворжек (арфа и скрипка) и итальянских певцов¹¹.

В сфере искусства проявлял себя и созданный в 1929 г. Кружок русской эмигрантской молодежи в Кобе. В него входило около 20 чел., которые поставили несколько просветительских концертов и спектаклей. Большую помощь им оказало Общество русских эмигрантов в Японии. Кружок имел собственный струнный оркестр. Не редкостью среди эмигрантов были вечера самообразования, на которых собравшиеся занимались литературой и живописью. 10 февраля 1937 г. русские в Кобе торжественно отметили столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Для литературно-вокального вечера был арендован огромный зал Кайим-канкан,

где собрались не только русские, но и почти вся иностранная колония города, а также и японцы — любители творчества знаменитого поэта. Большой доклад о жизни и творчестве А.С.Пушкина сделал А.Л. Ломаев. Свое “Слово о Пушкине” прочитал Н.П. Матвеев. После этого звучали стихи, пел русский хор, и были поставлены две сцены на пушкинские мотивы: “Келья в Чудовом монастыре” и “В корчме”¹².

Свой вклад внесли эмигранты и в развитие науки. 2 июня 1937 г. скончался П.П. фон Вейрман, некогда профессор Санкт-Петербургского горного института и первый ректор Уральского горного института в Екатеринбурге. Оказавшись в Японии, он около десяти лет руководил химической лабораторией, преподавал в университете в Киото. Его изобретения и открытия нашли применение в японской промышленности, статьи публиковались в зарубежных научных журналах¹³.

Немало сделали российские эмигранты и для того, чтобы в Японии познакомились с искусством России. Большое влияние оказала русская музыка на японского композитора и дирижера Косака Ямада. Впервые он побывал в России в 1914 г., заехав в Москву из Германии, где закончил императорскую академию в Шарлоттенбурге. Впоследствии композитор вспоминал: “Однажды на вечеринке у артистов 1-й студии Московского Художественного театра кто-то из гостей-студентов сел к роялю и заиграл... Я не знал, что он играет — я никогда раньше не слышал этой музыки, но странное чувство охватило меня... Студент играл как раз то, что звучало во мне... Эти звуки были понятней и ближе, нежели все то, что я слышал до этого вечера. Приступив в 1924 г. к формированию симфонического оркестра для токийской филармонии, я решил пригласить русских музыкантов и с этой целью приехал в Харбин. Но стихийное бедствие 1924 г. нарушило мои планы. В 1925 г. вторично с этой же целью приехал в Харбин и, при любезном содействии председателя местного союза “Рабис” г. Грицай, пригласил лучших музыкантов Харбина, а также выписал кое-кого из Киева и Москвы”¹⁴. После этих концертов внимание японских меломанов переключилось от европейской музыки к русской. Третий раз японский музыкант побывал в Харбине в феврале 1931 г. Он заехал по пути во Францию, куда его пригласил директор Русской оперы М. Бенуа.

Большой популярностью пользовался в 1938 г. скрипач Е. Крейн, окончивший Московскую консерваторию. Артист выступал на концертах со своей женой — певицей Китадзава Сакаи, которая с успехом исполняла оперные партии, в том числе арии Чио-чио-сан из оперы “Мадам Батэрфляй”. Крейн имел среди японцев много учеников (Тудзи Хисако и др.). “Как педагог, — писал журнал “Рубеж”, — Е. Крейн зарекомендовал себя тоже с лучшей стороны: ученики отмечают ровный, спокойный характер своего преподавателя, его готовность в любой момент, не считаясь с недостатками времени, самому показать ученику всякий не удающийся пассаж, и считают его метод преподавания очень удачно разработанным, благодаря чему ученикам легко воспринимать искусство скрипичной музыки”¹⁵.

Японские артисты охотно участвовали в русских труппах, перенимали опыт знаменитых мастеров. “Говоря об артистической работе в Японии для европейцев, — писал один журналист, — следует отметить, что японские предприниматели за последнее время стали явно игнорировать европейских артистов и свободно заменяют их японцами, вполне постигшими мудрость европейской хореографии”¹⁶. Это не касалось русских артистов-эмигрантов из Китая. Балерина

Нина Всеволодовна Панченко-Кожевникова начала карьеру актрисы в харбинском Железнодорожном собрании. Затем она участвовала в Русском балете Н.М. Сокольского, с которым в 1936 г. гастролировала по Японии. Об этой шанхайской труппе артистка вспоминала “с любовью, с грустью замечаю, что таких организаций в рассеянии русской эмиграции было очень и очень мало. Жизнь этой организации руководили балетмейстеры Н.М. Сокольский, Н.А. Князев, замечательная преподавательница и прима-балерина англичанка Одри Кинг и Ф.Ф. Шевлюгин. В ведущих мужских ролях выступали Ф. Шевлюгин, Н. Светланов, а позднее и талантливый японский танцор Комаки Масахиде [основатель классов балета в Японии. Автор четырех книг, где вспоминал об истории сотрудничества с русским балетом]”¹⁷.

Несколько раз гастролировала по Японии балерина Л.Н. Андерсен. О своих впечатлениях она писала: “Чтобы мы имели возможность увидеть во всей красе цветение вишен, дирекция дала нам несколько свободных дней, в которые мы успели осмотреть и старинный Киото, с его узкими торговыми улицами, пестреющими тканями и очаровательными безделушками, и парком, наполненными яркими пятнами кимоно и цветных фонариков, и Нара, этот прелестный город, наполовину занятый парком, в котором высятся темные потрескавшиеся храмы, и совсем ручные олени бродят среди тысячелетних сосен; и Тикарадзука с его знаменитым театром, поразившим нас художественностью постановок и грациозной техникой”¹⁸. Весной 1938 г. Л. Андерсен снова поехала в Японию с гастролями в составе труппы “Харбин-шоу”. Артисты побывали в семи городах Японии: Токио, Иокогама, Осака, Киото, Кобе, Нагоя и Хиросима. Обилие восточной кухни вдруг вызвало у русских артистов желание поесть московской колбасы. Им повезло в Иокогаме, где жило много русских. Там харбинцам запомнились блины в ресторане Власова. С большим количеством впечатлений Андерсен увезла свою фотографию в старинном японском кимоно и любовь к искусству этой страны. “Но все-таки, — писала она в “Рубеже”, — ни с чем не сравнимое очарование — это ниппонские национальные танцы! Это неподражаемая мягкая грация, выработанная веками и присущая только этим хрупким существам с кукольными головками, эти примитивные и бесконечно изящные движенья, мельканье зонтиков, вееров, и над всем и повсюду — цветы, целое море цветов и, конечно, традиционная, любимая вишня, это радостная избранница ниппонской весны...”¹⁹.

Наиболее известной русской балериной в Японии была Елена Павлова, которая имела собственную студию. Показательные выступления ее учеников всегда собирали много публики²⁰. С огромным триумфом прошли гастроли по Японии известного русского певца Ф. Шаляпина. Все концерты проходили с аншлагом, не было ни одной японской газеты, которая не писала бы о нем²¹. Триумфально выступив в Токио в феврале 1936 г. великий певец дал концерты в Нагоя и Осака.

Без сомнения, русские эмигранты внесли наибольший вклад в преподавание русского языка. Многие из них работали преподавателями в школах и университетах Японии. Почетное место в этом списке занимают А.А. Ванновский, Г.Г. Подставина и многие другие. Они оставили после себя множество благодарных учеников.

Русская диаспора не забывала и о своем подрастающем поколении. Русская церковь помогла и с открытием школы для выходцев из России. Первое время ее содержало Свято-Никольское православное братство. Заведующей школой

и преподавателем по русскому языку и общеобразовательным предметам была М.А. Балыкова, японский язык вел И.А. Сенума, окончивший Киевскую духовную академию, английский — С. Мартэн. Ученики принимались с 11 до 13 лет, они делились на два класса, обучение велось по индивидуальной программе. «С сожалением должен отметить, — писал один эмигрант, — что не все озабочены тем, чтобы их дети не забыли русский язык. Много детей отдано в иностранные школы, а многие просто предоставлены себе. Этим родителям нужно подумать о своих детях: в Россию вернемся через 2–3 года, может быть, через пять лет, но вернемся! Что скажут нам наши дети, о будущем которых мы не подумали? Не будет ли для них жизнь тяжелой драмой из-за незнания своего родного языка? Знаете ли вы, родители, что русский человек, почти единственный, не поддающийся ассимиляции... Рано или поздно голос крови заговорит — потянет на Родину. Так вот, вы должны подумать об этом, дать возможность вашим детям сейчас же слиться со своей Родиной, как только их нога ступит на Русскую землю. Не делайте из них чуждых пришельцев, не знающих или забывающих свой родной язык!»²².

Собирая средства на школу, Свято-Никольское православное братство время от времени устраивало благотворительные вечера. «Приветствуя стремления Братства, — писала газета «Синтоа Цусин», — мы искренне желаем скорейшего выполнения намеченных мероприятий. наших русских и японских читателей призываем к содействию и просим всех посетить устраиваемый братством концерт. Не надо забывать, что дети — цветы жизни. Русские дети в вихре революционных событий временно утратили свою Родину, но они должны сохранить свою национальность, должны получить национальное воспитание и образование. Мы обязаны помочь им в этом. В этом залог дружбы между японским и русским народами»²³.

23 февраля 1936 г. в Токио было построено здание Русского национального начального училища им. А.С. Пушкина. Землю для постройки дома предоставила Русская православная миссия в Японии. Затраты на строительство составили 4 тыс. иен. Несмотря на сильный снегопад, многие русские из Токио и Иокогамы собрались на освящение здания. «После официальной части торжества, — писал токийский корреспондент «Рубежа», — Родительским комитетом была предложена собравшимся чашка чая, за которой присутствующие делились радостью — иметь собственное помещение для школы, и строили планы дальнейшего содействия токийскому уголку родной национальной культуры»²⁴.

Школа постепенно выросла из трехклассной в семиклассную. Директором школы был бывший генерал-майор П.П. Петров, учителями работали Богданов и Павлов. Программа большое внимание уделяла преподаванию английского и японского языков. В школе училось в это время 22 чел. Русские дети уже с 3–4 лет прекрасно говорили по-японски. Для мальчиков были введены занятия по переплетному делу, с девочками занимались рукоделием.

Начало второй мировой войны резко осложнило жизнь русской диаспоры в Японии, многие и так потеряли в бомбардировках почти все, что имели. Большинство было арестовано. «Особенно русским пришлось тяжело в смысле питания. Во время войны японцы мало обращали внимания на русских, и нашим соотечественникам приходилось сидеть впроголодь. После капитуляции Японии американские власти пошли навстречу русским и стали выдавать им пайки пищевыми продуктами, и довольно приличные, и русские были очень благодарны американцам за их помощь в трудную минуту»²⁵.

В то время обострилась идеологическая борьба среди русской эмиграции. Одни под влиянием пропаганды получили советские паспорта, другие же провели ряд шумных манифестаций. С получением новых иммиграционных квот в США деятели эмиграции и их семьи покинули Японию, и общественная жизнь русской эмиграции там окончательно заглохла.

1. *Амурский Н.* Друг русских эмигрантов в Ниппоне // Рубеж. Харбин, 1938. 27 авг. С. 4.
2. Дело России. Токио, 1920. 2 июня.
3. *Никитин Д.В.* 1 сент. 1823 г. // На берегу и в море: Сб. рассказов и очерков. Сан-Франциско, Б.г. С. 265.
4. *Оргинский Г.* Успех русского бала в Иокогаме // Рубеж. 1936. 1 авг. С. 10.
5. Напр.: *Лавров К.П.* Пушной промысел на русском Дальнем Востоке: Очерк. Токио, 1923. 30 с.: рис.
6. University of Hawaii. Hamilton Library: Coll. (From Slovanska Kninovna, Prague National Library) P. Polansky.
7. Памяти Михаила Петровича Григорьева // Вост. обозрение. Дайрен, 1943. Июль—сент. (№ 6). С. 175.
8. *Бубнова В.* Памяти Михаила Петровича Григорьева // Вост. обозрение. 1943. № 6. С. 197.
9. В частности: [*Амурский Н.*] Японцы во Владивостоке и Приморской области: Японское население в крае // Сиб. сб.: Прил. к газ. "Вост. обозрение" за 1899 г. Иркутск. 1990. Вып. 2. С. 60–66.
10. *Амурский Н.* Русские в Ниппоне // Рубеж. 1938. 19 февр. С. 7–9.
11. *Амурский Н.* Дружно на помощь бедноте! // Рубеж. 1937. 12 июня. С. 19: фото.
12. Русское искусство в Японии // Рубеж. 1930. 15 февр. С. 19.
13. *Шляпин Ф.* Русский пушкинский вечер в Кобе // Рубеж. 1937. 6 марта. С. 16.
14. *Амурский Н.* Памяти большого русского человека // Рубеж. 1937. 24 июля. С. 19.
15. *Юлиан К.* Первый композитор Страны восходящего солнца // Рубеж. 1931. 23 февр. С. 14.
16. *Шляпин А.* Волшебство музык // Рубеж. 1938. 16 апр. С. 15.
17. *Яппу.* Выступление русских артистов за полгода // Синтоа Цусин. 1930. 20 апр. С. 13.
18. *Ратова (Тюрина) Т.* Прима-балерина Нина Кожевникова // Друзья от друзей. Австралия, Б.г. С. 55–58.
19. *Андерсен Л.* Русский балет в стране вишни // Рубеж. 1936. 4 июля. С. 20.
20. *Андерсен Л.* Когда цветет сакура... // Рубеж. 1938. 4 июня. С. 12–13: фото.
21. *Яппу.* Выступление русских музыкальных сил за полгода // Синтоа Цусин. 1936. 20 апр. С. 13.
22. *Муратов Б.* Шаляпин чарует Ниппон: новый триумф русского гения // Рубеж. 1936. 22 февр. С. 5.: фот.; *Юрин А.* Шаляпинские антракты в Токио // Рубеж. 1936. 29 февр. С. 10 и др.
23. Друг детей. Русская школа в Токио // Синтоа Цусин. 1930. 23 февр. С. 8.
24. Деятельность русских эмигрантских объединений в Японии // Синтоа Цусин. 1930. 13 апр. С. 11–12.
25. *Оргинский Г.* [*Чертков Г.И.*] Русские в Токио — со своей школой // Рубеж. 1936. 26 марта. С. 14.
26. *Котляров А.П.* Вести о жизни русских в Токио: (Из писем рядового американской армии) // Новая заря. 1946. 13 февр.

Религия

Из истории деятельности Русской православной церкви на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии (XIX — начало XX вв.)

© 2010

М. Волков

В статье описывается деятельность Русской православной церкви в отношении народов российского Дальнего Востока, миссионерская деятельность Владивостокской миссии в отношении корейцев, поселившихся в Южно-Уссурийском крае, а также в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги на территории Маньчжурии. Даже в тех условиях, когда прямая миссионерская деятельность на Дальнем Востоке оказывалась невозможной, православная церковь оставалась проводником духовной культуры русского народа в этом регионе.

Ключевые слова: Православие, православная миссия, Дальний Восток, Маньчжурия, коренное население, епархия.

Со времени Крещения Руси христианство в нашем отечестве проповедовалось не только русским, но и жившим в русских владениях и по соседству с ними другим народам.

Еще при князе Владимире велась проповедь Евангелия между финскими племенами ижора и корела. Русская православная церковь вела миссионерскую работу и в тяжелых условиях монгольского ига. Именно на тот период приходится жизнь и труды великого миссионера и выдающегося просветителя, апостола зырян (коми) святителя Стефана Великопермского (XIV в.). Он фактически явился основоположником миссионерской проповеди малочисленным народностям России. Последующие православные миссионеры воспользовались как образцом выработанной святителем Стефаном программой миссионерского делания.

К началу XVIII в. усилиями казаков Россия расширила свои владения до берегов Тихого океана. Внимание православных миссионеров все больше обращалось на народы, населявшие вновь приобретенные земли Дальнего Востока. По берегам многочисленных дальневосточных рек строились зимовья для сбора даны с иноплеменников, остроги для защиты от их набегов и города. По зимовьям

ставились кресты или часовни, в острогах и городах строились церкви. В окрестностях новых поселений возникали монашеские обители. Первый монастырь на Амуре был основан в 1671 г. иеромонахом Гермогеном недалеко от Албазина. Им же, по некоторым сведениям, был основан монастырь и в пределах Маньчжурии на р. Кумаре, притоке Амура.

В 1620 г. была открыта Сибирская епархия в г. Тобольске, в ведение которой входил и дальневосточный регион. Однако долгое время миссионерская деятельность Русской церкви на Дальнем Востоке не имела планомерного и организованного характера. Ее оживление в начале XVIII в. стало возможным, главным образом, благодаря выдающимся личным качествам таких ревностных миссионеров, как митрополит Тобольский Филофей (Лещинский) (1650–1727) и святитель Иннокентий Иркутский (ок. 1680–1731), обративших, среди прочего, особое внимание на подготовку почвы для более широкой миссионерской деятельности среди монголов и китайцев.

С 60-х годов XIX столетия миссионерская деятельность Русской православной церкви приобрела планомерный характер: священные книги переводились на языки новой паствы, открывались школы, где дети новообращенных обучались на их родных языках, и т.п. Успеху этой работы во многом содействовало учреждение в 1865 г. Православного миссионерского общества. В числе первых его председателей особое место занимает митрополит Московский и Коломенский Иннокентий Вениаминов¹, известный своими миссионерскими трудами на Дальнем Востоке и Аляске. Центральное управление Общества объединяло всю миссионерскую работу Русской церкви и оказывало материальную поддержку отдельным миссионерским учреждениям. В 1896 г. в ведении Общества находилось 44 епархиальных миссионерских комитета².

Православная церковь, в частности, положила много трудов для обращения в христианство якутов и других народов, живших в пределах Якутской епархии. Большие труды на этом поприще понес архиепископ Иннокентий Вениаминов (впоследствии митрополит Московский и Коломенский), прибывший в 1853 г. в Якутск. Здесь он изучил якутский язык, перевел на него Евангелие и необходимые для богослужения книги.

Преемник владыки Иннокентия, епископ Якутский Дионисий (Хитров) (1818–1896), впоследствии епископ Уфимский, продолжил дело проповеди Православия якутам и тунгусам. Особенно много трудов положил он на перевод богослужебных книг. С этой целью им была учреждена Переводческая комиссия, которая переводила не только богослужебные книги, но и литературу религиозно-нравственного характера. Епископ Дионисий, изучивший в самом начале своей деятельности якутский язык, руководил работой Комиссии.

В XIX в. было завершено обращение в христианство якутов и тунгусов Якутской епархии. Якуты с большой любовью относились к своим храмам, где богослужение, в особенности по улусам, совершалось на их родном языке.

В границах тогдашней Якутской епархии, помимо 350 тыс. якутов и тунгусов, на крайнем севере жили чукчи, занимавшиеся оленеводством. Суровые климатические условия и необъятные пространства создавали для миссионерской деятельности чрезвычайные трудности. Путешествия миссионеров зачастую были сопряжены с опасностями для жизни. В какой обстановке приходилось действовать проповедникам Православия, прекрасно иллюстрирует следующий случай: одному миссионеру пришлось совершать венчание в чуме, который служил спальней; так как в этом помещении вследствие его малой высоты нельзя

было стоять, то священник, жених и невеста должны были опуститься на колени, а псаломщик, за невозможностью занять и такое положение, пел и читал во время совершения таинства полулежа³. Для проповеди Православия среди чукчей в Якутской епархии имелась Чукотская миссия, состоявшая из трех священников, четырех походных священников и одного псаломщика. В Якутске находилась второклассная миссионерская школа⁴. С 1911 г. по 1916 г. Якутской епархией управлял епископ Мелетий, впоследствии архиепископ Харбинский.

В Благовещенской епархии (до 1897 г. — кафедра епископа Курильского, Камчатского и Благовещенского) среди населявших ее гольдов (нанайцев), гиляков (нивхов), ороchon, тунгусов, негидальцев и самагирцев проповедовала Благовещенская миссия. Всего в епархии на рубеже XIX—XX вв. насчитывалось около 10 тыс. представителей коренных народностей. Большая часть их была окрещена. Наибольшую ревность к православной вере, как и в Якутской епархии, проявляли тунгусы. Остальные, приняв Православие, не оставляли и прежних своих верований. Большим влиянием у них пользовались шаманы, к которым они обращались во время болезни. Не порывая связи с шаманами как с лекарями, они невольно должны были совершать и остальные языческие обряды и таким образом становились двоеверами. Учитывая это, миссия завела походные аптечки. На средства миссии содержались 15 школ. В 1902 г. Благовещенская миссия состояла из начальника, 14 священников, 10 псаломщиков и четырех катехизаторов из представителей местного населения. Миссия вела благотворительную работу среди крещеных местных жителей, оказывая материальную помощь нуждающимся деньгами и необходимыми в их быту предметами.

Давнюю и непростую историю имеет проповедь Православия на Камчатке. Вскоре после открытия полуострова туда прибыл первый миссионер архимандрит Мартиниан. Его деятельность продолжалась с 1705 по 1718 г., когда во время восстания камчадалов он был убит и брошен в р. Большую⁵. Преемником его в деле проповеди был казак Иван Козыревский, принявший в 1711 г. монашество с именем Игнатий. Он построил первую на Камчатке монастырскую пустынь на р. Николке, впадающей в р. Камчатку. Проповедуя Евангелие местным жителям, он также обучал камчадалов земледелию и огородничеству. Его миссионерские труды закончились в 1732 г., когда он был вызван в Москву и по постановлению Тайной канцелярии до неизвестной до настоящего времени причине лишен сана иеромонаха и монашеского звания. В том же году во время нового восстания камчадалов основанная о. Игнатием обитель была разграблена и сожжена⁶.

После этих событий активная проповедническая деятельность на Камчатке прекратилась на десять лет. В то время была широко распространена практика направления на Камчатку проштрафившегося духовенства вместе с различного рода неблагонадежными людьми или просто преступниками, которые засеяли эту богатую землю. О религиозно-нравственном состоянии русского и коренного населения Камчатки спутник Беринга, доктор Штеллер, отзывался так: «Камчатская земля сугубо злостраждет, что же де надлежит до начал и действ, тоже многообразно. Едино зло есть язычество практическое, что сметенный сор российский, т.е. в ссылку сосланные, древних вин память нынешними обновляют и в деторождениях незаконных распространяют... А кроме того главнейшей невежественной тьмы, крайнейшие или лучше сказать подлейшие пороки обретаются: пьянство неистовое, убийство, сребролюбие и свирепость в собрании, необузданное желание к расточению, прелюбодейство немногими во грех вменяется. Детям воспитания весьма нет. Одним словом заключить: земля оная, как пос-

ледняя в Азии, а по жителям ее истинно последняя: обманств и лжей бо едино место совокупление и всех зол сходбище"⁷. Такая ситуация чрезвычайно затрудняла проповедь Православия коренному населению, которое, взирая на русских, оценивало их веру по их жизни.

В 1743 г. под руководством архимандрита Иоасафа Хотунцевского начала свою деятельность Камчатская духовная миссия. Благодаря ее усилиям все население Камчатского полуострова, за исключением кочевников, было обращено в Православие. Было построено несколько церквей и часовен и открыто четыре школы для детей местных жителей. Миссия просуществовала только 18 лет, после чего надолго прекратила свое существование⁸.

Заслуга возобновления плодотворной миссионерской деятельности на Камчатке принадлежит упомянутому выше знаменитому русскому миссионеру Иннокентию Вениаминову. По своей инициативе еще в молодые годы священник Иоанн Вениаминов с семьей в 1823 г. отправился из Иркутска на Алеутские острова для проповеди Евангелия. Изучив на острове Уналашке алеутский язык и переведя на него Евангелие и молитвы, он построил там церковь и училище. В Ситхе ревностный миссионер изучил язык колошей и проповедовал им Православие. В 1838 г. он отправился в Петербург по делам своей миссии и подал записку об образовании на северо-восточной окраине России Камчатской епархии⁹. В Петербурге о. Иоанн, получив известие о смерти жены, постригся в монашество с именем Иннокентия. Его докладная записка была одобрена, и о. Иннокентий в 1840 г. был рукоположен во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Это был первый епископ самостоятельной Камчатской кафедры. За 27 лет своего пребывания на Камчатской, а затем на Якутской кафедре епископ Иннокентий объездил весь подведомственный ему регион с евангельской проповедью. Им лично и его помощниками Священное Писание было переведено на алеутский, курильский и якутский языки. Ревностный и неутомимый миссионер обратил ко Христу сотни тысяч местных жителей. Резиденция епископа Иннокентия находилась на Ситхе, поэтому он не мог уделять Камчатке столько внимания, сколько он уделял Аляске, но, тем не менее, его энергии и ревности к миссионерскому делу Камчатка обязана развитием проповеди Православия. Камчатская кафедра после отъезда из Ситхи епископа Иннокентия в 1853 г. прекратила самостоятельное существование и Камчатская область в церковном отношении управлялась из Якутска, а затем из Благовещенска и Владивостока (до 1916 г.).

Камчатская миссия была восстановлена только в 1912 г., т.е. через 150 лет после ее закрытия. Начальником миссии был назначен юный иеромонах Нестор (Анисимов). В первую очередь о. Нестор обратил внимание на необходимость открытия школ для камчадалов, но отсутствие средств лишало миссию возможности за первые три года сколько-нибудь наладить школьное дело. Лишь в одном из местных селений иеромонаху Нестору удалось создать школу, в которой обучалось 30 учащихся.

В 1914 г. о. Нестор созвал Камчатский миссионерский съезд, который открыл свою работу 18 февраля. Это было событие не только для миссии, но и для всего коренного населения края. В то время общение между камчатскими миссионерами было чрезвычайно затруднено. Благодаря миссионерскому съезду коряки в первый раз стали свидетелями торжественного соборного богослужения с участием диакона. Съезд велся на русском и корякском языках. Из доклада о. Нестора съезду можно судить о положении Православия на Камчатке. Крещеные коряки и тунгусы жили в двоеверии и даже в язычестве. Это явление объяс-

нялось тем, что жизнь многих из них протекала вдали от священников, большинство из них видело священнослужителя раз в год или даже несколько лет. Если тунгусы были крещены практически все, то православные коряки должны были жить среди своих некрещеных братьев, из-за чего они больше были подвержены влиянию шаманов.

Для того чтобы приблизить православную проповедь к жизни коренного населения, о. Нестор начал в районах оседлой и кочевой жизни этих народов строить церкви, часовни, молитвенные дома, школы, миссионерские станы и походные миссии. Священнослужителям в их трудах содействовало учрежденное в 1910 г. Камчатское братство, которое собирало средства для миссии и знакомило русское общество с ее деятельностью. При посещении Петербурга о. Нестор заинтересовал императора Николая II деятельностью братства и миссии и получил пожертвования на их нужды. За пять лет на Камчатке было выстроено семь новых церквей и открыто восемь новых школ. К 1916 г. там было 35 церквей, 38 часовен со св. престолом и 42 школы¹⁰.

До указанного года Камчатская миссия находилась в ведении Владивостокской епархии. С 1899 г., когда были учреждены отдельные Благовещенская и Владивостокская епархии, последнюю возглавил архиепископ Евсевий, ранее, в 1897–1898 гг., занимавший в Благовещенске кафедру епископа Курильского, Камчатского и Благовещенского. Владыка Евсевий всемерно способствовал оживлению духовной работы в своей обширной епархии, особое внимание уделяя миссионерской деятельности: в частности, по его инициативе и было создано упомянутое выше Камчатское братство. Камчатку преосвященный Евсевий посещал дважды¹¹. В 1916 г. была вновь учреждена самостоятельная Камчатская епархия с назначением епископом Камчатским и Петропавловским начальника Камчатской миссии архимандрита Нестора. За время своей деятельности на Камчатке владыка Нестор привел ко Христу до трех тысяч местных жителей. Начавшаяся вскоре в России революция разрушила миссию.

Во Владивостокской епархии действовала Владивостокская миссия, главное внимание уделявшая югу Уссурийского края, где жили корейцы.

Их переселение в Южно-Уссурийский край началось в 60-х годах XIX столетия из-за частых неурожаев в пограничной с российскими пределами пров. Хамгён. От своего правительства жители этой провинции не получали ни поддержки, ни облегчения обременительных налогов, местное же чиновничество отягощало бедственное положение населения своим хищничеством и произволом. К тому же гонения на христианство со стороны корейского правительства в те годы заставляли корейских христиан и их родственников бежать из родных мест и искать новые земли¹². Посьетский участок Уссурийского края фактически никем не охранялся, земля там была плодородна и не заселена. Туда и двинулся поток корейцев с семьями.

В 1864 г. в Посьетском участке образовалось первое корейское поселение Тизинхэ из 135 дворов¹³. С каждым годом переселение из Кореи увеличивалось. Русскому правительству пришлось обратить внимание на новых поселенцев и прийти к ним на помощь: русская администрация помогала корейцам разместиться, устроиться на зиму, выдавала ссуды хлебом, принимала меры к предотвращению появления среди них заразных болезней.

Сначала российские власти не препятствовало переселению, так как пустующие тогда земли занимались мирными земледельцами. Но вскоре массовый приток корейцев в приграничный район озаботил правительство России, в планы

которого входило размещение там русских поселенцев. Поэтому в начале 70-х годов XIX в. русская администрация стала расселять корейцев в глубинных районах края и в Амурской области, где на одном из притоков Амура 500 корейских переселенцев образовали село Благословенное¹⁴. Подобные акции администрации проводила и в дальнейшем, но не могла этим остановить массовую миграцию из Кореи в Посыет. Русскому правительству пришлось наконец пойти на заключение соглашения с корейским правительством, согласно которому все корейцы, осевшие на русской территории до 25 июля 1884 г., были приняты в русское подданство и получили наделы в 15 десятин на семью, в то время как переселившиеся после этого срока должны были в течение двух лет ликвидировать свое хозяйство и вернуться на родину. Кроме того, корейцам разрешалось приходить весной на полевые работы с тем, чтобы после летних работ они возвращались в Корею¹⁵. Но и эти меры не были достаточно действенными, так как корейцы не хотели уходить из российских пределов, где они осели на плодородную землю и не знали притеснений, которые испытывали на родине. Это обстоятельство вынудило правительство приложить большие усилия к ассимиляции корейцев. Им было предоставлено крестьянское самоуправление, судились они по русским законам, для них стали заводить школы, среди корейцев начали активнее работать православные миссионеры. К 1 января 1898 г. в Приморской области насчитывалось 23 тыс. корейцев.¹⁶

Начало проповеди Православия среди корейцев было положено преосвященным Иннокентием Вениаминовым. Корейцы, осевшие на русской территории, для закрепления своего положения хлопотали о русском подданстве и выражали желание принять "русскую веру"¹⁷. Эти материального свойства побуждения к принятию крещения требовали особого труда миссионеров, стремившихся пробуждать в тех, к кому была обращена проповедь, искренний духовный отклик на нее.

Корейцы начали принимать Православие с 1865 г. Сначала из-за нехватки священников и в особенности миссионеров дело проповеди продвигалось слабо. Когда же в начале 70-х годов XIX в. епархиальной властью для проповеди среди корейцев были назначены два священника, иеромонах Валериан и протоиерей Иоанн Верещагин, то результат их деятельности оказался весьма значительным по числу обращенных: по прошествии двух-трех лет в крае насчитывалось уже 2 083 крещеных корейца¹⁸. Однако назначенные священники не знали корейского языка, а новокрещеные, недавние выходцы из Кореи, вряд ли могли понимать с достаточной полнотой проповедь на русском языке основ православного вероучения. Хороших же переводчиков тогда еще не было. Успехом своей проповеднической деятельности оба упомянутых священника в большой мере были обязаны желанию корейцев сделаться русскими по подданству и вере. Для удовлетворения религиозных потребностей новокрещеных корейцев открывались часовни (первая в 60-х годах). В 1882 г. был открыт для работы среди корейцев Янчихэнский стан с церковью, а в следующем 1883 г. в церковь, воздвигнутую по инициативе и на средства крещеных корейцев в Суйфуне, был назначен отдельный священник-миссионер, там был открыт первый корейский приход.

Корейцы, стремившиеся сначала принимать христианство из побуждений чисто практического свойства, вскоре стали проникаться подлинным христианским духом. Первые миссионеры обычно оставались на своих местах недолго, но, тем не менее, они оказали на корейцев значительное влияние. Среди миссионе-

ров, оставивших по себе особо теплую и благодарную память, о. Александр Быстрицкий, о. Петр Лихоцкий, о. Михаил Телятьев и о. Александр Новокшенов¹⁹.

Корейцы с большой охотой шли навстречу нуждам миссии и оказывали существенную материальную поддержку постройке церквей, школ и зданий для помещения станов. Они быстро овладевали русским языком, посылали своих детей в школы.

В 1904 г. в Южно-Уссурийском крае существовало девять миссионерских станов, при которых имелись церкви и школы. В 1903 г. было крещено 278 корейцев. По состоянию на 1904 г. из 15 024 корейцев, проживавших в районах миссионерских станов, православными были 8 664 человека. Церковно-приходских школ в указанном году насчитывалось 15 (из них две женских двухклассных), столько же школ грамоты; обучалось во всех этих школах 933 мальчика и 149 девочек. Кроме того, в корейских поселениях Министерство народного просвещения содержало одно двухклассное и одно одноклассное училища, в которых обучались 138 человек. Корейцы обычно к казенному жалованию учителей по своему желанию добавляли вознаграждение из средств волостей, так что учителя школ в корейских поселках были хорошо обеспечены. Корейцы не скупились в средствах и на постройку школ²⁰.

Начало новому этапу проповеди Православия среди корейцев положила русско-японская война, ставшая причиной роста притока корейских переселенцев в Россию. К 1911 г. во Владивостокско-Камчатской епархии проживало до 100 тыс. корейцев (только во Владивостоке их было более 10 тыс.)²¹. Хотя в корейских селениях епархии к этому времени существовало уже 30 миссионерских приходов и школ, нужды всех корейцев, тянувшихся к Православию, было очень сложно удовлетворить. В этих условиях архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий ходатайствовал перед Св. Синодом о назначении в его епархию викарного епископа с возложением на него специальной задачи — заведования делами епархиальной православной миссии среди корейцев.

В 1910 г. в Иркутске состоялся общесибирский миссионерский съезд, который рекомендовал для улучшения работы корейской миссии назначить ее начальником самостоятельного епископа. В 1912 г. Св. Синодом с соизволения императора было учреждено новое викариатство во Владивостокско-Камчатской епархии с наименованием нового епископа Никольск-Уссурийским и с назначением ему места пребывания во Владивостоке. Тогда же 14 июня 1912 г. император Николай II утвердил предложение Св. Синода о назначении епископом Никольск-Уссурийским, викарием Владивостокской епархии начальника Сеульской духовной миссии в Корею архимандрита Павла (Ивановского)²².

В 1913 г. во Владивостоке прошел первый епархиальный миссионерский съезд. С того времени, благодаря усилиям владыки Павла, проведение подобных миссионерских съездов стало ежегодным, что позволило поднять проповедь Православия на качественно новый уровень. Так, был создан переводческий комитет, в число членов которого вошел известный кореевед, профессор владивостокского Восточного института Г.В. Подставин. Комитет перевел и издал почти полные Служебник и Требник, пересмотрел прежние издания, составил духовные листки с проповедями.

В 1914 г. епископ Никольск-Уссурийский Павел обратился к приамурскому губернатору Н.Л. Гондатти с просьбой об открытии во Владивостоке трехгодичных высших миссионерских курсов и о выделении из государственного казначейства средств для поддержки миссии по обращению в Правосла-

вие корейцев в пределах Владивостокской епархии. В 1914 г. по инициативе епископа Павла был учрежден епархиальный Миссионерский совет, председателем которого он стал²³.

В июне 1916 г. состоявшийся во Владивостоке четвертый миссионерский съезд учредил одну стипендию и две полустипендии для лучших корейцев-учащихся Владивостокской церковно-учительской семинарии (при архиерейском доме в тогдашнем пригороде Владивостока на Седанке), с условием после окончания курса прослужить в корейской миссии не менее пяти лет²⁴. На том же съезде было принято решение просить члена миссионерского комитета профессора-корееведа Г.В. Подставина составить исторический очерк о деятельности корейской миссии за 50 лет. Однако эти начинания по причине революционных событий реализовать не удалось.

Миссионерская деятельность Владивостокской миссии в Южно-Уссурийском крае имела большое значение для проповеди Православия в пределах самой Кореи. Крещенные во время жительства в этом крае корейцы, впоследствии встреченные в Сеуле начальником Православной миссии в Корее архимандритом Хрисанфом, явились ядром православной паствы в этой стране, служа посредниками между миссионерами и своими некрещеными собратьями.

К концу XIX в. относится и начало деятельности Русской православной церкви в полосе отчуждения Китайской восточной железной дороги на территории Маньчжурии. В 1897 г. протопресвитер Военного и Морского духовенства назначил на должность священника Охранной стражи КВЖД о. Александра Журавского, который приехал в Харбин в июле 1898 г. Это был первый священник в полосе отчуждения. По прибытии в поселок Сунгари (так тогда назывался Харбин) о. Александр приступил к работе по устройству первой в Харбине и всей Маньчжурии походной церкви святителя Николая. Освящение церкви было совершено в марте 1899 г. В следующем году была выстроена прекрасная церковь в древне-вологодском стиле из выпиленной из Америки для нужд дороги арагонской сосны. Эта церковь во имя святителя Николая, воздвигнутая в центре Нового Харбина, впоследствии стала кафедральным собором. В это время в Харбине было уже три священника Охранной стражи. В конце того же 1900 г. были назначены еще три священника Охранной стражи: в г. Дальний, для обслуживания религиозных нужд отрядов стражи, расположенных в Инкоу и Телине, и на западную линию.

В январе 1901 г. Охранная стража была переформирована в Заамурский округ Отдельного корпуса Пограничной стражи, и все священники были переведены в округ. В конце этого года священник Александр Журавский распоряжением протопресвитера Военного и Морского духовенства был назначен благочинным.

Духовенство в Маньчжурии было предназначено для обслуживания религиозных нужд чинов корпуса и попутно железнодорожников и поэтому являлось военным, подчиненным протопресвитеру. Между тем, с ростом населения станционных поселков начались постройки церквей на линии железной дороги²⁵ и образовались крупные русские поселения, состоявшие не только из железнодорожников и их семей, но и прибывших сюда для занятий промыслами, торговлей и прочими видами деятельности русских православных людей самых различных профессий. Для окормления этой паствы необходимо было духовенство и более или менее обычная для русского населения организация церковной жизни.

Указом Св. Синода от 29 мая 1903 г. на имя начальника Российской духовной миссии в Пекине, епископа Переяславского Иннокентия православное духовенство и православное население Северной Маньчжурии в церковном отношении было подчинено названному епископу. Указ почти совпал по времени с принятием дороги в эксплуатацию, что произошло 1 июля того же года. С началом эксплуатации изменилось и правовое положение духовенства на дороге, так как священники были объявлены приказом состоящими на службе КВЖД по Церковному отделу.

В октябре 1903 г. епископ Иннокентий объехал свою новую паству, торжественно встречаемый населением и войсками, совершая богослужения в храмах, а где их не было — в помещениях вокзалов. В ходе поездки епископ Иннокентий совершил освящение построенных в поселках при станциях четырех церквей и школ²⁶. Несколько священников, не пожелавших перейти в ведение начальника Пекинской миссии, оставили службу и уехали в Россию. В их числе был и первый священник, прибывший в Маньчжурию, о. Александр Журавский.

Епископ Иннокентий для удовлетворения религиозных нужд православных железнодорожников в наиболее крупных населенных пунктах решил открыть подворья Пекинской миссии, для чего ему были отведены земельные участки в Харбине, Хайларе и Маньчжурии. В Харбине и Маньчжурии были открыты подворья с храмами в том же 1903 г., в Хайларе же подворье было открыто только в 1928 г., уже после создания Харбинской епархии.

В целях повышения религиозно-нравственного уровня православного населения и устройства приходской жизни на строго церковных началах, а также для оказания различного рода помощи нуждающимся епископом Иннокентием было учреждено Братство Православной церкви в Китае, отделения которого были основаны при каждом приходе. Особо энергичную благотворительную и религиозно-просветительскую деятельность Братство осуществляло во время русско-японской войны. Ему пришлось иметь дело преимущественно с ранеными и больными воинами и их семьями, проживавшими в Маньчжурии. Для попечения и удовлетворения их нравственных и материальных нужд при Братстве был создан специальный Комитет. В Харбине этим Комитетом был построен барак при подворье Пекинской миссии и в нем устроена больница на 20 коек. Она просуществовала 15 месяцев и была закрыта 20 октября 1905 г. Отделение Братства при Св. Николаевской церкви оказывало материальную помощь русским пленным, переводя в Токио собиравшиеся для этой цели деньги.

С увеличением русского населения в Маньчжурии строились новые православные храмы. В 1907 г. был возведен первый нежелезнодорожный храм на Пристанях во имя Святой Софии Премудрости Божией, здание которого было пожертвовано 4-й стрелковой дивизией, построившей его для своего храма в Корпусном городке на время пребывания в Харбине. Церковное здание было перенесено на новое место и в короткий срок установлено в реставрированном виде, но с новыми куполами и колокольной. Ровно через 20 дней после закладки состоялось освящение этого первого в Харбине приходского храма. В храмостроительстве наряду с Управлением дороги и Заамурским округом Отдельного корпуса Пограничной стражи принимало участие и русское население.

В августе 1907 г. указом Святейшего Синода духовенство и церкви полосы отчуждения КВЖД были переданы в ведение Владивостокской епархии.

Заложенные начальником Пекинской духовной миссии епископом Иннокентием храм на Новом кладбище и Иверский²⁷ были освящены архиепископом

Владивостокским и Камчатским Евсеем. Увеличивавшееся русское население железнодорожных поселков и выросавших из них городов нуждалось в новых храмах. В Коммерческих училищах была устроена и освящена в 1910 г. домовая церковь с прекрасным иконостасом. В 1912 г. была перенесена из поселка Алексеевка в разраставшийся поселок Модягоу деревянная церковь, при которой образовался второй нежелезнодорожный приход. Росло постепенно и число церквей на линии. В 1911 г. с учреждением должностей четырех "отрядных" священников Заамурского округа было организовано второе благочиние, в ведение которого поступили устроенные военными частями молитвенные дома на станциях Эрцендянцизы, Хинган и Куанченцызы, кроме храмов Иверского, Старо-Харбинского и Госпитального²⁸. Трое новых священников имели резиденциями соответственно Старый Харбин, ст. Фуляэрти и ст. Эхо, где был молитвенный дом. Таким образом, в первое благочиние, кроме железнодорожных церквей, входили два приходских храма (нежелезнодорожных), в то время как второе благочиние ведало всеми военными церквями.

Февральская (1917 г.) революция в России отозвалась и в церковной жизни Маньчжурии. В 1917 г. было допущено широкое участие мирян в церковно-приходской жизни. С утверждения епархиальной власти был учрежден Временный маньчжурский окружной церковный совет из шести выборных членов (три от духовенства и три от мирян), председателем которого являлся выбранный окружным собранием благочинный. Окружные собрания состояли также из духовенства и мирян. При церквях были созданы приходские советы. Как и по всей России, начал применяться принцип выборности духовенства. Все это закончилось лишь после получения Определения Священного Собора об управлении Православной Российской церковью и о православном приходе. 22 сентября 1918 г. на окружном съезде духовенства и мирян был избран Окружной благочиннический совет, председатель которого являлся одновременно заведующим Церковным отделом Управления КВЖД. В соответствии с приходским уставом были проведены перевыборы приходских советов.

В тот период Православная церковь в полосе отчуждения окормляла православную паству, состоявшую в большинстве из железнодорожников и членов их семей. Специальной миссионерской проповеди среди местного населения не велось. Подворья Пекинской миссии также не занимались миссионерской работой. Однако под влиянием православного богослужения многие местные жители обращались в Православие.

С 1919 г. характер населения Харбина и линейных поселков начал меняться. Появились беженцы, оседавшие в разных пунктах в зависимости от различных обстоятельств: материальных соображений, знакомств, профессии и т.д. Начался новый, беженский период в жизни края, незаметно и постепенно перешедший в эмигрантский. Прибывшие в Маньчжурию тысячи новых людей разных специальностей и профессий, иногда со средствами, как владельцы разнообразных промышленных и торговых предприятий, создали оживленную деловую атмосферу в крае. Вместе с беженцами прибывали и священнослужители. Харбинское духовенство радушно встречало своих собратьев. Большинство из прибывших священников было задействовано в качестве помощников местного духовенства. Оживилась церковно-приходская жизнь. Богослужение стало совершаться торжественнее, часто соборно. Прекрасные хоры украшали службы. Дорога оказывала большое внимание и существенную поддержку храмам. Железнодорожное духовенство с 1921 г. получало высокие оклады.

В 1921 г. было упразднено благочиние военных церквей, так как в предшествовавшем году все военные церкви с духовенством перешли в ведение дороги в связи с расформированием Охранной стражи, которая была организована в 1915 г. вместо ушедших на войну частей Заамурского округа. Все духовенство в Маньчжурии было объединено в 13-е благочиние, в ведении которого состояло железнодорожное духовенство и причты двух приходских церквей²⁹. Исключением составляли духовные лица двух подворий Пекинской миссии — в Харбине и Маньчжурии.

Многочисленность духовенства и наличие храмов во всех наиболее населенных пунктах полосы отчуждения КВЖД являлись благоприятными обстоятельствами в деле окормления многотысячной беженской паствы. Не так дело обстояло в Трехречьи, как был назван район русского расселения по территории, омываемой тремя притоками реки Аргунь — Ганом, Дербулом и Халом. В этот безлюдный и относительно безопасный край ушли несколько тысяч забайкальских казаков, в большинстве жители прибрежных аргунских станиц. Казаки переселились вместе со своими семьями, поселились хуторами и занялись сельским хозяйством. Осев в Трехречьи вдали от железной дороги и, следовательно, от русских поселений, где имелись церкви и духовенство, они вскоре обратились в Российскую духовную миссию в Пекине с просьбой принять их в свое ведение и прислать им священнослужителя. Просьба их не имела никакого результата, и казаки даже не получили никакого ответа. Тем не менее, в 1920 г. в Трехречьи были построены две церкви в самых крупных поселках: Покровская в Верх-Кули и Петропавловская в Драгоценке. Это были первые храмы, воздвигнутые беженцами, построенные в поселках земледельцев на их иждивение. В 1921 г. были построены церкви на ст. Эхо и в Сахаляне, расположенном на маньчжурском берегу Амура против Благовещенска. Этот маньчжурский город являлся ближайшим пунктом для беглецов с советского берега Амура, откуда часть беженцев следовала дальше по линии дороги, а часть оседала в самом Сахаляне.

В Харбине беженцы заселяли окраины города. В большом количестве они селились в Корпусном городке, где в 1921 г. была построена первая Спасопреображенская церковь.

В феврале 1920 г. в Харбин прибыл архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов), а в августе того же года епископ Читинский и Забайкальский Мелетий (Заборовский). Среди беженцев было немало крупных церковно-общественных деятелей.

Владивостокской епархиальной власти, в ведении которой находилась полоса отчуждения КВЖД, было уже трудно уделять достаточно внимания церковным делам Маньчжурии. Ход событий в Приморье свидетельствовал о том, что этот последний оплот белого движения долго не продержится. Политическое положение его было крайне неустойчиво. Вся область превратилась в театр военных действий. Связь с Владивостоком нередко прерывалась. В Харбине же были налицо все условия для нормальной церковной жизни. Вполне естественно, что к началу 1922 г. в руководящих церковных и общественных кругах Харбина зародилась мысль о необходимости создания самостоятельной Харбинской епархии. Эту мысль одобрил бывший тогда управляющим КВЖД инженер Остроумов, обещавший новой епархии материальную поддержку со стороны дороги. Совместно с ним группой православных людей³⁰ было возбуждено ходатайство перед Высшим церковным управлением за границей об учреждении самостоятельной

Харбинской кафедры с местопребыванием епископа в Харбине и о назначении на нее архиепископа Оренбургского и Тургайского Мефодия.

Архиепископ Мефодий был хорошо известен беженцам Забайкальской, Томской и Оренбургской епархий, которыми он последовательно управлял. Они составляли значительную часть беженцев, поселившихся в Харбине. Приглашенный приходским советом Св. Николаевского собора для воскресных и праздничных богослужений, архиепископ Мефодий вскоре стал известен старожилам Харбина и заслужил уважение православного населения города.

Высшее русское церковное управление за границей, заслушав ходатайство управляющего КВЖД и его помощника, постановило: "1) ввиду особого исключительного положения, в котором находится полоса отчуждения Китайской восточной железной дороги в церковно-административном и политическом отношениях и ввиду полного прекращения связи с Святейшим Патриархом Всероссийским и высшими церковными органами и нарушенных сношений с кафедральным городом Владивостоком, где проживает епископ Владивостокский Михаил, в юрисдикции которого находится полоса отчуждения Китайской восточной железной дороги, учредить временно, в пределах полосы отчуждения Китайской восточной железной дороги, самостоятельную епископию с кафедрой в гор. Харбине; 2) назначить на Харбинскую епископскую кафедру проживающего в Харбине Высокопреосвященного Мефодия, архиепископа Оренбургского, с наименованием его архиепископом Харбинским и [пропуск]³¹, предписав ему организовать при себе временное Епархиальное управление"³². О своем постановлении Высшее русское церковное управление за границей уведомило архиепископа Мефодия и епископа Владивостокского Михаила указом от 16/29 марта 1922 г.

Указом за № 328 от 19 августа / 1 сентября 1922 г. Высшее русское церковное управление за границей сообщило об утверждении титула епископа Харбинской епархии ("епископ Харбинский и Маньчжурский") в соответствии с ходатайством архиепископа Мефодия и представленных им членов временного Епархиального совета³³.

Архиепископ Мефодий о своем назначении на вновь учрежденную Харбинскую кафедру сообщил епископу Владивостокскому Михаилу и управляющему КВЖД. Управляющий дорогой издал приказ № 148 от 30 июня 1922 г. следующего содержания: "Высокопреосвященнейший Архиепископ Мефодий уведомил меня, что с благословения Святейшего Патриарха Тихона он назначен Архиепископом Харбинским и Маньчжурским. Об этом объявляю по дороге для сведения"³⁴.

Действительно, есть сведения о том, что благословение Святейшего Патриарха было получено — в ответ на доклад архиепископа Мефодия, посланный в Москву с преданным церкви человеком. Доклад был записан мельчайшим почерком одним из харбинских регентов на небольшом клочке бумаги, который был затем зашит в подошву сапога отъезжавшего. От Святейшего Патриарха архиепископ Мефодий получил ответную телеграмму, содержащая одно слово — "благословляю". Имеются и документальные данные, свидетельствующие об официальных контактах патриарха Тихона с Харбинской епархией; таким образом, если и не формальное разрешение, то частное согласие Святейшего на создание епархии имелось. О поддержке новой кафедры с его стороны свидетельствовали и ответы на телеграммы члена первого состава харбинского Епархиального совета проф. Н.И. Миролюбова, который жаловался на якобы неправильные действия Заграничного архиерейского синода. Ответные телеграммы от Патриарха гласи-

ли: “Члену Епархиального совета Миролюбову Харбин. Держитесь постановлений Собора 1918 года Патриарх Тихон”; вторая: “Харбин Члену Епархиального совета Миролюбову. Подпись телеграммы подтверждаю патриарх Тихон”³⁵.

“Отвечая Н.И. Миролюбову как члену харбинского Епархиального совета, — заключает архиепископ Мефодий, — Патриарх утвердил свое признание харбинского Епархиального совета как законного церковно-административного органа, а следовательно, утвердил свое признание и канонического существования Харбинской епархии”³⁶. По окончании Епархиального собрания Святейшему Патриарху от имени правящего архиерея и Епархиального собрания была послана телеграмма с извещением о перевыборах членов собрания и просьбой молитв и благословения. Приводя эту и цитированные выше телеграммы, архиепископ Мефодий делал закономерный вывод о том, что “акт официального сношения Харбинской епархии с почившим Патриархом свидетельствует, что Патриарх фактически признавал каноническое существование Харбинской епархии”³⁷.

Хотя Харбинская епархия специально не занималась миссионерской деятельностью, тем не менее через общение с верующими, смешанные браки представители местного китайского и маньчжурского населения приобщались к Православию. Чрезвычайно важное значение в деле евангелизации имело православное богослужение. Местные жители нередко, особенно в беде, обращались с молитвой к Богу христиан, Богородице и православным святым. Исключительным почитанием пользовался Святитель Николай. Всему Харбину стала известной молитва утопавшего в Сунгари маньчжура, который воззвал о помощи к “старика вокзала”, т.е. Святителю Николаю, икона которого стояла на вокзале Харбина³⁸. Получил широкую огласку и случай спасения Св. Николаем мальчиков-маньчжуров, игравших на откосе, когда неизвестно откуда явившийся старец приказал этим детям немедленно уйти с того места, где они играли, и которое тотчас же по уходе их было засыпано обвалившимся откосом. Мальчики, будучи случайно в православной церкви, узнали своего спасителя по иконе.

Когда в 1932 г. ввиду беспокойного времени не был разрешен крещенский крестный ход на р. Сунгари для совершения водоосвящения, и потом произошло страшное наводнение, местные жители объясняли это несчастье тем, что вода не была освящена православным духовенством, как это бывало с начала существования Харбина. Крестный ход на следующий год был встречен местным китайским и маньчжурским населением с радостью и уверенностью в том, что бедствие не повторится³⁹. Даже в тех условиях, когда прямая миссионерская деятельность на Дальнем Востоке оказывалась невозможной, Православная церковь оставалась проводником духовной культуры русского народа в этом регионе. И в самые трудные для Церкви годы православные священнослужители с честью выполняли пастырский долг, совершая свое дело, подобно апостолу Павлу, “в труде и изнурении, часто во бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы” (Ап. Павел, II Послание к Коринфянам, 11, 27), духовно окормляли и утешали большое число наших соотечественников, лишившихся родины и привычного жизненного уклада.

1. Прославлен в лике святых Русской православной церковью 23 сентября 1977 г.
2. См.: Миссионерские общества в России // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб. 1896. Т. 19, кн. 37.

3. Двадцатипятилетнее святительское служение на ниве Христовой Церкви Высокопреосвященнейшего Мелетия Архиепископа Харбинского и Маньчжурского. Харбин, 1934. С. 27.
4. Миссионерские общества в России 37. В соответствии с "Правилами о церковно-приходских школах" от 13 июня 1884 г. все находившиеся в духовном ведомстве школы получили официальное название "церковно-приходские". Школы открывались приходскими священниками с утверждения епархиальных архиереев и могли быть одноклассными (с двухгодичным обучением; с 1903 г. добавился 3-й год обучения) и двухклассными (четырёхгодичными, с 1905 г. добавился 5-й год обучения). Двуклассная школа служила для приготовления учителей из крестьянских юношей для школ грамотности. С этой целью с 1896—1897 учебного года начали открываться так называемые второклассные школы (1-й и 2-й класс двуклассной школы с присоединением годичного учительского курса). В 1902 г. второклассные школы были отнесены к разряду "учительских", при которых существовали специальные одноклассные школы для практической подготовки воспитанников к преподаванию.
5. *Архиепископ Нестор. Моя Камчатка // Фомин С. Божией милостью архиерей Русской церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002. С. 360.*
6. Там же. С. 362.
7. *Архиепископ Нестор. Камчатка. Харбин, 1936. С. 12. Текст харбинского издания мемуаров владыки Нестора более полон в сравнении с указанным выше московским изданием.*
8. *Архиепископ Нестор. Моя Камчатка. С. 365.*
9. *Иннокентий Вениаминов // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.: 1894. Т. 13, кн. 25.*
10. *Архиепископ Нестор. Камчатка. С. 21.*
11. *Архиепископ Нестор. Моя Камчатка. С. 371.*
12. *Иеромонах Павел (Ивановский). Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // История Российской духовной миссии в Корее. Сб. ст. М.: 1999. С. 118.*
13. Там же.
14. Там же. С. 119.
15. Там же. С. 120.
16. Там же. С. 122.
17. Тот факт, что из селившихся на Дальнем Востоке мигрантов из-за рубежа корейцы пользовались преимущественным вниманием миссионеров, объясняется тем, что корейцы с самого начала их переселения (правда, только те из них, кто приобретал оседлость) считались русскими подданными. Их принимали в Православие, причем обряд крещения они часто воспринимали как переход в русское подданство. Представители же других народностей, в частности, китайцы и маньчжуры, в том числе те, которые жили на Зее, никогда русскими подданными не считались (что о маньчжурах было прямо оговорено в Айгунском договоре), поэтому и заниматься распространением Православия среди китайцев и маньчжуров русские миссионеры не могли. Хотя переход китайцев и маньчжуров в Православие никоим образом не возбранялся.
18. *Иеромонах Павел (Ивановский). Указ. соч. С. 125.*
19. *См.: Прозорова Г.В. Светом невечереющим... Очерки истории евангелизации корейского населения Приморья 1864 — 1917. Владивосток, 2002. С. 52—55.*
20. *Иеромонах Павел (Ивановский). Указ. соч. С. 149.*
21. *Прозорова Г.В. Указ. соч. С. 59—60.*
22. Там же. С. 60.
23. Там же. С. 63.
24. Там же. С. 19.
25. Первой на линии была выстроена церковь на ст. Эрцендянцзы в 1901 г.
26. При станциях Гунжулин, Ханьдаохэцзы, Цицикар и Маньчжурия.

27. Иверский храм был построен Заамурским округом Отдельного корпуса Пограничной стражи как храм этого корпуса.
28. Церковь при Госпитале Заамурского округа была освящена 24 декабря 1907 г.
29. В 1921 г. должность заведующего Церковным отделом КВЖД была упразднена, благочинный являлся старшим агентом Отдела без содержания от дороги.
30. В самом указе Высшего русского церковного управления за границей от 16/29 марта 1922 г. нет указаний на ходатайства группы православных г. Харбина, но в указе Заграничного архиерейского синода за № 37 от 9/22 октября 1922 г. указывается на ходатайства союзов учителей и железнодорожников (материалы Архива Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии Русской православной церкви за границей).
31. Харбинскому епископу был дан титул Харбинского и Цицикарского, как это видно из указов Высшего русского церковного управления за границей № 214 от 29 марта/10 апреля 1922 г., № 243 от 5/18 мая и № 295 от 8/21 июля того же года.
32. По материалам Архива Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии Русской православной церкви за границей.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. *Архиепископ Мефодий*. По поводу признания Московской Церковной властью Советской власти. Харбин, 1929. С. 45—46.
37. Там же. С. 45.
38. Эту икону советская администрация КВЖД распорядилась удалить с вокзала, но это распоряжение было опротестовано китайской стороной как возмутившее почитавших эту икону местных жителей.
39. По материалам Архива Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии Русской православной церкви за границей.

Культура

Вспоминая Алексея Петровича Рогачева. К 110-летию со дня рождения

© 2010

Гао Ман

Известный китайский филолог-русист рассказывает о жизненном пути и профессиональной деятельности крупного российского синолога — дипломата, филолога, переводчика, педагога, о его вкладе во взаимодействие русской и китайской культур. Особенно высокую оценку получили выполненные А.П. Рогачевым переводы классических китайских романов "Речные заводи" и "Путешествие на Запад".

Ключевые слова: Китай, переводы китайской литературы, "Речные заводи", "Путешествие на Запад", А.П. Рогачев.

В 110-ю годовщину со дня рождения Алексея Петровича Рогачева перед моими глазами предстает образ его чрезвычайно значительной, необычной, впечатляющей личности. Хотя мне не посчастливилось встретиться с этим замечательным человеком, однако, его дела оставили глубокий след в моем сердце. Он был способным, крупным общественным деятелем, известным китаеведом, глубоко компетентным педагогом и выдающимся переводчиком.

Профессор Алексей Петрович Рогачев с молодых лет тысячами нитей был связан с Китаем. Самые цветущие годы своей жизни он посвятил нашей стране и вписал в историю китайско-российских отношений блистательные, оптимистические главы.

А.П. Рогачев родился одновременно с XX веком. Он появился на свет в семье служителя храма у подножия Тяньшаньских гор. В семье было много детей, сыновья и дочери составляли целое маленькое сообщество. Алексей был самым старшим из одиннадцати братьев и сестер и единственным из мальчиков, кто получил образование. Никто не мог тогда и подумать, что он выберет специальностью изучение китайского языка, и это коренным образом изменит судьбу его рода.

Когда он учился на третьем курсе Института востоковедения в Москве, его, благодаря отличному знанию китайского языка и в связи с потребностью в кадрах, командировали в Китай на учебу. В то время в нашей стране

шла первая гражданская революционная война, Китай боролся и против империализма, и против феодализма. Молодой человек из России стал участником исторических событий — самых сложных, неоднозначных, напряженных и значимых для Китая. Он общался с общественными деятелями, представлявшими разные социальные слои, посетил бесчисленное число больших и малых городов и поселков, ежедневно видел страдания и невзгоды широких трудовых масс нашей страны, знакомился с их чаяниями и надеждами. Алексей Петрович Рогачев на личном опыте познавал культуру Китая, нравы и обычаи его жителей. Он в совершенстве овладел китайским языком и связал всю свою жизнь с трудолюбивым китайским народом.

В 1925 г. А.П. Рогачев был назначен переводчиком и советником при штабе командующего Национальными армиями генерала Фэн Юйсяна. В том же году в городе Гуанчжоу было сформировано гоминьдановское Национальное правительство. В 1926 г. А.П. Рогачев из Чжанцзякоу переехал в Гуанчжоу, где работал у главного советского политического советника Бородина. После этого А.П. Рогачев в составе гоминьдановской Национально-революционной армии участвовал в грандиозной военной кампании — Северном походе, и с его войсками из Гуанчжоу пробился в Ханькоу. В 1927 г. реакционная клика совершила переворот, и в политическом положении Китая произошли драматические изменения. А.П. Рогачев и другие работавшие в стране советские советники получили приказ вернуться в Советский Союз. Путь на Родину был долгим и трудным. Они на автомашинах выехали из Ухани, пересекли Центральный и Северный Китай и, наконец, добрались до Москвы.

По возвращении в СССР А.П. Рогачев окончил Московский институт востоковедения, после чего был распределен на работу в Коммунистический университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в Москве. Это было высшее учебное заведение, специально учрежденное для подготовки китайских революционных кадров. А.П. Рогачев был назначен заведующим Отделом переводов. Проработав некоторое время в этой должности, он был переведен в Народный комиссариат иностранных дел СССР и стал дипломатом.

Осенью 1928 г. Алексей Петрович Рогачев вновь был командирован на работу в Китай, в город Урумчи (в то время он назывался Дихуа) провинции Синьцзян, в качестве сотрудника Генерального консульства СССР. В тот сложный для страны период в этом беспокойном районе происходили непростые политические события. А.П. Рогачев проработал там до 1934 г. Вернувшись в СССР, он продолжал трудиться в Народном комиссариате иностранных дел, в Дальневосточном отделе. Его работа была непосредственно связана с отношениями СССР и Китая.

В 1936 г. А.П. Рогачев снова был направлен на работу в нашу страну. На этот раз он был командирован во взрывоопасный, беспокойный Северо-Восточный Китай, в город Харбин, где занимал ответственную должность в Отделе информации Генерального консульства СССР. В то время Харбин и весь Северо-Восточный и Северный Китай были захвачены милитаристской Японией. Он проработал в Харбине три года, в новой, необычной обстановке, наполненной острой борьбой.

В 1939 г. он вместе с женой, сыном и дочерью вернулся в Москву. В то время Алексей Петрович сосредоточил все свои силы на научно-исследовательской деятельности. Работая преподавателем в Институте востоковедения, он перевел с китайского языка на русский "Три народных принципа" Сунь Ятсена, и его перевод стал одним из учебных материалов по данной доктрине. Преподаватель-

ская и научная работа стала для А.П. Рогачева важнейшей составляющей второй половины его яркой жизни. Он воспитал большую группу молодых китаеведов, разъехавшихся по всем уголкам страны, ставших дипломатами, учеными и преподавателями.

После окончания Второй мировой войны А.П. Рогачев больше внимания уделял научно-исследовательской работе в области китайской истории, культуры, литературы, китайского языка: готовил статьи, редактировал учебные материалы, составлял словари и т.д.

Профессор Рогачев внес значительный вклад во взаимообмен китайской и русской литературных традиций. Он стал одним из первых переводчиков новой китайской литературы: переложил на русский язык известный рассказ Лу Синя "Пожелание", роман Лао Шэ "Безымянная высота получает известность", "Жизнеописание героя Люй Ляна" Ма Фэн и Си Жун, произведение Цао Мина "Первоначальная энергия" и другие.

К тому же он был первым русским переводчиком китайских классических романов "Речные заводы" и "Путешествие на Запад".

Русский текст "Речных заводов" был опубликован в 1955 г. издательством "Советская литература". Восприятие сюжетных развязок романа, его национального колорита, художественных приемов, специфического языка и символики имен — всего того, что высоко ценили и чем восхищались китайские читатели, от русского читателя требует определенных усилий. Например, имя исторического героя Сун Цзяна не вызовет у русского человека сильного эмоционального отклика. То же касается его прозвищ, таких, как Сун Гунмин, Цзи Шиюй, Хэй Саньлан и других. Переводчик должен был глубоко знать и понимать китайскую историю, географию, мысли и чувства китайцев, их нравы и обычаи, классическую литературу, чтобы исчерпывающе передать эстетику романа на русском языке. Ради этого Алексей Петрович Рогачев собрал огромное количество материалов, тщательно изучил и исследовал их. Он провел детальный анализ процесса складывания романа, исторического фона описываемых событий, характеров героев. В ходе переводческой работы он смог полностью реализовать свои творческие возможности и гуманистические установки, сумел почувствовать тонкости литературной формы, посредством которой автор показывает в романе привлекательные черты главных героев.

Вслед за "Речными заводами" А.П. Рогачев вместе с известным китаеведом В.С. Колоколовым перевел на русский язык роман "Путешествие на Запад", вышедший в 1955 г.

После выхода в свет полного перевода этого произведения Алексей Петрович специально для целей популяризации подготовил к изданию отдельной книгой его сокращенный перевод под названием "Царь обезьян Сунь Укун". Внимательно прочитав книгу, нетрудно представить, сколько переводчик вложил в эту работу упорного труда и душевных сил. Кроме того, А.П. Рогачев выполнил сложный, многослойный научный анализ и описание текста "Путешествия на Запад" с точки зрения его литературных, исторических и художественных особенностей. К сожалению, он не успел до конца вычитать последний вариант рукописи. Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", получив рукопись после его кончины, в 1984 г. издала книгу под названием "У Чэнъэнь и его роман "Путешествие на Запад"".

А.П. Рогачев писал: "Язык "Путешествие на Запад" свидетельствует о том, что его автор был подлинным народным писателем, талантливо использо-

вавшим в своем произведении огромное богатство китайской речи и показавшим настоящее мастерство в употреблении самых разнообразных пластов лексики как народного разговорного языка, так и традиционного, классического. Произведение У Чэнъэя можно с полным основанием считать новой страницей в развитии китайской литературной речи, органически сочетающей богатство народного языка с книжным, литературным слогом”¹.

В 1965 г. Алексей Петрович Рогачев, отметивший свой 65-летний юбилей, в составе делегации Общества советско-китайской дружбы еще раз посетил Китай. Это был его последний визит в страну, перед культурой которой он благоговел. Там к тому времени произошли большие изменения: с одной стороны, Китай добился небывалых успехов, с другой — уже стоял на пороге небывалого в его истории бедствия — “культурной революции”. Деятельность А.П. Рогачева в Китае всегда была разнообразной и значительной, но в последней поездке он уже не имел возможности принимать активное участие в жизни страны. Однако я убежден, что происходившее в Китае он глубоко прочувствовал и пережил.

Алексей Петрович Рогачев прожил 81 год, из них 12 лет он проработал в Китае. Палитра его опыта была чрезвычайно красочной, жизнь — яркой, а его вклад в дело, которым он занимался, — неизменно весомым. Свои богатые знания, любовь к Китаю он передавал ученикам, а также сыну и дочери.

Славные дела Алексея Петровича Рогачева всегда будут жить в памяти китайского народа!

© 2010

*Перевод с китайского
В. Антонова*

1. Рогачев А.П. У Чэнъэнь и его роман «Путешествие на Запад». М., 1984. С. 95.

Театры Дальнего Востока России и стран Северо-Восточной Азии: опыт творческих контактов.

© 2010

Э. Осипова

В статье освещается тема творческих контактов театров Дальнего Востока с японскими, корейскими и китайскими театральными коллективами.
Ключевые слова: театр, культурный диалог, гастроли, Северо-Восточная Азия.

Российские ученые-дальневосточники называют свой регион "самым азиатским из всех европейских" не только по его географическому положению, но и "по наличию у него определенных общностей с традициями общественного устройства, политической и духовной жизни государств Восточной Азии"¹.

Если принять во внимание эту особенность, то наиболее близким к восточно-азиатской культуре оказывается национальный театр Якутии. Саха академический театр им. П.А. Ойунского органично соединяет достижения мировой сценографии с фольклорными традициями якутского народа, находит в живом источнике традиций ключ к новому языку, отличается уникальной репертуарной политикой. Самостоятельность творческой жизни, поиск пьес и выбор произведений национальной литературы в приближении к стихии театра олонхо² и прежде отличали якутские национальные театральные коллективы. Официально разрешенная свобода репертуарного выбора только усиливала их желание обращаться к литературе, которая прежде "не рекомендовалась" к постановке. Все чаще появляются инсценировки собственного сочинения, театр предпочитает работать в прямом контакте с национальными драматургами.

Смена идеологической парадигмы существования театра не избавила его от давления другого серьезного рычага — управленческо-экономического, материально-финансового, регулируемого ведомствами министерства культуры. С 1989 г. в стране в несколько этапов была проведена театральная реформа, в результате которой театр получил новые творческо-производственные права. Одним из условий его свободного хозяйствования стала возможность заключения прямых творческих договоров на приглашение мастеров сцены (режиссеров, сценографов, художников по костюмам, актеров и др.), а также на гастрольные поездки как внутри страны, так и за рубежом.

География гастролей якутских театров расширилась, активизировалось их участие в региональных, всероссийских и международных фестивалях. Якут-

Осипова Эрика Викторовна, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: eossipova@yandex.ru.

ская речь звучала со сцен Финляндии, Германии, Польши, Норвегии, США, Мексики, Швейцарии. Однако прежде чем покорять подмостки европейских и американских театров якуты обратили свой взор в сторону Восточной Азии. Их совместные проекты с восточными соседями стали продуктом творческого взаимодействия политических и культурных сил. Якутские чиновники, желающие по-новому выстраивать культурные отношения автономии со странами зарубежья, настаивали на праве прямых культурных контактов и свободе выбора членства в региональных и международных организациях культурного характера³. Результатом усилий стало подключение республики к разработке программы советско-японских культурных связей. Поездки министра культуры Якутии во Францию, США, Турцию, в страны Азиатско-Тихоокеанского региона подтверждали уровень достижений культуры и искусства национальной автономии, ими заинтересовался мир⁴.

Обнаруженная в результате делового и культурного общения близость мировоззренческой, духовной культуры японского и якутского народов вылилась в проведение якутами в 1992 г. “Дней культуры Японии на земле Саха”, а через год — “Дней диалога” с Южной Кореей. Программой культурного сотрудничества предусматривался диалог по двум крупным направлениям: этнокультуре и истории. Якуты и гости столицы автономии увидели представления чайных церемоний, корейских, эвенкийских, якутских шаманских ритуалов; побывали на мини-спектаклях японского театра “Кабуки” и концертах артистов корейского театра танца “Дьюри-Данс”. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, до недавнего времени закрытые для якутов, обретали в их сознании философский смысл взаимовлияния культур. В Якутии таким культурным обменам придавали особую значимость: “культура познается через призму взгляда и оценки других народов. Увидеть свое отражение в этом огромном зеркале, собранном из мелких осколков мировой культуры, познать, открыть для себя друг друга — в этом весь смысл”⁵.

К сожалению, у представителей многочисленных других этносов, существующих на дальневосточной земле, нет своих национальных театров. “Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык” — слова, сказанные А.Н. Островским более века тому назад, теперь, в пору подъема национального самосознания, приобретают особый смысл и значение.

Дальневосточники начинали с поиска контактов. Приглашение извне мастеров постановки и художественного оформления спектакля, специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга и других театральных городов России приводило к творческому разнообразию в театральной практике, которое объективно способствовало обогащению и развитию сценического искусства. В документации дальневосточных театров довольно часто приходится встречаться с приказами, разрешающими приглашение постановщиков, актеров, музыкантов, композиторов и сценографов для участия в постановочном процессе. Высококвалифицированные специалисты приглашались не только из столичных театров или иных успешных сцен страны: в постсоветский период все чаще практикуются приглашения из-за рубежа, причем нередко из стран Восточной Азии. При этом следует отметить, что целевые приглашения — весьма недешевое удовольствие для театра⁶.

Творческие контакты театральных коллективов региона естественным образом привлекли на дальневосточные сцены опытную зарубежную режиссуру. В сложных условиях создавшейся реальности театр стремился включить в орбиту своих интересов новые знания, неизвестную практику постановочных приемов, решая тем самым первостепенную задачу привлечения любопытного до все-

го неизведанного театрального зрителя. Отсюда и новые темы, и выразительные средства, новый язык, порой несвойственный театру недавнего прошлого.

Художественный руководитель Владивостокского ТЮЗа Л.И. Анисимов (1992–1999) одним из первых на дальневосточной земле ввел в практику приглашения на сцену своего театра зарубежных коллег по цеху. Еще в 1987 г. польский режиссер Роман Кручковский поставил на сцене упомянутого театра спектакль “Прощай, Иуда” по пьесе И. Иредыньского⁷.

Давний интерес режиссера Владивостокского театра к японской художественной культуре способствовал творческому содружеству коллектива ТЮЗа с постановщиком из Японии Рюити Симидзу. Результатом интернационального содружества стала совместная постановка спектакля “Путешествие в мечту”, поразившая зрителя необычайной игрой актеров и сценическими костюмами. Впервые в практике функционирования дальневосточной сцены был приглашен зарубежный художник — костюмы к спектаклю придумала жена японского режиссера, аргентинка Эстелла Симидзу. Звук в спектакле был срежиссирован также японским специалистом М. Ямамото. 1988 г. ознаменовался постановкой во Владивостокском ТЮЗе пьесы американца армянского происхождения Уильяма Сарояна “В горах мое сердце”, которая также явилась результатом усилий творческого тандема приморского и японского режиссеров.

В том же году в регионе был осуществлен еще один международный театральный проект — Хабаровский краевой театр драмы взялся за постановку на своей малой сцене спектакля “Сны Акутагавы”. Весьма сложная пьеса этого японского писателя и его философия покорили хабаровчан. Для оформления спектакля из Японии был приглашен режиссер Мацусита Кацунори. В этот же театр в 1991 г. пригласили японского театрального художника. Незадолго до этого театр посетил менеджер токийского молодежного театра Канаи. В результате визита было намечено открытие на базе ТЮЗа студии японской пьесы. Это было время активного проникновения японского театрального искусства на театральные сцены дальневосточного региона России. В последующем планировался обмен постановками японской и хабаровской трупп. Увлечение японской театральной культурой привело Хабаровский ТЮЗ к творческому союзу с коллективом молодежного театра “Сэйэнза” из Токио. Спектакль-притчу для детей и взрослых “Эбуна, слазь с дерева”, написанную японским литератором Цутому Мидзуками, ставили с участием хабаровских артистов. Художник по костюмам и главный продюсер приехали из Японии. Музыка к спектаклю написал хабаровский композитор А. Новиков. В 1993 г. японский режиссер Рюити Симидзу вновь работал в Приморском камерном театре драмы (бывшем ТЮЗе, с 2000 г. — Приморском краевом драматическом театре молодежи). На этот раз он ставил пьесу “Журавлиные перья”.

Даже на фоне постепенного вовлечения новых источников финансирования расширяющаяся многоукладность театральной жизни не решала проблемы дороговизны приглашений постановщиков из-за рубежа. Факт “открытия границ” делал их весьма привлекательными для всех, без исключения. Дороги к азиатскому зрителю постепенно открывались и для дальневосточных артистов. Со временем, как замечали столичные театроведы и критики, этот путь для дальневосточников становится более “проторенным”, чем путь в столицу или в другие театральные города России. Но случилось это не сразу, немногим удавалось выбраться в столь дорогостоящее путешествие. В 1990 г. с концертом-шоу и спектаклем по пьесе А. Бабеля “Закат” в Японию выехал коллектив Приморского драматического театра им. М. Горького.

Не успев толком начаться, гастроли в восточном направлении временно прекратились. С 1992 г. в истории театральной жизни настали времена, когда гастроли перестали регулироваться государственными органами. Ими никто не занимался за исключением особых случаев, когда Министерство культуры целенаправленно выделяло средства какому-либо театру. Защищенные законом минимальные объемы (не менее 2% федерального бюджета и не менее 6% бюджетов других уровней) специальных фондов развития культуры, откуда финансируется текущая деятельность театров, оказываются недостаточными для работы в обычном режиме. Их, тем более, не хватает для проведения гастролей и фестивалей. Перевод гастролей на рыночные начала лишил большинство театров, особенно периферийных, возможности гастрольных поездок. Крушение централизованной системы плановой организации гастролей резко ухудшило положение тех театров, которым благодаря летним прибыльным творческим поездкам удавалось «сводить концы с концами». В связи с отсутствием необходимых средств Министерство культуры РФ было вынуждено постепенно сокращать расходы на проведение гастролей. В 1992 году — году проведения театральных реформ — заметно осложнился летний гастрольный период: у 90% театров страны были сорваны летние гастроли. В 1993 г. финансовая поддержка в проведении гастролей была оказана 55 театрам страны, в 1994 — 46, в 1995 уже только 26⁸. Многие городские театры оказались выключенными из общетеатрального процесса, так как лучшие их спектакли оставались достоянием одного города. Ситуация создавала культурно-информационный вакуум, приводила к распаду некогда единого театрального пространства России.

Постепенно смирившись с утраченными привилегиями гастрольной жизни, театры сами занялись поисками поддержки в продвижении спектаклей за пределы своих регионов. В их штатных расписаниях появляется новая должность — менеджер (или коммерческий директор). Вся надежда оставалась на поддержку местной власти, частных компаний и предпринимателей. Начиная с 1992 г., практически все гастрольные поездки в дальневосточном регионе — результат спонсорской поддержки. Зачастую помощниками в организации гастрольных вояжей выступали сами перевозчики — авиакомпании. Немало поездок было совершено благодаря таким известным дальневосточным авиакомпаниям, как «Трансаэро» и «Малвил».

Новые российские предприниматели на первых порах, пока не определена стратегия государства на восточном направлении, начали вкладывать средства в культурные программы, используя их в своих экономических интересах для налаживания контактов, зондирования ситуации и т.д. Н.А. Лебедева⁹ права в том, что в начальной стадии спонсорская поддержка в большей степени определялась собственными интересами вкладчиков: любопытство, желание проникнуть в перспективные бизнес-отношения, обрести на чужбине деловых партнеров и т.д. Однако сложно согласиться с ее утверждением о том, что «как только появилась у предпринимателей возможность обойтись без них (т.е. спонсируемых. — Э.О.), предприниматели перестали поддерживать сферу культурного обмена»¹⁰. Тема спонсорства в театральной культуре вполне заслуживает отдельного серьезного освещения в современном театроведении, ибо в действительности институт спонсорства, постепенно сформировавшийся в регионе, представляет собой одну из движущих сил культурного процесса.

Сокращение масштабных гастролей театров в некоторой степени компенсировалось фестивальным движением, к которому также привлекались нетрадиционные источники финансирования — региональные промышленные структу-

ры, банки, частные предприятия и пр. В августе 1992 г. во Владивостоке состоялся 1-й Международный тихоокеанский фестиваль. Сцены двух театров Владивостока — Камерного и ПКДТ им. М. Горького — были предоставлены гостям фестиваля. Его участниками стали театральные коллективы из стран АТР — Японии (классический театр “Дзэнтикукай”, театр теней “Кагебоси”) и Кореи (“Ми-чоо”). Дальневосточные театры также продемонстрировали свой уровень в фестивальной творческой лаборатории.

Постепенно находились деньги и для гастрольных поездок. Так, Амурский областной театр драмы в июне 1993 г. принимал на своей сцене труппу Харбинского театра драмы со спектаклем “Мотылек”, а в августе благовещенские артисты посетили с ответным визитом Харбин, где приняли участие во Всекитайском театральном фестивале. На харбинской сцене гости из дальневосточной России пять раз показали музыкальный спектакль “Любовь... Любовь!”. Китайская пресса дала высокую оценку благовещенскому театру. Это были первые гастроли дальневосточных артистов в китайском Харбине после “культурной революции”.

Финансовый кризис 1995 г., разумеется, сказался и на положении культуры в стране. Первый год реализации принятой в октябре 1995 г., программы государственно-общественной поддержки сохранения и развития театральной жизни российской провинции оказался очень сложным. Одним из ключевых положений программы являлся тезис о многоканальности финансирования театрального искусства. Несмотря на то, что бюджетные средства при этом составляют лишь долю от общих расходов, в 1996 г. объем бюджетного финансирования был настолько сокращен, что Министерство культуры вынуждено было отказаться от ряда театральных проектов¹¹. Театры вынуждены были обращаться за помощью к муниципальным органам власти, что со временем превратилось в общераспространенную практику. Театры научились дружить с властью, именно она стала теперь самым действенным помощником. С другой стороны прямые связи с иностранными театральными коллективами в новой экономической ситуации оказались выгодными: теперь можно было не платить за гастрольные контакты посреднику в лице министерства культуры. Более того, удачные зарубежные гастроли с хорошими, иногда даже восторженными рецензиями, способствовали повышению репутации театра, его известности.

В 1996 г. на гастроли в Японию со спектаклем “Старик и море” выезжал хабаровский муниципальный театр “Триада”. Публика островного государства с восторгом приняла пластическую постановку известного мирового шедевра. В том же году благовещенский драмтеатр совершил ответные гастроли: в июле в областном центре гастролитировал Цицикарский цирк. В ответ благовещенцы вновь (как и три года назад) показали музыкально-танцевальное шоу “Любовь... Любовь!”, которое было дополнено танцевальными номерами ансамбля “Имидж” и показами модельного агентства “Жираф”. В течение двух недель актеры давали одно-два представления ежедневно и собирали полные залы, иногда с аншлагами. Главное требование китайской стороны — рентабельность — было выполнено.

В 1996 г. Хабаровский ТЮЗ решил вывезти в Японию спектакль “Бунна” — совместную работу японского драматурга Ясиро Сэйити с рабочим названием “Ушедший на рассвете” и хабаровской труппы. В 2000 г. хабаровская “Триада” вновь побывала на гастролях в Японии. В течение месяца спектакли “Хагоморо”, “Старик и море” и “Дворюги” с успехом ставились на сценах Токио, Киото и на Окинаве. “15 раз выходили на лучшие японские сцены хабаровские артисты

под гром аплодисментов”¹². Понятен интерес японцев к национальной драматургии — “Хагоморо”. Но режиссер гастролирующего театра заметил, что с большим интересом японцы воспринимали также спектакль “Старик и море”. Трактовка хорошо известного им произведения, исполненная языком жеста и пластики, оказалась для них неожиданной. В 2002 г. в “Триаде” была осуществлена совместная постановка другой японской пьесы — “Малыш Толстяк, и Худышка”. Режиссер Тоэка Нисида осталась довольна результатом. В марте 2003 г. театр вывозил этот спектакль на гастроли в Японию по приглашению принимающей стороны.

В 2004 г. Биробиджанский народный театр “Когелет” выехал в Китай для участия в Международном фестивале искусств. Это была первая зарубежная поездка театра, представившего музыкально-хореографическое ревю “Метаморфозы”. Артистов национального театра принимали в столице провинции Хэйлунцзян Харбине, а также в крупных промышленных центрах Хэгане и Цзямусы. Почти месячная поездка была оплачена администрацией из бюджета Еврейской автономной области.

В 2005 г. в Харбине состоялись гастроли Амурского государственного театра драмы, который вновь порадовал китайского зрителя музыкальным спектаклем. Амурчане привезли постановку “Я люблю тебя, эскадрилья!”, поставленную к 60-летию Великой Победы.

2006 г., объявленный Годом России в Китае, привнес в культурный диалог двух стран множество интересных мероприятий, активное участие в которых приняли театры Дальнего Востока: в Пекине и Шанхае прошли гастроли Государственного якутского театра оперы и балета; Амурский драматический театр привозил в Пекин русскую классику — спектакли “Вишневый сад”, “На бойком месте” и “Женитьба”; в Харбине прошли гастроли Приморского краевого драматического театра им. М. Горького; в рамках Дней Еврейской автономной области в Хэгане выступил народный театр автономии “Когелет”. В том же году в Токио показали свою версию чеховской “Чайки” артисты Приморского театра молодежи, а в маленьком городке Насивага, где проживает японский драматург Мицуо Кавамура, владивостокский театр показал спектакль “Етэко — невеста обезьяны”, поставленный по его пьесе. 84-летний автор “был в восторге от этого визита”¹³.

В освещении проблемы культурного диалога дальневосточных регионов России и стран АТР особого внимания заслуживает замечательная традиция проведения “Владивостокской бьеннале визуальных искусств” — фестиваля, призванного содействовать развитию межкультурных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Первый такой фестиваль состоялся в апреле 1998 г. под девизом “От мира театра — к театру Мира” и собрал во Владивостоке более 150 участников из России, Японии, США, Республики Корея, Китая, Германии, Вьетнама, Новой Зеландии. Свое мастерство продемонстрировали 9 театров из России и стран АТР. В год, объявленный ООН “Международным годом Культуры мира”, с 29 июня по 5 июля 2000 г., во Владивостоке прошла 2-ая “Владивостокская бьеннале визуальных искусств” под девизом: “Творчество — язык взаимопонимания”. Фестиваль был посвящен 140-летию Владивостока, 140-летию со дня рождения А.П. Чехова и 110-летию Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева. Этот форум собрал во Владивостоке более 300 участников из России, Японии, Китая, Кореи, Вьетнама, США. Третья “Бьеннале” получилась российско-японской, что оказалось весьма актуальным, поскольку 2003 г. был объявлен президентом России “Годом культуры Японии в России”. Японский

театр Будо-Дза представил знаменитый спектакль “Бабушка, сакэ и инспектор”. С 30 июня по 6 июля 2005 г. под девизом “Искусство — поверх границ” прошла 4-я “Владивостокская бьеннале”, где театральная программа также была представлена спектаклями и мастер-классами коллективов России и Японии. Пятая “Бьеннале” проводилась в 2007 г., однако межтеатральному общению на этом форуме практически не осталось места: фестиваль был посвящен изобразительному искусству. В рамках последней, 6-ой “Владивостокской биеннале”, проходившей с 25 по 29 сентября 2009 г., были представлены спектакли и мастер-классы японского коллектива молодежи Кегэн и Приморского краевого театра кукол.

Следует отметить, что активным участником приморского форума, ставшего уже традиционным, являются культурные деятели Японии и японские театры — частые гости дальневосточных сцен. “Страна восходящего солнца” активно открывается миру: в последние годы осуществляется все большее число масштабных культурных программ, проводимых при поддержке японского правительства и частных предпринимателей. Основная цель подобных мероприятий — дать международному сообществу комплексное представление о себе. Подобная деятельность чрезвычайно важна, “поскольку как объективная реальность существует разнообразие культур, а также восприятие и оценки разными народами культурных ценностей”¹⁴.

Культурный диалог предполагает непременно творческое развитие и духовное обогащение личности, входящей в контакт с ценностями иной культуры. Знакомство с театральными достижениями Востока позволяет по-новому оценить и более знакомую западную театральную культуру: сравнительный фон ярче высвечивает ранее незамеченные нюансы сценографии, постановочного дела, актерской игры и т.д. “Засветившиеся” за рубежом дальневосточные режиссеры расширяют творческие отношения с иностранными коллегами, активно используют возможности приложения своего опыта на зарубежных сценах, прежде всего с целью удовлетворения собственных профессиональных амбиций, а также обретения престижа среди коллег по цеху. Интерес к постановкам наших режиссеров в зарубежных театрах обусловлен и тем, что достижения российской театральной школы до недавнего времени были недоступны иностранным театральным деятелям и публике. Результатом творческого содружества приморского режиссера Л. Анисимова и японского режиссера Р. Симидзу стал сценический дебют владивостокского постановщика в Японии в 1991 г. В театре “Саимору” им был поставлен спектакль “Иосиф и Надежда” по пьесе О. Кучикиной. Постановку повторили в 1993 г. С существенными доработками спектакль воспринимался японскими зрителями как более значимый и интересный, чем заслужил одобрение в театральных кругах “Страны восходящего солнца”. Спектакль признали лучшей постановкой года и удостоили национальной премии¹⁵.

В конце 1980-х гг. в Токио был открыт Международный институт Станиславского, директором которого является профессор Нобуюки Накамото, хорошо известный российским литературоведам и театральным деятелям. В Институте преподают российские режиссеры и актеры, мастер-классы которых пользуются большой популярностью. Одним из преподавателей Института является заслуженный деятель искусств РФ, почетный член Петровской академии искусств, лауреат Государственной премии Японии Л.И. Анисимов. Приморский режиссер многократно ставил в разных японских театрах (“Труппа Анисимова”, “Пат”, “Ке”, “Пи-Ай-Ти”, “Дора” и др.) пьесы А. Чехова. Являясь художественным руководителем молодой и довольно перспективной токийской труппы “Пат”, он сумел убедить артистов в том, что Чехов подвластен не только русской душе. В мае

2001 г. японский коллектив с успехом выступил на фестивале “Мелиховская весна”. “Правильное распределение ролей с учетом характеров и внешних данных актеров, хорошо продуманные мизансцены, интонации, паузы, музыка — все это помогло труппе представить спектакль, который хочется смотреть бесконечно даже без знания языка. Это поистине театр переживания”¹⁶.

Несмотря на непосредственную близость дальневосточного региона России со странами Восточной Азии, российскими театроведами не обнаружено каких-либо заметных признаков взаимопроникновения азиатского и европейского театральных методов, хотя, например, восточный театр (китайский и корейский) существовал на дальневосточной территории России в период с конца 1920-х гг. до принудительной эмиграции представителей этих диаспор с Дальнего Востока (“первой и второй волны”). Творчество этих театров характеризовалось культурной изоляцией, и существовали они преимущественно как необходимый элемент социально-культурной адаптации китайцев и корейцев на чужой территории¹⁷.

Немаловажным аспектом культурного сотрудничества является снятие психологического синдрома “чужака”, свойственного нашему мироощущению, и обретение добрых эмоций. Осознавая свое евразийство, российские граждане естественным образом стремятся к полноте освоения палитры мировой театральной культуры. Еще более естественно это для Дальнего Востока России, ибо перед ним гостеприимно распахнулись двери близких азиатских соседей, которые также стремятся расширить свои представления о российской театральной школе. Важно, что несут наши соотечественники на заграничные сцены. В этом смысле ответственность культурных деятелей весьма велика. На этих примерах формируется представление о культуре страны. В свою очередь, нам приходится констатировать трепетное отношение носителей восточных культур к традиционным ценностям: известный китайский писатель Ван Мэн, встретившись с культурными деятелями России, с грустью отметил, что “в условиях стремительного развития глобализации, необходимо сохранить многообразие мировой культуры и самобытность национальных культур”¹⁸.

Известно, что в последние годы российское образование становится все более популярным среди китайской молодежи, ежегодно растет количество китайских студентов и стажеров, приезжающих для обучения в вузы Дальнего Востока. В рамках рассматриваемой темы интересно было выяснить, посещают ли эти студенты театры городов, в которых обучаются. С этой целью была составлена несложная анкета, включающая семь вопросов. В количественном отношении соцопрос, возможно, выглядит не слишком репрезентативным (было опрошено 114 чел. из двух вузов), однако четко определяющиеся мнения в ответах наших респондентов, абсолютное отсутствие какого-либо разброса в выбранных ими позициях дают основание убедиться в достоверности полученных результатов, которые были обработаны в лаборатории изучения общественного мнения Института истории ДВО РАН. Они подтвердили гипотезу: русское драматическое искусство молодому, даже образованному китайцу неинтересно. Более 70% опрошенных за время обучения (от полугода до двух с половиной лет) ни разу не посетили русский театр. Порядка 10% студентов сочли за театры сцены студклубов и выступления студентов на них, чем несколько сбили чистоту социологической выборки. И только 5% студентов сообщили, что посещали театр 1–2 раза, избрав мотивом посещения либо приятное времяпрепровождение, либо стремление расширить границы собственных познаний мирового искусства. Ни один респондент не выбрал позицию № 13, которая предлагала анкетирруемому “признаться в любви” к театру. В подтверждение своего предпоч-

тения музыкального театра, близкого китайскому зрителю, абсолютное большинство респондентов (около 95%) не проявили интереса к психологической драме. При только 50% из них, как выяснилось, “очень скучают” по родному национальному театру, остальные 40% выразили свою привязанность менее эмоциональной позицией — “немного скучают” и почти 10% признались в том, что “совсем не скучают” по нему.

Активное развитие культурных контактов продолжается с начала 1990-х гг. по сей день. Очевидно, что у российской общественности существует интерес к восточной культуре и расширению взаимных контактов и творческих обменов со странами Северо-Восточной Азии.

1. *Ларин В.Л.* Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: Материалы междунаро. науч. конф. Владивосток, 1997. С. 9.
2. Олонхо — древнее эпическое искусство якутов.
3. Народная идеология // Советы Якутии. Якутск, 1993. 18 февр.
4. *Спиридонов Г.* Судьба республики зависит от тебя // Советы Якутии. Якутск, 1991. 5 нояб.
5. *Стародубская Н.* Святая наука — расслышать друг друга... // Советы Якутии. Якутск. 1993. 21 июня.
6. ГАХК. Ф.Р-901. Оп.1. Д.165. Л.114, 115; ГААО. Ф.Р-172. Оп.1. Д.159. Л.2; ГАПК. Ф.507. Оп.1. Д. 117. Л.46. и др.
7. ГАПК. Ф.507. Оп.1. Д.117. Л. 31.
8. *Дадамян Г.Г.* Театр: вчера, сегодня, завтра // Основные проблемы социального развития России: Интеллектуальный и духовный потенциал нации. Театр в современной России (состояние и перспективы) // Аналитический вестник. М., 1997. № 4 (71). С. 36.
9. *Лебедева Н.А.* Российско-китайский культурный диалог — путь к взаимопониманию в XXI веке // Россия — Китай — Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке: Материалы Междунаро. науч. конф. Владивосток, 2000. С. 118.
10. Там же. С. 119.
11. *Щербаков К.А.* “Как жить театру?” // Основные проблемы социального развития России: Интеллектуальный и духовный потенциал нации. Театр в современной России (состояние и перспективы) // Аналитический вестник. М., 1997. № 4(71). С. 8.
12. *Чернявский А.* Этот мир стал без границ // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 2000. 2 дек.
13. Любовь по-русски и по-японски // Утро России. Владивосток, 2006. 23 июня.
14. Япония, открытая миру // Центр изучения современной Японии. М., 2007. С. 27.
15. ГАПК. Ф. Р. 1654, Оп. 1, Д. 47, Л. 8.
16. *Цупенкова И.* Выставка “Вишневый сад” на сцене японских театров” // Чеховский вестник. Южно-Сахалинск, 2003. № 12. С. 45.
17. *Королева В.А.* Китайские и корейские театры на дальнем Востоке России // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 45.
18. Окно. Россия и Китай смотрят друг на друга: рассказы, очерки, эссе. М., 2007. С. 10.

РФ и КНР: межкультурное взаимодействие в контексте трансформации региональной культуры (на примере Забайкальского края)

© 2010

В. Морозова

Статья затрагивает проблемы приграничного сотрудничества РФ и КНР в контексте межкультурного взаимодействия. Автор исследует процессы трансформации региональной культуры, рассматривает формирование новой социокультурной идентичности упомянутых регионов.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, региональная культура, социокультурная идентичность.

Вопросы региональной культуры отдельных территорий являются в настоящее время предметом исследования (как в России, так и за рубежом) во многих областях знаний, в том числе в таких междисциплинарных науках, как культурология, регионоведение. Выстроена теоретическая база изучения общекультурных процессов территорий; ведущие философы, социологи, культурологи обращают внимание на необходимость исследования региональных культур.

Сам термин "региональная культура" подразумевает совокупность культурных явлений региона как социально-исторического опыта живущих на конкретной территории людей, представителей разных социальных групп, национальностей, вероисповеданий. На протяжении многих веков на региональном уровне идет процесс взаимовлияния и взаимообогащения разнообразных культур.

Тем не менее, на сегодняшний день в науке еще не сложилась четкая концепция региональной культуры как целостного социокультурного, философского и историко-культурного феномена, оказавшего значительное влияние на формирование социокультурной идентичности.

Автор статьи придерживается определения термина "региональной культуры" как самобытного социокультурного феномена, имеющего собственное географическое пространство и реализующего потребность члена регионального сообщества в его самоидентификации.

На современном этапе развития процессов глобализации и регионализации международные контакты становятся все более интенсивными и разнообраз-

Морозова Валентина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения Читинского государственного университета, г. Чита. morozova1550@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям. Государственный контракт № 02.740.11.0363. от 20.07.2009 г.

ными, все большее количество стран и регионов вовлекается непосредственно в различные формы межкультурного взаимодействия.

Бурные политические и социально-экономические события XX — начала XXI вв. убедительно свидетельствуют, что межкультурные взаимоотношения являются весьма важными в жизнедеятельности современных государств и народов. Это находит свое выражение в объединении этнических общностей для формирования культурной целостности. Процессы расширения межкультурных связей доказывают тот факт, что как ни одна этническая общность не может жить без каких-либо взаимоотношений с другой, так ни одна региональная культура не способна существовать в абсолютной изоляции от культур соседствующих с ней регионов. Практически каждый регион в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других регионов и одновременно готов поделить свои собственными культурными достижениями и ценностями. Поэтому в настоящее время интерес исследователей вызывает не только вопрос об особенностях отдельного народа, но и проблема взаимодействия различных народов и их культур.

Каждая культура, обладая ценностью и являясь частью общего достояния человечества, требует уважения и сохранения, поэтому развитие региональной культуры является не только правом, но и долгом каждого народа, который стремится развивать все отрасли культуры, с тем, чтобы обеспечивать гармоничное равновесие между техническим и морально-интеллектуальным прогрессом человечества.

Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, собравшаяся в Париже на свою четырнадцатую сессию, приняла во внимание, что несмотря на технический прогресс, который облегчает развитие и распространение знаний и идей, незнание образа жизни и обычаев других народов все еще ставит препятствия мирному сотрудничеству и прогрессу всего человечества. В связи с этим была провозглашена Декларация принципов международного культурного сотрудничества, основными идеями которой являются:

распространение знаний, содействие развитию дарований и обогащение различных культур;

развитие мирных отношений и дружбы между народами и содействие лучшему пониманию образа жизни каждого из них;

обеспечение каждому человеку доступа к знаниям и возможности наслаждаться искусством и литературой всех народов, участвовать в прогрессе науки во всех частях земного шара, пользоваться его благами и содействовать обогащению культурной жизни;

улучшение условий материальной и духовной жизни человека во всех частях мира¹.

Межрегиональное культурное сотрудничество, содействуя установлению между народами прочных связей, оказывает благоприятное влияние на все культуры и способствует их взаимному обогащению, а также требует уважения самобытности каждой из них.

В настоящее время в межрегиональном дискурсе особую значимость приобретает понятие "граница". В социокультурном смысле граница призвана, конституируя свое пространство, становиться основанием социокультурной рефлексии, когда социокультурная идентичность строится на противопоставлении, что во многом определяет социальные действия. В ситуации, когда

сохранение целостности России зависит от устойчивых факторов, детерминирующих региональное своеобразие, процесс национальной идентификации в рамках региона, его позиционирование в масштабах страны, сопредельных территорий не может остаться без внимания².

Сегодня границы не просто разделяют государства и являются форпостом разных политических, экономических и культурных систем. Они становятся центром сотрудничества, где жизненные правила и социальные практики людей пересекаются.

Наиболее сильное изменение принципов и механизмов трансграничного взаимодействия (также и в культурной области) можно наблюдать на территории, приграничной территории Забайкальского края, где традиционное культурное самосознание, связанное с концептом “форпоста”, находящегося в непосредственной близости к враждебным соседям, приобретает в настоящее время иные черты, актуализируя основания для становления новой регионально-культурной идентичности.

Благодаря усиливающемуся трансграничному сотрудничеству на российско-китайской границе, мы можем говорить о мобильности этой границы и динамике приграничного пространства³. Важной чертой приграничного сотрудничества Забайкальского края является взаимодействие приграничной региональной пары Забайкальский край (РФ) — Автономный район Внутренняя Монголия (КНР). В этом кросскультурном взаимодействии формируется особый феномен — культурное приграничье. Под “приграничьем” в данном контексте понимается единое социокультурное пространство сопредельных регионов, которое структурируется трансграничными социокультурными сетями.

Формирование новой культурной идентичности актуализирует исследование приграничного культурного пространства как сферы взаимодействия региональных культур РФ и КНР.

Изучению региональной культуры Забайкальского края как единицы социокультурного пространства России посвящены исследования Н.А. Абрамовой, М.Н. Фоминой, Л.М. Михайловой, Ли Пин и др. В этих работах отмечается как сходство цивилизационных условий, историческая, территориальная, этническая близость населения приграничных территорий, так и незавершенность социокультурной идентификации населения.

Россия и Китай являются двумя великими государствами и, вместе с тем, двумя самобытными культурами. История взаимодействия культур обеих стран насчитывает несколько веков и на протяжении ряда этапов носила различный характер.

Относительно недавно в российско-китайских взаимоотношениях наступил качественно новый период. Россия и Китай перешли к стратегическому партнерству. Среди общественности двух стран непрерывно растет интерес по отношению друг к другу, развивается торгово-экономическое сотрудничество, расширяются контакты в области науки и культуры. Сейчас в обеих странах предпринимаются попытки наладить эффективное взаимодействие именно в культурной сфере, что приводит к появлению в ней целого сегмента региональной культуры, который можно рассматривать в качестве нового информационно-пространства межкультурной коммуникации.

Сама теория межкультурного взаимодействия (а именно аспект межкультурной коммуникации) как в России, так и в Китае, является молодым направле-

нием научных исследований и находится в стадии своего становления. Анализ китайских и российских работ показывает, что зачастую они лишь подводят итоги имеющихся подходов западных ученых. Так, работа китайского ученого Гуан Шицзе “Теория межкультурной коммуникации” (Пекин, 1995) и работа российских ученых Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова и А.П. Садохина “Основы межкультурной коммуникации” (М., 2002) во многом сходны по излагаемому материалу. Появляются и новые исследования. Среди них можно назвать исследование С.Г. Тер-Минасовой “Язык и межкультурная коммуникация” (М., 2000), в котором основным предметом рассмотрения стал ряд факторов, содействующих или препятствующих межкультурному взаимодействию⁴.

В современных условиях отношения между РФ и КНР представляют потенциально значимую силу. Говоря об общих чертах данных взаимоотношений, следует уточнить, что они не обусловлены сходством или различием в идеологиях. Обе страны, с уважением относясь к национальным ценностям, стремятся подчинить их общим интересам⁵.

19 декабря 2008 г. была подписана программа взаимодействия между министерствами культуры России и Китая⁶. Министр культуры РФ Александр Авдеев подчеркнул, что “основной целью данного соглашения является ознакомление с организацией сферы культуры в Китае”⁷. По его мнению, китайской стороне также будет интересно узнать, как развивается российская культура по отдельным направлениям, таким, как общественные библиотеки, музеи, театры, архивы, кинематограф⁸.

Председатель КНР Ху Цзиньтао в своем докладе на XVII съезде КПК также подчеркнул: “Необходимо уделять должное внимание гармоничному развитию урбано-сельской и региональной культуры”⁹.

Особое значение в межкультурном региональном взаимодействии имеют приграничные территории. Максимальная интенсивность межкультурного взаимодействия характерна для приграничных районов Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья по российскую сторону границы и административными единицами Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии со стороны КНР. Данные отношения являются весьма массовыми не только по количеству участников, но и по разнообразным формам взаимодействия, в них вовлечено большое количество людей и организаций. Тем самым по формату двусторонних связей российско-китайские отношения вышли за рамки политики и экономики, перешли от межгосударственных к межцивилизационным¹⁰.

Такого рода межкультурные связи вносят определенные изменения в культуру регионов. Происходит своего рода “размытие” границ. К примеру, участилась практика смешанных браков. В 2008 г. в Забайкальском крае было зарегистрировано около 650 семейных пар, в которых одним из супругов являлся гражданин КНР. Это подтверждает достаточно стремительное формирование тесных взаимосвязей между двумя государствами.

Стремительное развитие сферы туризма и приграничной торговли только усиливает данный контекст. Сегодня жителю Забайкальского края значительно дешевле и проще отправиться в отпуск в Китай, чем в западный или южный регион России¹¹. Благодаря весьма выгодной ценовой политике китайского государства в сфере туризма и торговли многие российские граждане предпочитают отправляться в отпуск или на выходные в соседний Китай, знакомятся с его историей, культурой, посещают обширные исторические достопримечательности этого государства, зачастую при этом абсолютно не интересуясь историей своего

государства, а это в свою очередь приводит к потере своей национальной идентификации.

Таким образом, мы наблюдаем явные признаки процесса культурной регионализации в международном аспекте, проявляющиеся не только в активизации межкультурного взаимодействия на разных уровнях, но и в определенной формализации самого межкультурного пространства.

Так, к примеру, за период с 2006 по 2009 гг. правительством Забайкальского края было проведено порядка 50 мероприятий, в числе которых презентация региона в российском посольстве Пекина. Также было отмечено проведение трехстороннего международного российско-китайско-монгольского праздника "День туризма". В числе мероприятий — встречи ветеранов приграничных регионов в Чите и Хайларе, международная велогонка "Путь к Пекину" по маршруту Чита—Маньчжурия, международный фестиваль детско-юношеского творчества "Тураненок" с участием коллективов из России, КНР и Монголии. Ежегодно в г. Маньчжурия проходит традиционный конкурс красоты "Снежная королева" с участием представителей РФ, КНР и Монголии. Третий год организуется международная выставка-ярмарка "Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия", а также проводящаяся в ее рамках международная научно-практическая конференция.

Говоря о международных выставках, в которых принимал участие Забайкальский край, было отмечено, что перед правительством края была поставлена задача по ознакомлению представителей широких слоев китайского общества с традициями, обычаями, экономическими возможностями и инвестиционным потенциалом региона. Главными инструментами для выполнения этих целей стали презентация Забайкальского края, которая прошла в Посольстве РФ в Пекине и XVII Харбинская торгово-экономическая ярмарка в провинции Хэйлуцзян. По признанию китайских участников данных презентаций, деловые круги в центральных и южных провинциях КНР практически ничего не знают не только об инвестиционном потенциале Забайкальского края, но и о географическом положении нашего региона. Проведение презентаций помогло заполнить существующий информационный вакуум, что в будущем, несомненно, сыграет свою положительную роль.

Одним из наиболее значимых городов китайского приграничья в контексте межкультурного взаимодействия является г. Маньчжурия. Город получил статус "цивилизационного порта общегосударственной важности", т.к. обладая культурной спецификой, исторически связанной с Россией, он создает особенный стиль "российско-китайского культурного слияния"¹².

Межкультурное взаимодействие России и Китая, несомненно, обладает рядом особенностей, которые определяются цивилизационным, историческим, политическим, экономическим, социальным, географическим и другими факторами. Однако действие этих факторов в целом благоприятно сказывается на процессе взаимодействия двух региональных культур и позволяет говорить об особенных отношениях, существующих между Китаем и Россией. Несмотря на существенные различия двух культур и менталитетов, межкультурное взаимодействие России и Китая происходит главным образом не в форме противостояния, а в форме межцивилизационного диалога — необходимого условия для развития региональных культур обеих стран.

Как представляется, усиление международной составляющей развития отдельных элементов региональной культуры вовсе не означает утраты ими сво-

ей самобытности. Речь идет о том, что в процессе межкультурного взаимодействия происходит формирование новой формы социокультурной идентичности, где в наиболее эффективных формах могли бы реализовываться национальные интересы ее участников и осуществляться совместный поиск решения проблем, имеющих жизненно важное значение для человеческой цивилизации в целом.

Так как Забайкальский край является воротами в Азию не только для Дальнего Востока России, но и для ряда западных регионов страны, то в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР основой культурной идентичности для населения Забайкалья может стать соединение восточного и западного начал. Становление Забайкальского края как универсального посредника между АТР и Европой способно сгладить межцивилизационные противоречия, вывести диалог между этими регионами на принципиально новый уровень.

В настоящее время очевиден тот факт, что Китай расширяет сферы своего влияния не только с позиций экономики и политики, но и с позиции культурного обмена между государствами. Привнося новые элементы в культуру соседнего государства, Китай так же заимствует определенные рациональные элементы культуры этой страны. Такое взаимодействие в свою очередь, несомненно, приводит к трансформации процессов идентичности народов обеих стран. Однако, как показывает китайский опыт, региональная культура в данном случае ассимилирует в себе необходимые ей нововведения, адаптирует их с точки зрения традиционной культуры и использует для дальнейшего развития.

1. Декларация принципов международного культурного сотрудничества ООН. — <http://un.by/documents/humrights/rightstouse/culturetx1.html>.
2. Подписана программа взаимодействия между министерствами культуры России и Китая. — <http://www.rian.ru/politics/20020307/85046.html>.
3. Пылкова А.А. Приграничье как феномен культуры: на примере Дальнего Востока России: автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. — http://www.dissers.info/abstract_15488.html.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 624 с.
5. Балакин В.И. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства в глобализирующемся мире // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации М., 2005. С. 18—41.
6. Подписана программа взаимодействия между министерствами культуры России и Китая. — <http://www.rian.ru/politics/20020307/85046.html>
7. Россия и Китай выступают за создание надежной системы стратегической стабильности, основанной на международно-правовых механизмах. — <http://www.rian.ru/politics/20020307/85046.html>
8. Пылкова А.А. Указ. соч.
9. Ху Цзиньтао. Доклад на 17-ом съезде КПК. — <http://www.anctc.ru/inform/textnews/2007-10-24/44418/?site=2>
10. Бабкина Е.С. Своеобразие историко-философской парадигмы "Восток-Запад" в творчестве Б.А. Пильняка // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 143.
11. Ларин В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 47.
12. Ли Пин. Формирование культурного пространства в приграничных регионах КНР и России (на примере Забайкальского края и Автономного района Внутренней Монголии КНР) // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5 (50). С. 134—137.

Научная жизнь

“Две тыквы на одном стебле”: проблемы современного китаеведения на конференции в Пекине

30–31 октября 2009 г. в Пекине в Народном университете Китая состоялась Вторая всемирная синологическая конференция, посвященная теме “Синология и межкультурные контакты”. В рамках научного форума работали шесть секций, на которых развернулось обсуждение отношений между синологией и диалогом культур, синологией и изучением истории, китайской литературой, переводом китайских классических текстов, китайской оперой. Состоялся “Форум Институтов Конфуция”, на котором китайские и зарубежные участники рассказали об опыте преподавания китайского языка и культуры в иноязычной среде. Были организованы два круглых стола: один был посвящен изучению обнаруженных археологами неизвестных прежде ученым китайских текстов, другой — взаимодействию между китайской литературой и современной синологией. В конференции приняли участие свыше ста ученых из различных учебных и исследовательских организаций КНР, около двадцати человек представляли Тайвань, Сянган и Аомэнь, также присутствовали полсотни иностранных гостей.

Организаторами мероприятия выступили Народный университет Китая и Ханьбань (канцелярия по распространению китайского языка за рубежом) при поддержке министерства образования КНР. На открытии конференции заместитель министра образования КНР Хао Пин выразил надежду на укрепление образовательной и исследовательской работы в области изучения мирового китаеведения, расширение сотрудничества и контактов в этой сфере. Было зачитано обращение члена Политбюро ЦК КПК члена Госсовета КНР Лю Яньдун, в котором подчеркивался уникальный статус синологии как научной дисциплины, способствующей углублению обменов и взаимного понимания между культурами Китая и Запада. Также было отмечено, что создание за рубежом многочисленных Институтов Конфуция создает “беспрецедентные хорошие условия” для развития иностранной синологии и подготовки кадров китаеведения.

Директор Ханьбань Сюй Линь сообщил участникам конференции, что в 87 странах и регионах созданы более 280 Институтов Конфуция и более 200 Аудиторий Конфуция. По состоянию на третий квартал 2009 г. на всех уровнях проводилось более 8 тыс. курсов китайского языка, число зарегистрированных студентов превышало 200 тыс., прошло свыше 6 тыс. культурных мероприятий в кото-

рых приняли участие более 2,5 млн чел. Во время открытия конференции состоялась торжественная церемония символического открытия вывески “Международной базы подготовки молодых китаеведов” (*Гоцзи циннянь ханьсюэцзя яньсю цзиди*) при Народном университете Китая. Предполагается, что главной целью базы станет обучение для работы в Институтах Конфуция высококвалифицированных сотрудников, способных преподавать курсы по китайской культуре.

Важным направлением деятельности Ханьбань становится содействие “выходу вовне” китайской культуры. За пару дней до начала работы конференции заместитель директора Ханьбань Ма Цзяньфэй сообщил журналистам об успешном продвижении работы над переводом классических текстов Четверокнижия (*сы шу*) и Пятиканония (*у цзин*) на восемь иностранных языков для распространения за рубежом. К этому проекту уже привлечены ведущие зарубежные синологи. По его словам, английский текст “Лунь юй” будет готов в 2010 г., перевод на английский язык Пятиканония намечено выполнить в течение трех лет. За пять лет будут выполнены переводы Пятиканония на немецкий, французский, испанский, русский и другие языки.

Народный университет Китая еще в 2005 г. создал Институт “национального учения” – *госюэ*, откликнувшись на интерес китайской интеллигенции к всестороннему постижению традиции и унаследованию классики. В своем обращении ректор университета Цзи Баочэн подчеркнул, что иностранные синологи изучают Китай с помощью собственных методов, их научные традиции и культурные воззрения не такие, как у интеллектуалов в Китае. Если зарубежные исследования Китая и впитывание Западом восточной мудрости можно считать первым уровнем межкультурного обмена, то восприятие мировой синологии китайскими научными кругами позволяет углубить контакты между культурами. Взаимодействие иностранных синологов и китайских ученых полезно тем, что оно позволяет преодолеть ограниченность в восприятии собственной культуры, возвыситься над историческими традициями, ценностными воззрениями, эстетическими предпочтениями и национальной идентичностью.

В оформлении университетского конференц-зала Светлой добродетели (*Миндэтан*) идея культурного диалога была выражена в форме парной надписи. Слева от сцены была расположена цитата из древнекитайского памятника “Чжоу и” “вместе приходят разными путями” (*тун гуй эр шу ту*). Справа — переведенное на китайский изречение древнегреческого философа Гераклита “тот путь и этот путь” (*цы лу юй би лу*). Общая тема различия и схожести путей движения была призвана передать ключевую для конференции идею межкультурного обмена. Вместе с тем, даже на этом символическом уровне выявилась сложность взаимодействия культур — некоторые выступающие признавали, что хорошо знают фразу из “Чжоу и”, но цитата из Гераклита выглядит в таком переводе незнакомой и не вполне понятной.

С первым научным докладом на пленарном заседании выступил авторитетный британский синолог старшего поколения Майкл Лева (Кембриджский университет). Он поставил вопросы о том, каким образом конфуцианство утвердилось при династии Хань и стало ортодоксальной идеологией. В центре доклада была проблема авторства текста “Чуньцю фаньлу” и его связь с мыслителем ханьской эпохи Дун Чжуншу. Профессор Лева подчеркнул, что характеристика Дун Чжуншу как основоположника “ханьского конфуцианства” является преувеличением. Он заключил, что конфуцианство стало системой лишь при Восточ-

ной Хань, Дун Чжуншу не играл в этом процессе большой роли, а в тексте “Чунью фанлу” ему принадлежат лишь отдельные фрагменты.

Профессор Ли Сюэцин (Университет Цинхуа) поделился своим видением современного значения китайских классических текстов в контексте развития мировой синологии. Он отметил, что синология (*ханьсюэ*) появилась в XVI—XVII вв., когда началось проникновение западной культуры на Восток и китайская культурная традиция встретилась с западной. В этом контакте на Западе появилось *ханьсюэ*, а в Китае — “западное учение” (*сисюэ*). Становление синологии как науки, изучающей историю, культуру и язык Китая, происходило на рубеже династий Мин и Цин, когда китайское общество уже стояло на пороге исторических перемен, и западные ученые понимали это. Позднее ответом на разделение *ханьсюэ* и *сисюэ* стало появление понятия “китайское учение” (*чжунсюэ*), которое стало частью формулы “китайское учение как основа, западное учение для применения”. По мнению докладчика, из этой трактовки “китайского учения” выросло нынешнее понимание “национального учения” (*госюэ*), испытавшее на себе влияние дискуссии о культурах Китая и Запада времен Движения 4 мая.

Докладчик напомнил, что известный китайский мыслитель начала XX в. Ван Говэй полагал, что учение не делится на китайское и западное, поскольку наука, философия и литература есть в обеих культурах. Похожая точка зрения была у влиятельного конфуцианского мыслителя и историка прошлого столетия Цянь Му: он читал в университете курс “национального учения”, но при этом был уверен, что это понятие не просуществует долго — ведь в учении (*сюэ*) нет разделения между Китаем и Западом. В заключение профессор Ли Сюэцин напомнил, что в конце XX в. благодаря развитию археологии были найдены неизвестные древние тексты из Мавандуя и Годяня. Наступил период, когда ученые заново обнаруживают и познают китайские классические тексты, что, по мнению докладчика, создает основу для появления новой синологии — *ханьсюэ*.

На пленарном заседании в день открытия конференции выступил известный религиозный и общественный деятель Ганс Кюннг, уже несколько десятилетий продвигающий по всему миру свою концепцию “глобальной этики”. Он преподает в Тюбингенском университете и сохраняет сан католического священника, хотя Ватикан не считает его доктрину частью нормативной церковной теологии. В начале доклада он особо подчеркнул, что выступает не как синолог и не как миссионер. Профессор Кюннг призывает к углубленному изучению основ различных религий для налаживания межрелигиозного диалога, без которого, по его мнению, невозможно добиться мира между религиями и между странами. В докладе “Традиционная китайская этика как основа для глобальной этики” он обобщил свои впечатления от прежних обсуждений этой проблемы с китайскими учеными, полагающими, что главным вкладом китайской этики в глобальный проект может стать идея единства в многообразии (*хэ эр бу тун*). Помимо выявления общих этических и религиозных принципов разных традиций (не убивай, не кради, не прелюбодействуй и т.д.), следует поразмыслить о возможности обогащения глобальной этики специфическими китайскими концепциями, среди которых конфуцианская гуманность и призыв не делать другому то, чего не желаешь себе.

Мировой кризис, по словам докладчика, показал неспособность США, Евросоюза, России или Японии в одиночку создать глобальную финансовую систему или новую конструктивную парадигму международных отношений. Для этого потребуются усилия возвышающихся стран, особенно Китая и Индии. По мнению профессора Кюннга, Китай сможет играть важную роль в мировой политике лишь

после того, как переосмыслит свою этическую традицию и реализует внутри страны “больше настоящей демократии”. Докладчик заявил, что если китайская этика будет подчеркивать только иерархические отношения, то у нее нет будущего, которое появится в том случае, если в центре внимания окажутся человек и моральность действий. Китайская трактовка человека как элемента общества, а не изолированного индивида, поможет построить отношения людей на основе всеобщей этики, а не своекорыстия. Миру требуется новый экономический порядок, который направлял бы людей к моральному долгу и социальной ответственности, признавая разумное стремление к выгоде. Для движения в этом направлении, полагает профессор Кюнг, нужно не прибегать к использованию силы в политике, стремиться к гармонии человека и природы, развивать гармоничные отношения экономики и экологии.

Известный китайский философ и культуролог Тан Ицзе (Пекинский университет) представил доклад “Поиск всеобщих ценностей в культурах”. Тема “всеобщих ценностей” (*пуши цзячжи*) стала в последние годы в КНР источником острых дискуссий с политической подоплекой. Критики выступают против попыток навязать Китаю западные стандарты демократии и прав человека в качестве “всеобщих ценностей”, однако многие представители интеллигенции не согласны с полным отрицанием существования “всеобщих ценностей”. Они указывают, что односторонний акцент на национальной специфике изолирует Китай от внешнего мира, препятствуя не только проникновению идей извне, но и проекции китайских взглядов во внешний мир — они там просто не нужны, если ценности не обладают всеобщностью.

Тан Ицзе предложил свое решение этой проблемы на основе различия “универсализма” (*пубяньчжуи*) как претензии одной культуры на всеобщность и “всеобщих ценностей”. В поисках аргументов в поддержку этой позиции ученый обратился к исследованиям тех иностранных синологов, которые полагают, что китайская традиция способна обогатить мировую культуру, привнести в нее уважение к природе и к другим людям, исправить недостатки западного либерализма. Подобный интерес иностранцев к китайской культуре показывает, что в ней содержатся всеобщие ценности. Вклад синологов заключается в том, что их труды помогают отыскивать в культурах различных народов элементы всеобщих ценностей, которые могут скрываться внутри специфических ценностей культур. Докладчик заявил, что появившиеся в Китае попытки отрицания всеобщих ценностей культуры ошибочны, этот путь ведет к культурному релятивизму. Ведь если считать, что существуют только относительные истины, то будет очень сложно развивать осмысленный диалог между различными народами, еще труднее будет сформировать общий взгляд на проблемы, что в итоге может ввергнуть человечество в бедствия.

Ученый сослался на идеи французского философа и сиолога Франсуа Жюльена, по мнению которого для познания собственной культуры от нее следует сперва отдалиться, при этом наилучший путь к постижению европейской культуры пролегает через изучение китайской как наиболее “внешней” по отношению к ней. Этот обходной путь движения мысли, когда она возвращается к постижению Европы через Китай, может содержать ценный урок для китайского “национального учения”, которое также могло бы двигаться к постижению своей традиции через обращение к западной. Докладчик заметил, что современные ученые на Западе в ходе исследования Китая сознательно стараются отбросить

собственный этноцентризм, однако при этом от понимания культурно-исторического опыта Китая они движутся к постижению собственной культуры.

Тан Ицзе подчеркнул, что волна увлечения *госюз* в современном Китае нацелена на унаследование национальной исторической и культурной традиции, однако интеллектуалам необходимо преодолевать националистические эмоции. Европоцентризм не имеет перспективы, но китайцам не нужно создавать собственный “китаецентризм” и заявлять о том, что “китайская культура может спасти мир”. Несмотря на заметный прогресс в области научных исследований и теории, Китай в этих сферах еще не внес свой вклад в развитие человечества. Примечательно, что докладчик завершил свое выступление цитированием высказывания российского философа-китаеведа академика РАН М.Л. Титаренко, услышанного на конференции в Шанхае в 2004 г.: “Китай добился огромных успехов, только не нужно зазнаваться”. Тан Ицзе призвал китайских ученых больше обращать внимание на сильные стороны научных традиций других стран, избегая при этом самоуничижения и недооценки богатства ресурсов собственной культуры.

Торбьерн Лоден (Стокгольмский университет) в своем выступлении заявил, что тезис о существенном различии культур Китая и Запада является “мифом”, истоки которого восходят к начальному периоду контактов между ними. Докладчик привел в качестве примера два широко распространенных мнения. Те, кто видит преимущества у Запада, полагают, что идея выхода за пределы этого мира неотъемлема от современной культуры, но в традиционном Китае ее не было. С другой стороны, те, кто призывает вернуться к китайской традиции, подчеркивают важность идеи “единства Неба и человека”, при этом они думают, что в Европе ничего подобного не было. Докладчик выразил несогласие с обеими позициями, подчеркнув, что несмотря на различия в концептуальных формах выражения, эти идеи присутствовали как в Китае, так и на Западе. Он заметил, что в наши дни многие китайцы гордятся своей традиционной культурой и ее уникальностью. Однако акцент на “особости” означает, что мы продолжаем считать культуры Китая и Запада существенно отличающимися друг от друга. В современном глобальном мире у людей появляются общие требования и проблемы поэтому признание особенности каждой культуры и каждого человека предполагает также наличие некоей всеобщей основы, выражающей себя в особом.

Профессор Лю Сяофэн (Народный университет Китая) обрел известность в 1990-е гг. благодаря исследованиям китайской культуры и проблем ее взаимодействия с христианством. Его выступление на конференции был посвящено анализу научной деятельности зарубежных китайцев, обосновавшихся в западных университетах, прежде всего — в США. Докладчик подчеркнул, что эти исследователи испытывают влияние идеологии американских научных кругов, хотя при этом они остаются китайцами. Проблема возникает в том случае, если работа по обоснованию политических интересов страны пребывания не совпадает с защитой интересов Китая.

В качестве примера выступающий указал на вышедшую в 1963 г. книгу профессора политологии Чикагского университета Цзоу Дана “Провал Америки в Китае”¹. Появившаяся в период враждебности между КНР и США монография демонстрирует “моральность” американского подхода к Китаю и заинтересованность Соединенных Штатов в его превращении в крупное влиятельное государство. По мнению Лю Сяофэна, эти аргументы не выдерживают критики, поскольку в конце XIX в. США выступали за равный доступ всех стран на рынки Китая и за сохранение его территориальной целостности ради обеспечения собственных

корыстных интересов. В книге отмечается, что США не подкрепили свою “моральную позицию” делом и не вмешались ни во время войны Китая против японской агрессии, ни во время гражданской войны между Гоминьданом и КПК. По мнению докладчика, после завершения Второй мировой войны США не допустили Китай к контролю над побежденной Японией и взяли плоды победы в свои руки, поэтому нет оснований говорить о “поражении” Америки в Китае.

Лю Сяофэн подчеркнул, что в книге Цзоу Дана присутствует тезис о том, что в 1945 г. США хотели создать сильный единый демократический Китай. Выступающий заметил, что этот вопрос важен для обсуждения проблемы межкультурных исследований, поскольку он касается фундаментальной политической предпосылки демократии. Возможно, кто-то будет растроган тем, что США хотели помочь Китаю продвинуться в этом направлении, однако другие могут сказать, что это желание американского правительства показывает, что тогда Китай был не сильным, не единым и не демократическим. И тут, замечает Лю Сяофэн, возникает вопрос о том, почему до XVIII в. Китай был сильным и единым, в конце правления династии Цин — уже не сильным, но еще единым, а к середине XX в. утратил единство. Докладчик напомнил, что Китай стал первым в Азии государством, вставшим на путь политической демократии, однако вслед за этим в стране наступила внутренняя смута. В древности в Китае не было лишь демократии, однако межкультурные контакты в современном мире основаны на демократической политике и ценностях просвещения. Бытует мнение, что китайский раскол XX в. вызван созданием демократического государства в 1911 г., и это, по словам Лю Сяофэна, показывает, что межкультурные исследования сталкиваются ныне с реальными трудностями.

Пленарное заседание во второй день работы конференции открыло выступление Йозефа Галика (Словацкая Академия наук), сравнившего концепции божественной природы власти в китайской летописи “Цзо чжуань” и Библии. Профессор Янь Шаодан (Пекинский университет) поделился своими соображениями о перспективах превращения “международного изучения Китая” (*гоцзи Чжунго сюэ*) в КНР в полноправную научную дисциплину². Он отметил, что восприятие китайцами мировых исследований китайской культуры вышло на новый уровень. В этой сфере появились профессиональные научные кадры, опубликовано значительное количество работ, созданы специализированные учебные курсы (с 1989 г. — магистерские, с 1998 г. — докторские, с 2000 г. — постдокторские), образующие целостную систему научной подготовки. С трибуны конференции профессор Янь Шаодан обратился к комитету по ученым степеням Госсовета КНР ввести в список гуманитарных и общественных дисциплин специальность “международные исследования китайской культуры”. Он заметил, что для выбора названия новой дисциплины нужно “исправить имена”, чтобы задать правильное русло для ее дальнейшего развития. В частности, хотя наименование синология-ханьсюэ получило наибольшее распространение, оно уже не подходит к международному изучению китайской культуры в XXI в. Современной дисциплиной является “изучение Китая” (*чжунгосюэ*), она охватывает изучение культур других народов Китая помимо ханьцев. Докладчик также заметил, что изучение Китая в каждой стране подвергается воздействию местной идеологии и культуры мышления, поэтому китайцам нужно выходить за привычные рамки собственного “культуроцентризма”, им следует искать в работах зарубежных ученых следы присутствия культурного “иного”.

Бонни Макдугалл (Университет Эдинбурга) поделилась размышлениями об опыте “обмена дарами” между иностранцами-переводчиками и китайскими писателями в конце 1970-х. Обычно считается, что люди старшие и с более высоким социальным положением дают более крупные дары, но сами их не принимают. Однако в отношениях китайских авторов и иностранных переводчиков складывалась обратная ситуация, поскольку последние не учитывали разницу в экономических моделях и в уровнях развития своих стран и Китая. По мнению докладчика, в Китае в то время личные связи давали доступ к товарам и услугам в не меньшей степени, чем деньги в рыночных экономиках. Для иностранцев сближение с китайцами открывало шанс приобщиться к китайской культуре и понять китайское общество, они также получали произведения для перевода, но в ответ не делали встречных даров — прежде всего в форме товаров и услуг, которые в то время были недоступны для китайцев. Профессор Макдугалл заметила, что китайские литераторы не понимали, почему иностранцы не отвечают им дарами. В ходе обсуждения этой темы китайские участники заметили, что содержание выступления переплетается с личным опытом докладчика, тогда как на деле в качестве “дара” может выступать не только предоставление авторского текста для перевода, но и сам перевод, открывающий писателю возможность общения с иностранной читательской аудиторией.

В докладе о компаративном изучении руководящего слоя традиционного китайского общества профессор Чэнь Циюнь (Университет Калифорнии) попытался примирить китайское традиционное понятие о конфуцианских чиновниках-ученых (*ши*), марксистскую концепцию “феодалных помещиков” и веберинский анализ бюрократической элиты. По его мнению, конфуцианцы не разглядели экономическую прослойку общества, в их трактовке служилые-*ши* не говорили о деньгах и выгоде, поэтому марксистский взгляд может оказаться полезным. “Феодалные помещики” не были правящим классом, но у них была своя функция — они руководили поклонением предкам и местным божествам, к праздникам собирали деньги и организовывали людей для религиозной деятельности. По многим вопросам стремились сперва обратиться не к чиновникам, а к помещикам, которые частично выполняли судебные функции и тем самым, по словам профессора Чэнь Циюня, вносили в те времена вклад в “строительство гармоничного общества”. Он заметил, что для обозначения китайского образованного чиновника мало подходит иностранное понятие “бюрократ”, не раскрывающее принадлежность к интеллектуальной элите. В традиционном Китае сочетание “помещик — ученый — чиновник” отражало устойчивое соединение экономической, культурно-образовательной и политической элиты, которая была способна ограничивать и уравнивать абсолютную власть правителя.

Примечательный пример воздействия критического отношения к западным ценностям на оценку китайской культуры продемонстрировал доклад известного теолога Дуайта Хопкинса (Университет Чикаго). Его сфера интересов относится к социальным проблемам преодоления расовой дискриминации и неравенства (“черная теология”, “теология освобождения”), представители этих течений в США зачастую выступают с резкими риторическими выпадами в адрес государственной политики и западной цивилизации. В докладе профессора Хопкинса “Китай XXI века — американская перспектива” подчеркивалось, что Китай может играть роль мирового лидера с помощью позитивного примера, а не военной силы. Этому способствуют ценности, заложенные в китайской традиции — ценность семьи, акцент на гармонии, творческое впитывание различий,

высокоэффективный стиль труда. По мнению выступающего, на основе этих ценностей Китай может сплотить семью разных народов в мире и процветании, ведь китайская культура подчеркивает важность гармоничных отношений как между человеком и природой, так и среди людей, она принимает, а не отвергает различия.

Профессор Хопкинс противопоставил семейную сплоченность китайцев раздробленности поколений внутри западной семьи, подчеркнув, что в Китае дети почитают родителей, а на Западе никто не думает о государстве как о семье. Индивид в Китае является частью коллектива, для китайцев важна гармония во всем, что дает им возможность наслаждаться жизнью вместе с другими людьми, уважать законы и коллектив. Благодаря отказу от крайностей в Китае могут сосуществовать две возможности одновременно: китаец скорее скажет “возможно”, когда на Западе люди говорят “да” либо “нет”. Докладчик предположил, что Китай сможет привнести в мир дух гармонии, который нужен везде — от семьи до межгосударственных отношений. На Западе господствует крайний индивидуализм и там боятся иного (религии, экономического и политического строя, людей) и воспринимают его с враждебностью. Тем временем Китай все впитывает и учится, он создал творческую экономическую модель, вышел за пределы противопоставления Востока и Запада, капитализма и социализма. Более того, если в США люди работают с мыслью об отдыхе в ближайшие выходные дни, то китайцы все время старательно трудятся и думают об отдаленных целях, эффективность их труда выражает моральные принципы, что открывает Китаю шанс на мировое лидерство в нынешнем столетии. Складывается впечатление, что приведенные в докладе профессора Хопкинса противопоставления Китая и Запада относятся к идеализированным обобщенным стереотипам восприятия двух культур, поскольку на уровне конкретного анализа китайская реальность является куда более сложной и неоднозначной.

Заместитель председателя ПК ВСНП Сюй Цзялу в своем выступлении заметил, что китайцы могут изучать зарубежные синологические исследования в соответствии со своими представлениями о содержании “национального учения”-*госюэ*, охватывающего философию, литературу и историю. Такое дисциплинарное разделение пришло в Китай с Запада и внесло позитивный вклад в развитие современных общественных наук, но, вместе с тем, оно не полностью подходит для исследования китайской культуры, поэтому многие ученые предпочитают говорить о *госюэ* или *ханьсюэ*, предлагают ввести их в систему официально признанных научных дисциплин. Докладчик подчеркнул, что в межкультурном диалоге очень важно стремиться к уяснению способов мышления других наций. Перевод китайских классических текстов на Западе начался еще 400 лет назад, но у европейско-греко-иудейской культуры иной менталитет, поэтому было трудно избежать влияния собственных культурных представлений и привычек. То же происходило в Китае при понимании западных текстов и научных работ.

Сюй Цзялу призвал китайских ученых обратить повышенное внимание на инструменты, которые используют зарубежные коллеги в изучении синологии-*ханьсюэ*. Речь идет, прежде всего, о методах анализа и доказательства, фундаментальных концепциях философии и других наук, выборе научного языка. Одновременно китайские ученые должны отбросить несоответствующие реальности суждения о том, что “иностранные исследования Китая всегда уступают китайским” и отказаться от стремления критиковать исследования зарубежных ученых с опорой на привычные научные методы и подходы. Докладчик подчеркнул, что Китаю нужны не только разные точки зрения со всего мира, но и приме-

няемые за рубежом методы и инструменты исследования, выразив уверенность, что иностранным синологам также нужен исследовательский инструментарий, которым пользуются китайские ученые.

В межкультурных исследованиях требуется проводить сравнения, и это обуславливает необходимость уважения к иному. В китайской культуре предпосылкой гармонии-хэ выступает отличие-и, а не тожество-тун, поэтому нужно искать различие между собой и иным, чтобы достичь с ним гармонии. Сюй Цзялу заметил, что в китайской культуре есть всеобщие ценности, к ним относятся некоторые этические воззрения и представления о единстве человека и Неба. С другой стороны, хотя в европейско-греко-иудейской культуре есть явно не всеобщее, что особо продемонстрировали две мировые войны и нынешний финансовый кризис, содержащиеся в ней идеи уважения к равенству и концепция индивида внесли вклад в прогресс человеческого общества. Мышление китайцев стремилось к целостности, взаимосвязи и непроясненности, тогда как на Западе господствовали дуализм, анализ и четкость — однако, именно они были более всего нужны в научной сфере. Выступающий подчеркнул, что в каждой культуре есть всеобщие элементы, но не существует всеобщей культуры, поэтому как чужую, так и свою культуру нельзя полностью отрицать либо полностью принимать.

Докладчик образно назвал мировое Китаеведение-ханьсюэ и китайское госюэ “двумя тыквами на одном стебле” — уже несколько столетий они развиваются вместе, переживают общие подъемы и упадки. За рубежом Китаеведение страдает от недостатка финансирования и кадров, в Китае госюэ сталкивается с системными ограничениями, сотрудничество двух дисциплин относится к далекой перспективе, но надежда на это все же есть. Сюй Цзялу заметил, что в Китае продолжается процесс осмысления потерь в сфере традиционной культуры и путей построения культуры новой эпохи, что указывает на неизбежность развития госюэ. При этом в системе образования и науки приближается новая волна реформ, которая нацелена на снятие преград, сковывающих исследования и систему подготовки кадров, и это, по мнению докладчика, поможет разрушить препятствия в изучении госюэ.

В конференции приняли участие трое российских ученых. Ирина Попова (Институт восточных рукописей РАН) рассказала об истории изучения и преподавания китайского языка в Санкт-Петербурге. Александр Ломанов (Институт Дальнего Востока РАН) охарактеризовал в своем докладе многотомную “Энциклопедию духовной культуры Китая” как “зеркало русской синологии”, в концентрированной форме отразившее накопленные за несколько столетий результаты исследований. Кирилл Солонин (Санкт-Петербургский государственный университет) выступил с докладом “Тангутский буддизм в восточно-азиатском контексте”.

Ярким событием конференции стал круглый стол, посвященный взаимодействию китайской литературы и современной синологии. Он состоялся утром в воскресенье 1 ноября уже после церемонии закрытия научного форума. Тем не менее, зал был переполнен желающими последить за происходящим и поучаствовать в дискуссиях. Особый интерес вызывало присутствие немецкого сиолога Вольфганга Кубина (Боннский университет), занимающегося исследованием китайской литературы и поэзии. Ученый обрел известность в СМИ КНР после того, как осенью 2006 г. в интервью “Немецкой волне” назвал произведения двух современных китайских литераторов “мусором”. Это высказывание в Китае было истолковано как характеристика всей современной литературы, что обусловило появление ряда критических высказываний в адрес немецкого сиолога, которо-

го обвинили во “враждебном” настрое³. Весной 2007 г. профессор Кубин был участником Первой всемирной синологической конференции в Народном университете. Тогда он заявил, что до 1949 г. китайская литература была частью мировой, но теперь, за исключением поэзии, она к ней не относится и может быть сопоставлена с пекинской водкой “эрготоу” — дешевым массовым продуктом. Эти слова вызвали с китайской стороны новую волну критики и рассуждений о том, что крепкий напиток “эрготоу” вовсе не так плох.

На этот раз оживленные споры о том, можно ли судить китайскую литературу и культуру в целом с позиции западных ценностей, развернулись среди китайских участников дискуссии. Профессор Пекинского университета Хун Цычэн процитировал слова Гань Яна — одного из заметных представителей современного течения “новых левых” — сказавшего, что китайские ученые “должны китайским способом исследовать Китай и западным способом исследовать Запад”. Выступающий не стал спорить с этой позицией и счел ее в целом правильной, заметив, что с помощью западных подходов будет трудно понять современную китайскую социалистическую культуру и литературу. Он выразил надежду, что зарубежные синологи станут больше понимать китайские дела, но при этом не станут чрезмерно “китаизироваться”.

Гао Дунфэн (Столичный педагогический университет) заметил, что большое влияние на китайские дискуссии в области литературы оказали две появившиеся в начале 1990-х гг. статьи — в одной синология провозглашалась “колониальной дисциплиной” наподобие ориентализма в описании Эдварда Саида, в другой утверждалось, что Лу Синь позаимствовал оценки национального характера китайцев из работ иностранных миссионеров. Отсюда выросли упрощенные суждения о том, что критика в адрес традиции и национального характера пришла в китайскую литературу извне, как будто у китайской интеллигенции начала столетия не было своих оценок происходящего, и единственным источником критических оценок были работы иностранцев. Выступающий не согласился с теми, кто с националистических позиций утверждает, что кризисное положение Китая в начале XX в. было вызвано разрывом с традицией, критикует западных сиологов с позиции постколониализма и ориентализма, осуждает за радикализм просветительский дух Движения 4 мая. Он заметил, что нынешние проблемы Китая могут корениться в отрыве не от традиционной культуры, а от традиции Движения 4 мая.

Вольфганг Кубин заметил, что “изучать Запад западным методом” не получится, потому что, к примеру, в немецкой литературе XX в. многие авторы подверглись китайскому влиянию. Большое воздействие в 1920-е гг. оказал перевод “Даодэцзина”, который сделал немецкий синолог Рихард Вильгельм. С другой стороны, выступивший на круглом столе Йозеф Галик указал на влияние Библии на современную китайскую литературу, поэтому “изучение Китая китайским методом” также не сулит успеха.

На круглом столе развернулся спор о том, в какой мере консервативный националистический поворот в Китае начала 1990-х гг. может быть оправдан в качестве реакции на чрезмерное увлечение китайской интеллигенции западными ценностями и идеями в предыдущее десятилетие, а также о правомерности подобного подхода в наши дни. Сунь Юй (Народный университет) заметил, что в начале XX в. китайцы хотели знать западные оценки проблем западного общества, но не проблем Китая. Однако Лу Синь стремился к тому, чтобы было больше переводов работ о Китае, чтобы звучали критические голоса. По мнению высту-

павшего, этот подход важен и в наши дни, поскольку критических суждений мало, но при этом распространены опасные “мечты о великом государстве” и “великокитайские” настроения. Он заметил, что китайская литература за сто лет многое впитала с Запада и этот опыт еще ждет своего осознания. Ошибки в понимании Китая иностранцами неизбежны, не признавать этого — значит лишать их права слова.

В ходе дискуссии были затронуты и прежние нашумевшие высказывания профессора Кубина о современной китайской литературе, однако в центре внимания оказалось их восприятие китайскими интеллектуалами. Вместо немецкого синолога критике были подвергнуты влиятельные представители интеллектуальной элиты, безосновательно заявлявшие о том, что Кубин выступает против диалога культур и утверждает, что в Китае вообще нет литературы. Сяо Ин (Университет Цинхуа) призвал китайских писателей и литературоведов преодолеть “психологическое состояние Великой стены” (*чанчэн синтай*), отгораживающее их от мира, больше уважать различия и чужие взгляды. Также было высказано мнение, что дать оценку китайской литературы за минувшие 60 лет удастся лишь в процессе диалога китайских и иностранных ученых.

© 2010

А. Ломанов,
доктор исторических наук

-
1. *Tang Tsou. America's Failure in China, 1941–50.* Chicago, 1963. 614 p.
 2. Подробнее о спорах китайских ученых на эту тему см.: Ломанов А.В. Изучение зарубежного китаеведения в КНР: культурно-цивилизационные аспекты // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 500—512.
 3. Ляован синьвэнь чжоукань. 2009 № 46. С. 62—63.

Международная конференция в Ханое: станет ли Южно-Китайское море зоной региональной безопасности и развития?

Утверждение о том, что в XXI в. центр мировой экономики и политики стремительно перемещается в АТР, стало практически аксиомой. Однако при этом часто забывают, что одновременно сюда приходят и проблемы, порождаемые соперничеством ведущих мировых держав и их коалиций. Напомнил об этом проходивший 26–27 ноября 2009 г. в Ханое международный научный симпозиум на тему: "Южно-Китайское море: сотрудничество ради региональной безопасности и развития", который собрал более 50 известных исследователей из научных центров 22 стран. Повышенный интерес к симпозиуму был вызван осложнившейся в последнее время обстановкой в районе островов Южно-Китайского моря (ЮКМ). Мнения о проблеме и возможных путях ее решения, высказанные его участниками, дают пищу для некоторых размышлений.

Проблема эта уникальна как по глубине противоречий, так и по охвату стран, которые уже вовлечены или могут быть потенциально вовлечены в глубоко уходящий в историю территориальный спор. Международно-правовой статус островов в ЮКМ остается не определенным, а обстановка в регионе периодически накаляется до опасной степени и сопровождается многочисленными инцидентами, часто с применением силы.

Свои претензии на острова ЮКМ, на акватории исключительных экономических зон (ЕЕЗ) и на границы континентального шельфа отстаивают Китай и Тайвань, Вьетнам и Филиппины, в меньшей степени Малайзия и султанат Бруней. Главным и наиболее активным участником территориального спора является Китай, вступивший в процессе развития в стадию превращения не только в мощную экономическую, но и военную державу. Его основным оппонентом выступает Вьетнам, считающий оба оспариваемых архипелага — Спратли и Парасельские острова — своей исконной территорией и активно разрабатывающий месторождения нефти и газа на своем континентальном шельфе¹.

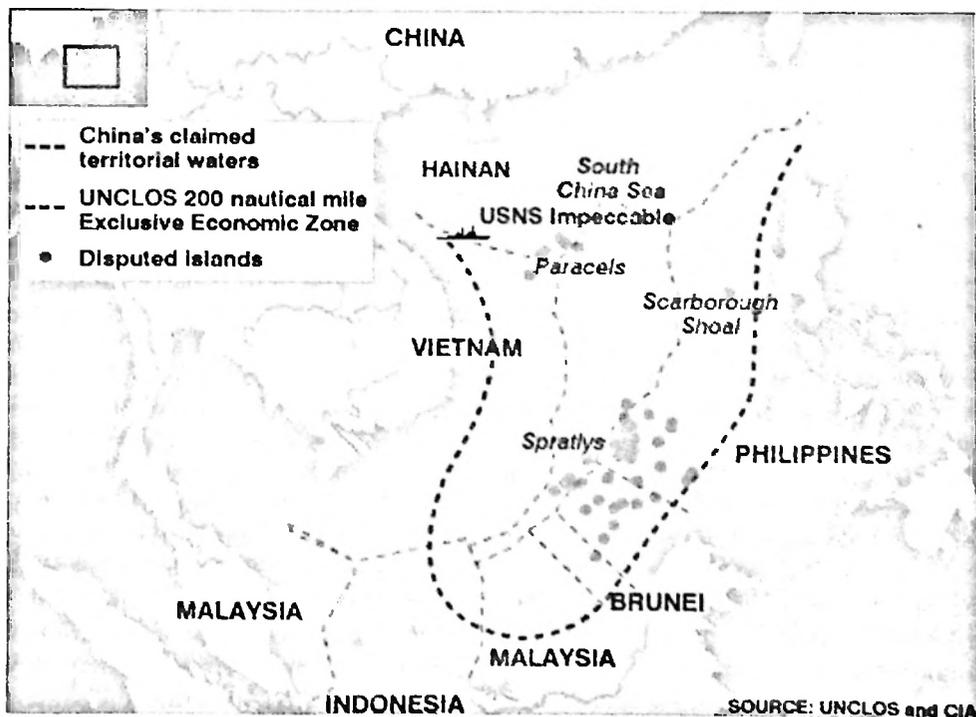
Новый раунд взаимных обвинений, требований и угроз начался с мая 2009 г. и был вызван, по мнению многих экспертов, реакцией китайского руководства на представленную в ООН заявку Вьетнама на границы своего континентального шельфа. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., все ее участники до 13 мая 2009 г. должны были представить в специальную Комиссию ООН предложения по границам их континентального шельфа, так как в самой Конвенции эти границы однозначно определены не были. Вьетнам и Малайзия совместно представили такие предложения 6 мая, а через день Вьетнам внес отдельно свои дополнительные предложения. Это и вызвало резкий протест

со стороны КНР. По правилам Комиссии, в таком случае предложения рассматриваться не могли, и вопрос “завис”.

Как подчеркнул в своем докладе на симпозиуме профессор Ли Наньлай (Li Nanlai) из Центра изучения международного права Китайской академии общественных наук, ЮКМ принадлежит к типу полузакрытых морей, и в силу географических условий прибрежные страны не должны были претендовать на границы шельфа, выходящие за пределы их 200-мильной исключительной экономической зоны (ЕЕЗ). К тому же все признанные острова (а не отдельные коралловые рифы) должны иметь свою 200-мильную экономическую зону и свои границы континентального шельфа, что, по его мнению, делало заявку претендующих государств в Комиссию ООН вообще неосуществимой, поскольку их претензии налагаются друг на друга.

Тогда же Китай впервые официально представил в ООН ранее не раз публиковавшуюся внутри страны карту, на которой в виде буквы U пунктирами была проведена линия китайской границы, охватывающая 80% акватории ЮКМ. Подконтрольная Вьетнаму и Филиппинам акватория фактически сведена на ней к минимальной 12-мильной зоне территориальных вод. Никаких разъяснений и правовых оснований при этом со стороны КНР не последовало. На ханойском симпозиуме на эту тему задавалось немало вопросов. Лю Наньлай в своем выступлении сослался лишь на то, что объявленный в 1950–1960-е гг. суверенитет Китая над всем архипелагом Спратли якобы “никем серьезно не оспаривался”.

Карта территориальных требований КНР в ЮКМ

Вместе с тем, со стороны КНР последовали некоторые действия, призванные показать, “кто хозяин” в регионе. Болезненным вызовом Вьетнаму стал введенный Китаем в одностороннем порядке и в самый пик морской путины трехме-

сячный мораторий на лов рыбы в Южно-Китайском море севернее 12° в целях сохранения рыбных запасов, предотвращения браконьерства и защиты интересов китайских рыбаков. Все вьетнамские рыболовные суда были вытеснены из района островов, где традиционно ведется интенсивная добыча морепродуктов, несколько судов задержаны, улов конфискован, а экипажи арестованы и оштрафованы. Эти действия вызвали обмен нотами протеста и привели к осложнению отношений между двумя странами. Только после срочно проведенных 12–14 августа 2009 г. переговоров в Ханое конфликт удалось на время приглушить.

Однако вскоре в зоне ЮКМ появился новый серьезный раздражитель: китайские власти категорически воспротивились всем попыткам крупнейших ТНК, действующих в ЮВА, прежде всего во Вьетнаме и на Филиппинах, проводить какие-либо геологоразведочные работы и эксплуатацию некоторых месторождений в оспариваемых районах моря. Под угрозой разрыва всех выгодных контрактов, реализуемых в КНР, даже такие нефтяные гиганты, как американская “Эксон мобил” и английская “Бритиш петролеум” были вынуждены отступить. По словам выступавшего в Ханое профессора Института международных отношений Сямэньского университета (пров. Фуцзянь) Ли Цзиньмина (Li Jinming), вовлечение в споры ТНК, поддерживающих тесные связи как с правительствами стран региона, так и со своими собственными, “только осложнит решение спорных проблем”. Характерно, что вооруженные инциденты в прошедшем году имели место не только с вьетнамскими, но и с китайскими рыбаками. В качестве примера можно сослаться на арест индонезийскими патрульными кораблями восьми китайских судов в июне 2009 г.

Большое внимание привлек также инцидент, произошедший в феврале 2009 г. между китайскими пограничными катерами и американским военным фрегатом “Импеккабль”, проводившим некие “исследовательские работы” в 70–80 милях от китайского острова Хайнань.

Нетрудно представить, какую реакцию в общественном мнении соответствующих стран вызывали сообщения об этих и других подобных событиях. Вновь появилась угроза того, что соперничество за обладание значительными энергетическими и рыбными ресурсами ЮКМ настолько обострит конфликт и разожжет такой пожар националистических страстей, что события выйдут из-под контроля. В интернете, который сегодня доступен в Китае и во Вьетнаме десяткам миллионов граждан, сразу же разразилась буря взаимных обвинений и оскорблений между блогерами обеих стран. Яростным атакам подверглась якобы “капитулянтская политика руководства СРВ” и со стороны многочисленной вьетнамской диаспоры. Не менее агрессивны были и их китайские оппоненты, обвинявшие Вьетнам в “неблагодарности и предательстве”, а также “в сговоре с США против Китая”. Издающаяся в Гонконге “South China Morning Post” опубликовала появившиеся на различных сайтах схемы якобы планируемого вторжения войск НОАК во Вьетнам с суши и с моря. Комментируя эти “планы”, приглашенный газетой “видный военный эксперт” Сун Сяоцзун (Song Xiaojung) назвал их просто “шуткой”, но при этом заявил: “Китай и Вьетнам имеют общий политический строй и должны были бы объединять усилия, чтобы противостоять США, которые являются их общим врагом. Ясно, что США пытаются разыграть вьетнамскую карту против поднимающегося Китая”².

Хотя ультра-националисты не имеют влияния на творцов политики в Китае, не исключено, что определенные силы в стране сознательно провоцируют национализм, рассчитывая таким образом создать себе социальную опору среди

растущего среднего класса, связывающего будущее с превращением Китая в мировую державу.

По мнению одного их старейших и наиболее авторитетных экспертов, американского профессора Марка Валенсия³, степень напряженности, возникшей вокруг проблемы островов сейчас выше, чем 80–90-е гг. прошлого века. Дальнейшее разжигание националистических страстей, подчеркнул он, тем более опасно, что принятое законодательство в КНР, СРВ, Филиппинах и на Тайване уже включает основные острова ЮКМ в состав национальной территории, и они все более становятся неким национальным символом и даже определенным условием легитимности правительств, “для которых эти острова должны быть защищены любой ценой”. Все это делает складывающуюся ситуацию неопределенной, трудноразрешимой и непредсказуемой. На это обращали особое внимание и другие участники симпозиума.

Известный австралийский эксперт по проблемам ЮВА, профессор Академии обороны Австралии отставной генерал К. Тэйер (C. Thayer) подробно остановился на росте военного потенциала Китая, особенно ВМФ НОАК. Он сообщил, что в 2008 г. с коммерческих спутников были получены снимки, которые показывают, что Китай строит крупную базу ВМС на южном побережье о-ва Хайнань, недалеко от курорта Санья. Масштабы строительных работ говорят о том, что база предназначена для стоянки и обслуживания крупных надводных военных кораблей, в том числе авианосцев и атомных подводных лодок. База в Санья, по мнению генерала К. Тэйера, изменит весь баланс стратегических сил в регионе. До сих пор атомные подводные лодки Китая находились только в составе Северного флота, а теперь они будут и в распоряжении Южного флота ВМФ КНР. По данным Пентагона, в 2010 г. Китай планирует ввести в строй пять таких подводных лодок.

Одновременно Китай расширил свои полевые аэродромы и укрепления на одном из Парасельских островов и на ряде островов архипелага Спратли, увеличил число патрульных судов у побережья Вьетнама и Филиппин. Ведущие тихоокеанские державы — США и Япония, как напомнил К. Тэйер, еще с начала конфликта в 1990-х гг. заняли отстраненно—наблюдательную позицию, давая только понять, что не потерпят какого-либо ущемления их свободы судоходства и военного мореплавания в данном море. США явно не желают открыто выступать в роли арбитра в спорах за острова, не без оснований считая, что это способно только ужесточить позицию Китая, если проблема станет “американизированной”. Придерживаясь нейтралитета в отношении аргументов и доказательств суверенитета всех претендентов, США заинтересованы в сохранении возможности и готовности не допустить, чтобы кто-либо из них единолично навязал другим решение спора силой. “Тихая дипломатия” в поддержку урегулирования мирным путем способна, по их мнению, помочь претендентам проявить необходимую политическую волю для решения проблемы через переговорный процесс, напрямую не втягивая США в конфликт. Это мнение австралийского коллеги подтверждалось и отсутствием всякого упоминания о проблемах в ЮКМ в ходе состоявшегося как раз накануне симпозиума визита Б. Обамы в Китай.

Япония тоже ограничивается общими заявлениями о необходимости соблюдения норм международного права. При этом она остро заинтересована в сохранении свободы судоходства в регионе, через который проходит 75% ее морских перевозок, и в котором японские компании принимают активное участие в

разведке и добыче энергоресурсов. Эта позиция, как отмечалось в Ханое, существенно не изменилась и при новом правительстве.

Сравнивая сложившуюся в регионе ситуацию с “берлинской проблемой” времен “холодной войны”, профессор Лондонского королевского колледжа и директор программ морской безопасности Исследовательского центра в Сингапуре Джеффри Тилл (Geofrey Till) усмотрел все же большую разницу в том, что отношения сторон, противостоявших в Берлине, во всех других областях были также плохими. Здесь же, наоборот, почти во всех других областях отношения заметно улучшаются: растет торговля, закладываются основы общего рынка и экономического взаимодействия, развивается сотрудничество в борьбе с терроризмом и пиратством, в решении других проблем т.н. “нетрадиционной безопасности”. Китай в процессе продолжающегося мирового кризиса все более явственно принимает на себя роль “благожелательного патрона” по отношению к соседям по ЮВА. Углубляющаяся взаимозависимость государств, отмечали многие докладчики, создает более благоприятные условия для поиска взаимоприемлемых решений.

Именно в таком духе были в основном выдержаны и выступления китайских экспертов, что явно отличало симпозиум в Ханое от многих других форумов на эту тему. Большой доклад проф. Ли Цзяньвэя (Li Jianwei) из Китайского института изучения Южно-Китайского моря назывался “Сотрудничество в Южно-Китайском море: путь к миру, стабильности и процветанию”. Докладчик подробно остановился на процессах экономической интеграции в регионе ЮВА. Он показал, что за годы, прошедшие после принятия Декларации о принципах поведения сторон в ЮКМ в 2002 г., лидеры государств региона много сделали для налаживания взаимодействия в различных областях безопасности на море, охраны окружающей среды, научных исследований, предотвращения стихийных бедствий, добычи и использования морских ресурсов. Однако масштабы сотрудничества в ЮКМ, по его словам, сильно отстают от темпов экономической интеграции. “Для превращения ЮКМ в “море мира и сотрудничества” докладчик предложил создать “субрегиональную организацию сотрудничества в Южно-Китайском море, которая будет содействовать этому сотрудничеству и координировать работу на этом направлении”. Этот орган будет действовать параллельно с уже существующими механизмами сотрудничества в формате Китай—АСЕАН и в целях развития и наполнения содержанием Зоны свободной торговли Китай—АСЕАН (САФТА), создание которой завершается. Дальнейшее развитие сотрудничества, по мнению докладчика, поможет ослабить, а затем и вообще снять все имеющиеся разногласия в ЮКМ.

Другие китайские эксперты также говорили о необходимости совместного поиска политических решений путем переговоров, выражали озабоченность тем, что прибрежные государства так и не поддержали высказанное еще 10 лет назад предложение КНР “отложить споры ради совместного развития”. Причиной этого стало, по их мнению, вмешательство нефтяных и газовых ТНК, а также то, что прибрежные государства “утратили интерес к этой инициативе, а некоторые из них не захотели делиться возросшими доходами от добычи нефти на спорных территориях”.

Как считает упомянутый выше проф. Ли Цзиньмин, с целью снятия всех препятствий для совместного освоения энергоресурсов ЮКМ необходимо создать “механизм для улаживания споров и укрепления взаимного доверия между заинтересованными государствами”. Это означает “институализацию сотрудниче-

ства между ними по дипломатическим каналам таким образом, чтобы достичь гармонии и взаимопонимания по всем вопросам ЮКМ”.

Если все эти идеи отражают официальный курс властей КНР (а сомневаться в этом оснований мало), то они свидетельствуют о некоторых существенных подвижках в долго остававшейся неизменной, по выражению М. Валенсия, китайской политике “трех нет”: нет — интернационализации конфликта, нет — многосторонним переговорам и нет — однозначному определению территориальных требований в ЮКМ⁴.

Вьетнамские организаторы симпозиума не скрывали большой тревоги в связи с тем опасным оборотом, который принимают события в ЮКМ на протяжении двух последних лет. Они, естественно, представили свои аргументы, призванные показать, что история, география и международное право явно говорят в пользу вьетнамской принадлежности оспариваемых островов. Однако и в их позициях просматривались некоторые подходы, совпадающие с подходами их китайских коллег. Большой интерес вызвал, например, доклад бывшего председателя Правительственного комитета по границам Вьетнама Чан Конг Чука (Tran Cong Truc), являвшегося одним из разработчиков подписанного еще в 2000 г. Соглашения о разграничении акватории в Тонкинском заливе, которое вступило в силу незадолго до симпозиума одновременно с завершением демаркации сухопутной границы.

По его мнению, все стороны, заинтересованные в решении спорных проблем ЮКМ, должны, прежде всего, отозвать свои нереализуемые, бесосновательные и односторонние территориальные требования, в том числе и пресловутую “карту с пунктирами”, о которой говорилось выше. Только после этого можно будет найти общий подход к созданию правовой основы для всех возможных в будущем форумов, задачей которых станет решение территориальных споров. Сделать это непросто, но конкретные меры и “дорожная карта” должны быть приняты как можно скорее.

Руководящим принципом должно быть правило: “сначала легкое, потом трудное”. Главное — отложить на будущее споры из-за территориальной принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли, сохранить в отношении них статус-кво, и рассмотреть возможности временного “совместного развития”. При этом докладчик выступил за активное использование официальных и неофициальных, двусторонних и многосторонних переговоров, за привлечение региональных и международных организаций, включая ООН, АСЕАН и саммиты АСЕАН+1. Он также предложил создать при необходимости ad hoc комитеты и рабочие группы.

Сам факт проведения в Ханое столь представительного и вместе с тем неформального международного форума экспертов говорил о желании его хозяев привлечь внимание более широких кругов мировой общественности к проблемам ЮКМ. Положено начало деловой и конструктивной дискуссии “по второй дорожке”, которая будет продолжена на предстоящем в ноябре 2010 г. аналогичном симпозиуме в Маниле. Вьетнамские политики всегда рассматривали многосторонний неофициальный диалог как важный катализатор решения актуальных международных проблем, способный оказать влияние на подходы руководителей различных стран к их урегулированию. Убедительным подтверждением этого явился успешный опыт их многолетней борьбы за независимость.

На симпозиуме действительно высказывались различные мнения о путях разрешения конфликта в ЮКМ. Одни специалисты, исходя из сложившейся об-

становки, пришли к выводу, что ни в рамках АСЕАН или ее Регионального форума по проблемам мира и безопасности (АРФ), ни, тем более, в ООН территориальные проблемы в ЮКМ уже не решить, а потому лучший выход на сегодняшний день для всех — это сохранение сложившегося стратегического и дипломатического статус-кво, пока ни одна из сторон не заинтересована в военном решении, не хочет его и не обладает для этого необходимым потенциалом.

Как говорил упомянутый выше проф. Джеффри Тилл, нельзя подходить к таким международным проблемам, как определение юрисдикции над островами ЮКМ, “с инженерным менталитетом, считая, что все они имеют свое решение, лишь бы подобрать подходящий ключ или другой инструмент”. Иногда в таких случаях лучше поступить в соответствии с русской поговоркой “сидеть у моря и ждать погоды”. Он советует не спешить и подождать до лучших времен, “когда подует бриз”, а пока сосредоточиться на максимально возможном смягчении последствий этих споров.

По мнению многих аналитиков, Китай все-таки будет стремиться выиграть в борьбе за доминирующее положение в регионе, не ввязываясь в открытую борьбу. Пекин искренне заинтересован в сохранении мирного окружения и стабильности в регионе. Вместе с тем, само собой разумеется, что с ростом экономической и военной мощи КНР будет расти и ее военно-политическая роль не только в региональном, но и в международном масштабе. И с этим придется считаться всем. Как уже довольно давно подметил бывший президент Филиппин, а ныне признанный авторитет в делах АСЕАН Фидель Рамос, “мы должны принять реальность жизни с большим присутствием Китая во всех сферах”, а для того, чтобы обеспечить длительную стабильность в АТР, необходим переход от “мира по-американски” (*Pax Americana*), который обеспечивался сильным военным присутствием США, к “азиатско-тихоокеанскому миру” (*Pax Asia-Pacific*), в который “главные страны и субрегиональные группировки могли бы внести свой вклад”⁵.

Бликие к этому тезисы развивал в своем докладе профессор Малайского университета в Куала-Лумпуре Ба Хамза (Ba Hamza). Он призывал прибрежные страны осознать геополитическую реальность “сосуществования в Китайском озере”. ЮКМ как “Китайское озеро” неуклонно становится зоной китайского геополитического влияния. По его мнению, не следует так уж бояться установления здесь “*Pax Sinica*”. Новая динамика геополитического развития в регионе показывает, что сильный и богатый Китай — это благо для региона и для всего мира. Опасения вызваны, по его словам, инерцией мышления, тем, что “мы слишком привыкли к “*Pax Britannia*” и “*Pax America*”, но совсем не привычны к новому понятию “*Pax Sinica*”. В Пекине, считает малайский эксперт, сознают границы возможного применения силы и ни на какие авантюры не пойдут. Поэтому желателен и возможен некий *modus vivendi* для всех претендентов в ЮКМ, который закрепит существующее статус-кво и сделает для них “вполне безопасным плавание в “Китайском озере”.

Профессор Ли Минцзян (Li Mingjiang) из Технологического университета Сингапура обратил внимание на новый подход Китая к проблемам ЮКМ, который характеризуется большей гибкостью и поисками некоторого баланса в реализации своих суверенных прав с учетом экономических и стратегических интересов. Он отмечал, что многие люди в Китае хотели бы применить более радикальные и наступательные средства продвижения китайских интересов, однако за прошедшее десятилетие между ним и другими претендентами в ЮКМ не было ни одного крупного вооруженного конфликта. Не подтвердились и предсказания

о том, что после финансового кризиса 1997 г. страны АСЕАН будут неспособны оказать никакого давления на Китай, чтобы добиться согласия на многосторонние переговоры. Китай, с одной стороны, усилил свои претензии на суверенитет на всех дипломатических уровнях, принял меры для усиления своего военного присутствия в ЮКМ и отвечал жесткими предупреждениями, когда другие претенденты совершали действия, противоречащие его интересам. Но с другой стороны, он должен был ради более важных целей в своей внешней политике в ЮВА внести некоторые, но весьма важные изменения в свою практику. Например, он отказался от упорной приверженности двусторонним переговорам, согласившись на многосторонность как новый метод решения проблем ЮКМ. Китай подписал Декларацию о поведении в ЮКМ 2002 г., а главное — первым из внерегиональных держав присоединился к Балийскому договору о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (ТАС) и тем самым юридически обязался не применять силу против стран АСЕАН. Важным признаком перемен в китайской политике, по мнению сингапурского эксперта, стала та настойчивость, с которой Китай выдвигал одну инициативу за другой по конкретным направлениям сотрудничества с АСЕАН в самых разных областях. Этот новый подход не означает, что Китай и другие прибрежные страны ЮКМ теперь легко и быстро решат свои исторические споры, но это значит, что Китай стремится уделять больше внимания своим политическим и стратегическим интересам в ЮВА и пытается найти решение проблем на взаимовыгодных началах. Сами китайские аналитики, отмечал докладчик, считают, что решение споров в ЮКМ в рамках провозглашенного стратегического партнерства с АСЕАН для Китая выгоднее с точки зрения его главных интересов, включая усилия по недопущению провозглашения независимости Тайваня.

Для реализации такой политики необходимо было также ответное стремление оппонентов, которые не меньше заинтересованы в сохранении мира и стабильности. И они тоже занимали до самого последнего времени в основном примирительные позиции, ибо всем было необходимо мирное окружение для осуществления своих экономических программ.

Другие участники ханойского симпозиума, наоборот, считали, что никакого статус-кво уже не может быть, прежде всего, из-за стремительно растущей потребности всех претендентов, и особенно Китая, в энергоносителях. Но “окно возможностей” для политического решения по принципу обоюдной выгоды пока еще не закрыто. Ими выдвигались самые разные предложения, призванные снять остроту проблемы, выработать меры доверия и удержать все конфликтующие стороны (а речь идет не только о конфронтации с Китаем, но и о противоречиях по этим проблемам между самими странами АСЕАН) в рамках переговорного процесса. Очевидно, что выработка взаимоприемлемых принципов и форм раздела островов в ЮКМ или порядка совместного использования их ресурсов (что многим представлялось более вероятным в сложившихся обстоятельствах) будет длительным и сложным процессом. Известно, например, что подписание Декларации 2002 г. о поведении сторон в ЮКМ потребовало почти 10 лет упорных совместных усилий стран АСЕАН, завершившаяся в прошлом году демаркация сухопутной границы между СРВ и КНР потребовала почти 20 лет терпеливой работы. А потому необходимы не обескураживающие заявления экспертного сообщества, нагнетающие скепсис или “подбрасывающие хворост в костер страстей”, а конструктивные предложения, поддержка и поощрение усилий тех стран, которые в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ) и на двустороннем уровне пытаются выработать общий подход к разрешению конфликтных ситуаций в регионе.

Механизм разрешения конфликтов в АСЕАН, действительно, еще только предстоит создать, и потребуется время для того, чтобы выработать привычку предотвращать с его помощью конфликты, пресекать их в самом зародыше или управлять ими и разрешать путем консультаций и терпеливых переговоров на основе известного “метода АСЕАН”. В этом есть только первые и весьма скромные результаты, хотя, как представляется, например, американскому профессору М. Валенсия, АРФ, разрабатывающий меры доверия и превентивной дипломатии и действующий на принципах АСЕАН, в будущем мог бы взять эту роль на себя.

Проф. К. Тэйер (Австралия) тоже говорил о том, что АСЕАН должен поддерживать прибрежные страны в их попытках вовлечь Китай в новый раунд дипломатических переговоров с целью “поднять статус Декларации 2002 г. до полноценного (юридически обязывающего) Кодекса поведения в ЮКМ”.

Прибрежные страны АСЕАН могли бы, по мнению К. Тэйера, проявить инициативу проведения встречи высших должностных лиц с целью разработки необходимых уточнений и дополнений в Конвенцию ООН 1982 г., которые должны внести ясность в ставший актуальным вопрос о критериях и правовых основаниях для требования государствами продвинутых границ континентального шельфа.

Очевидно также, что совместное экономическое использование спорных территорий претендующими на них государствами при наличии ясно выраженной политической воли имеет реальные шансы стать тем инструментом, который существенно снизил бы риск продолжения и углубления конфликтной ситуации. Нужна, как считает профессор Стокгольмского университета и старший научный сотрудник Центра по изучению АТР Рамсес Амер (Ramses Amer), более глубокая экономическая интеграция, взаимозависимость, при которой никто не захочет применять силу. Примером именно такого решения являются, в частности, соглашения КНР и СРВ о демаркации сухопутной границы и о разграничении морских территорий в Тонкинском заливе, подкрепленные контрактом CNOOC (*China National Off-shore Oil Corp.*) с Petro-Vietnam, которые в течение пяти лет проведут совместную геологоразведку в заливе, разделяя поровну все риски и доходы.

Они доказывают, по мнению шведского эксперта, что если формальное разрешение конфликта в ЮКМ в настоящее время маловероятно, то “остаётся возможность прогресса, как на двусторонних, так и многосторонних переговорах для управления спорами и безопасностью в регионе ЮКМ в широком смысле”. В двустороннем плане в этой связи было бы особенно важным достижение договоренности между Китаем и Вьетнамом относительно содержания и масштабов существующих разногласий, что “позволило бы выработать реалистическую повестку дня для переговоров экспертов и внесло бы важный вклад в многосторонние усилия”.

В ходе состоявшейся дискуссии было, к сожалению, заметно, что в анализах и докладах, как вьетнамских, китайских, так и других зарубежных специалистов, фактически полностью отсутствовало какое-либо упоминание об интересах, роли и позициях России в обсуждаемом вопросе. Казалось, что многие участники дискуссии вообще впервые слышали о наличии ее жизненно важных интересов в АТР и готовности их реализовать не в ущерб кому-либо, а в сотрудничестве с нашими стратегическими партнерам — Китаем и Вьетнамом, а также со всеми странами АСЕАН и АТЭС. Большой интерес вызвали, в частности, тезисы российского министра иностранных дел С.В. Лаврова из выступления в июле 2009 г. перед студентами Университета в Бангкоке, где он сказал: “Россия выступает за равноправную и транспарентную архитектуру безопасности и сотрудничества в АТР, основанную на коллективных началах, общепризнанных нормах

и принципах международного права и использующую в качестве инструмента решения сложных проблем диалог, консультации и переговоры. То есть то, что определяется как “метод АСЕАН”. Для этого не нужны военное превосходство, наращивание оборонной мощи, ослабление безопасности других государств, создание в АТР военных баз и оборонных альянсов, формирование способной дестабилизировать стратегический баланс региональной системы ПРО. Продвигаться к созданию такой архитектуры следует через налаживание многосторонней дипломатии, развитие связей между региональными организациями и форумами, а главное — через взаимное уважение и учет интересов друг друга”⁶.

“Метод АСЕАН”, о котором говорится выше, означает, прежде всего, отказ от войны и насилия, терпимость и уважение к различиям, неустанный поиск компромисса и согласия. Применительно к современным международным отношениям этому практически нет никакой разумной альтернативы.

Стабильность и предсказуемость развития обстановки в ЮКМ, обеспеченные расширением мер доверия и углублением сотрудничества между странами АТР во всех областях деятельности и особенно в сфере современного морепользования (в силу геостратегического положения региона, расположенного на важнейших морских коммуникациях), приобретают все большее значение для сохранения не только региональной, но и международной безопасности и стратегической стабильности.

© 2010

*Г. Локшин,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.*

1. См. подробнее: Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: 2007; Степанов Е.Д. Южно-Китайское море: острова на материковой отмели // Проблемы дальнего Востока. 2006. № 2. С 55—70.
2. South China Morning Post. 2008. 5 Sept.
3. Dr. Mark J. Valencia Maritime Policy Analyst, East-West Centre. Hawaii. USA.
4. Цит. по Swanstrom N. Conflict Management and Negotiations in the South China Sea: The ASEAN Way? Department of Peace and Conflict Research, Upsala University, Sweden. — www.southchinasea.org/docs/Swanstrom.pdf p107.
5. Цит по: Юго-Восточная Азия в 2004: Актуальные проблемы развития”. М., 2005. С. 311—312.
6. www.mid.ru 17-07-2009.

О международной научной конференции "Япония в АТР"

10–11 декабря 2009 г. в Институте Дальнего Востока (ИДВ) РАН состоялась международная научная конференция "Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе", организаторами которой выступили ИДВ, Институт востоковедения РАН и российская Ассоциация японоведов. Спонсорскую помощь мероприятию оказал Японский фонд (Japan Foundation).

Активное участие в конференции приняли известные иностранные ученые: профессор Университета "Хосэй" Нобуо Симотомаи и профессор Университета "Кэйо" Синдзи Екотэ (Япония), заместитель директора Института японских исследований Академии современных международных отношений профессор Вань Шань (КНР) и ведущий специалист по Японии, профессор Университета Шеффилда Гленн Хук (Великобритания).

Российская сторона была представлена авторитетными учеными и молодыми исследователями из ведущих отечественных научно-исследовательских и образовательных учреждений. География российских участников не ограничилась Москвой — были специалисты из Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, городов Дальнего Востока — Хабаровска, Владивостока, Южно-Сахалинска, а также российские ученые, работающие в Японии. Всего в конференции приняло участие около 80 чел.

Перед началом конференции состоялась презентация первого номера ежеквартального сборника "Япония наших дней", издаваемого ИДВ РАН, а также изданий Ассоциации японоведов, финансируемых Японским фондом. Часть докладов конференции была заранее опубликована в сборнике "Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе"¹, а часть не вошедших в этот сборник выступлений — в сборнике ИДВ РАН "Япония наших дней"².

Выступления докладчиков распределились по следующим четырем секциям:

1. "Политические аспекты позиции Японии в АТР" (ведущий — профессор МГИМО(У) МИД РФ Д.В. Стрельцов),
2. "Япония и экономическая интеграция в АТР" (ведущий — профессор Университета "Сэйнан гакуин" (Япония) Е.Б. Ковригин),
3. "Россия и Япония в АТР: возможности взаимодействия" (ведущий — руководитель Центра исследований Японии ИДВ РАН В.О. Кистанов),
4. "Культурно-цивилизационные аспекты позиционирования Японии в АТР" (ведущий — профессор РГГУ А.Н. Мещеряков).

На конференции был рассмотрен широкий круг вопросов.

Политика и оборона. О внешней политике кабинета Ю. Хатоямы рассказал В.О. Кистанов, который дал анализ предвыборных выступлений нового премьера Японии. По заявлению Ю. Хатоямы, Япония приложит все усилия для того, чтобы стать "мостом" между Востоком и Западом, между развитыми и разви-

вающимися странами, а также между различными цивилизациями. Этот многоцелевой “мост” должен строиться в духе понятия *юаи* (“дружба—любовь”), являющегося ключевым в работе Ю. Хатоямы “Моя политическая философия”, опубликованной незадолго до его прихода к власти. Внося коррективы во внешнюю политику страны в соответствии со своей политической философией, японский руководитель будет стремиться усиливать ее азиатский вектор. Улучшение отношений с азиатскими соседями, прежде всего с Китаем, является приоритетной задачей нового премьер-министра. Одновременно правящая Демократическая партия намерена также проводить более независимую от США внешнюю политику и выстраивать более равноправные отношения с ними. Вместе с тем, Хатояма заявил, что США остаются краеугольным камнем японской внешней политики. По мнению В.О. Кистанова, “сверхзадачей” правительства Хатоямы и последующих японских кабинетов явится нахождение “золотой середины” в отношениях с двумя экономическими и военно-политическими гигантами — США и Китаем.

Активное обсуждение вызвала тема создания Восточноазиатского сообщества, доклад о котором сделал профессор Вань Шань. По мнению участников, в настоящее время формат этой организации еще не определен и цели создания такого сообщества пока неясны. О роли Японии в многосторонних форумах Восточной Азии рассказал профессор Г. Хук.

Вопросы обороны и безопасности были рассмотрены в выступлениях преподавателя Академии ФСБ России А.Г. Парамонова, который проанализировал политические и региональные аспекты японо-американской системы ПРО, и ведущего научного сотрудника Центра исследований Японии ИДВ РАН В.А. Гринюка, выступившего с анализом политики Японии на Корейском полуострове. Так, по мнению А.Г. Парамонова, становится все более очевидной опасность перехода гонки вооружений вокруг Корейского полуострова в стадию, которой удалось избежать советским и американским политикам периода глобального противостояния. Речь идет о соревновании между системами защиты от атак баллистических ракет и средствами преодоления этой защиты. Новая совместная инициатива Вашингтона и Токио все еще плохо предсказуема с точки зрения влияния не только на региональную, но и на глобальную среду безопасности. Некоторый оптимизм при этом внушает то обстоятельство, что в отличие от главных участников холодной войны КНР и Япония, региональные соперники периода глобализации, сильно зависят друг от друга, а также от США в экономической и финансовой сферах, считает эксперт.

В свою очередь В.А. Гринюк отметил, что Япония жестко увязывала свою позицию на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове с разрешением проблемы японцев, похищенных спецслужбами КНДР. Деструктивная линия Токио стала одной из причин дестабилизирующих действий Пхеньяна (новых ядерных испытаний ракет и ядерного устроства) и его выхода из переговорного процесса.

С августа 2009 г. имеют место неофициальные двусторонние контакты между США и КНДР. Такое развитие событий отвечает интересам Северной Кореи, стремящейся к прямым переговорам с США – теперь уже в статусе государства, обладающего ядерным оружием.

Но Япония проиграла, поскольку осталась в стороне от процесса урегулирования жизненно важных проблем безопасности. Тем боле, что в этой сфере интересы Японии не во всем совпадают с интересами США. К тому же отдалается перспектива нормализации отношений Японии с КНДР. По мнению эксперта, другим участникам шестисторонних переговоров, включая и Россию, также невыгодно их прекращение,

поскольку в перспективе они могли бы стать важным механизмом обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Поэтому важно продолжать усилия с целью возобновления переговоров в шестистороннем формате.

Экономика. В ходе конференции рассматривался целый блок вопросов, связанных с влиянием мирового финансового кризиса на экономику Японии. Подробный анализ данной темы был представлен главным научным сотрудником Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН Е.Л. Леонтьевой. По ее мнению, Японию поразила не только и не столько глобальный финансовый кризис, сколько вызванная этим кризисом мировая рецессия. Спад в экономике основных стран-импортеров японской продукции (в докризисных условиях около 20% экспорта из Японии направлялось в США, 18% — в Китай и 15% — в страны Евросоюза) вызвала резкое сокращение спроса на главные статьи японского экспорта — автомобили, потребительские товары длительного пользования и товары инвестиционного спроса. Японский экспорт на 2/3 состоит из продукции машиностроения. На внешний рынок уходит 28% продукции этого сектора, в том числе около 28% продукции транспортного и 30% продукции электротехнического машиностроения. Экспорт Японии в январе 2009 г. — минимальный по объему — был на 46,7% меньше, чем год назад. Крупные убытки понесли гранды японской электротехнической и электронной промышленности Hitachi, Panasonic, NEC, Toshiba и Sony. Убытки понесли автомобильные гиганты Toyota, Nissan и Honda. Так, Toyota от сокращения продаж на 22% на всех своих рынках в Северной Америке, Европе, Азии и в самой Японии потеряла 461 млрд иен (4,85 млрд долл.). Лидеры японской промышленности не ожидают восстановления докризисного уровня прибылей до 2010 г. Кабинет Таро Асо принял один за другим пакеты бюджетных расходов для поддержания внутреннего спроса, раздувая государственный долг. Кабинет Хатоямы устроил “чистку” исполняемого бюджета по министерствам и ведомствам и по бюджетам префектур, вызвав сопротивление чиновников и дезорганизацию бюджетного процесса. Распущены все 18 консультативных советов, которые вырабатывали стратегические решения при власти ЛДП. Для составления среднесрочной программы организовано Бюро национальной стратегии (National Strategy Office). Большинство японских корпораций ожидает, что докризисный (2007 г.) уровень производства и продаж восстановится на раньше 2011 г.

О позиции Японии в отношении экономической интеграции в АТР рассказал профессор Дальневосточного государственного университета (Владивосток) Т.Д. Хузиятов. Он отметил, что в отличие от многих других стран, которые вопреки декларациям активно используют явные и скрытые инструменты протекционизма, Япония продолжает линию на либерализацию внешнеэкономических связей и всестороннюю экономическую интеграцию со странами АТР. Интеграция мер внутри- и внешнеэкономического характера предполагает, что в дополнение к стимулированию внутреннего спроса Япония будет прилагать усилия, направленные на экономический рост в Азии и вместе с Азией, имея в виду формирование здесь глобального центра роста. Другая практическая задача — все большая либерализация торговли и инвестиций, а также предотвращение протекционизма. Япония ведет мониторинг выполнения странами и регионами международных договоренностей по режиму торговли, в том числе, в условиях кризиса, и доводит свою позицию по поводу принятия протекционистских мер до соответствующих правительств и организаций. Вопреки устойчивому мнению о Японии как стране с высокими протекционистскими барьерами, и статистика, и анализ внешнеэкономических мер японского правительства, скорее, говорят о том, что в Японии

сформировался один из самых либеральных внешнеторговых режимов, а в условиях экономического кризиса правительство практически не использовало дополнительных защитных мер, считает Т.Д. Хузиятов. Ученый отмечает, что Япония в рамках своей внешнеэкономической стратегии выделяет ряд перспективных направлений, среди которых приоритетным, безусловно, является региональная экономическая интеграция со странами Азии, но в которых и для российско-японских экономических отношений появляются вполне определенные возможности развития подлинного взаимодействия.

Результаты многолетнего исследования, касающегося японской помощи развивающимся странам, представил профессор Университета “Сэйнан гакуин” (Япония) Е.Б. Ковригин. Он отметил, что с 1970-х годов Япония последовательно наращивала предоставление “официальной помощи развитию” (ОПР), т.е. низкопроцентных займов и безвозвратных субсидий (даров) развивающимся странам, в первую очередь расположенным в тихоокеанской Азии (на долю “фаворитов” — КНР и членов АСЕАН — приходилось до 2/3 всех потоков помощи). К 1989 г. по размеру этих трансфертов она обогнала США и на протяжении 12 лет (за исключением одного года) оставалась настоящим “локомотивом” помощи. Если в 1975 г. объем японской ОПР составлял около 1,1 млрд долл, то в 1995 г. эта сумма выросла почти до 15 млрд долл. В некоторые годы из Японии в развивающиеся государства направлялось до 1/4 всей суммарной помощи от держав, входящих в ОЭСР. По приблизительным подсчетам, в 1954–2008 гг. она выделила “третьему миру” помощь в размере 250 млрд долл. Японская ОПР диктовалась рядом приоритетов, которые менялись с течением времени, но основными среди них оставались: 1) поддержание благоприятного климата в отношениях с наиболее важными развивающимися странами; 2) создание там промышленной инфраструктуры, необходимой для того чтобы “подтянуть” их до такого уровня, при котором они могли бы принимать у себя японские инвестиции и быть эффективными торговыми партнерами; 3) содействие международной стратегии Запада. Массированные потоки ОПР были призваны также подкрепить если не лидерство, то по крайней мере, достаточное влияние Японии в этом регионе. Частично она сумела поднять и укрепить свой авторитет в ряде азиатских стран. Одновременно последние за счет Японии смогли повысить уровень развития своей инфраструктуры и создать новые отрасли промышленности. Однако с середины 1990-х годов в самой Японии стало крепнуть мнение о том, что ОПР в недостаточной мере способствует обеспечению и продвижению национальных интересов стран (особенно в Китае), требует более экономного использования, большего контроля за исполнением и неотложных реформ по существу. Начиная с этого времени, размеры льготных трансфертов стали “буксовать”, их неуклонный рост прервался. По мнению Е.Б. Ковригина, в Юго-Восточной Азии происходит смена парадигмы японской внешнеэкономической политики — от ОПР к преференциальной торговле. Дело идет к тому, что помощь перестанет быть доминирующим инструментом во взаимоотношениях с развивающимся миром, превратившись в вспомогательный, хотя и важный инструмент. В количественном выражении время ее расцвета ушло, а на повестке дня стоят реформы и оптимизация льготных трансфертов.

Япония и Россия. Большой блок вопросов был посвящен российско-японским отношениям. Свое видение возможности сотрудничества России и Японии в Северо-Восточной Азии представил Н. Симотомай. О том, как японцы видят политику России в Восточной Азии, рассказал С. Екотэ. Он отметил важную роль

ученых в поиске общих подходов к взаимоприемлемой интерпретации сложной истории японо-корейских отношений.

По мнению Д.В. Стрельцова, сотрудничество России и Японии может успешно развиваться в рамках многосторонних форматов, поскольку ожидать каких-либо прорывов в двусторонних отношениях не приходится. Тем не менее, в Японии с пониманием относятся к задаче включения регионов Сибири и Дальнего Востока в интеграционные процессы в АТР. Наибольшие возможности двустороннего российско-японского сотрудничества кроются в сфере энергетики и экологии. При этом среди всех обсуждаемых проектов экономического сотрудничества реалистичными и состоятельными следует назвать лишь те, которые отвечают интересам взаимной выгоды. Например, если взять модернизацию инфраструктуры на российском Дальнем Востоке — область, в которой Россия заинтересована в первую очередь, — Япония пойдет на такие капиталовложения, которые будут прямым или косвенным образом стимулировать ее собственную экономику.

Профессор Института стран Азии и Африки МГУ И.Л. Тимонина оценила перспективы деятельности японских компаний на российском рынке в условиях мирового финансово-экономического кризиса, отметила ряд направлений, которые могут быть точками экономического роста в отношениях двух стран. Отвечая на вопрос “Произошли ли существенные изменения в планах японских корпораций различных отраслей в отношении российского рынка?”, И.Л. Тимонина отметила определенное “торможение” процесса освоения российского рынка по сравнению с динамикой предшествующего периода (2002–2008 гг.). Некоторые компании делают выбор в пользу других развивающихся рынков, и конкуренция за японские инвестиции между странами приоритетной группы (Россия, Индия, Китай, страны Восточной Азии) весьма велика. Однако замораживание некоторыми японскими компаниями планов продвижения в Россию или отказ от них в большинстве случаев связаны с оптимизацией бизнеса в условиях кризиса, а не с изменением общего стратегического подхода, полагает ученый. В целом можно отметить, что Россия занимает заметное место и в “кризисных”, и в “послекризисных” стратегиях ведущих японских компаний. Более того, можно предположить, что ряд японских компаний стремится воспользоваться кризисной ситуацией с тем, чтобы упрочить свои позиции в России. Это относится, прежде всего, к нефтегазовому сектору.

Для российских предприятий обрабатывающих отраслей имеется возможность приобщиться к производственным системам японских корпораций, получив доступ к передовым технологиям и методам организации производства. Для предприятий перерабатывающих отраслей кооперация с японскими компаниями также может оказаться весьма полезной, имея в виду необходимость повышать уровень переработки сырья и материалов, производить и экспортировать продукцию с более высокой долей добавленной стоимости, в том числе на основе коммерциализации собственных научно-технологических разработок и использования японских технологий.

В долгосрочной перспективе наиболее реалистичным представляется сотрудничество в сфере высоких технологий, поскольку японские компании связывают свое “послекризисное” развитие, прежде всего, с освоением новых, наукоемких продуктов, а также разработкой и внедрением собственно технологий их производства. Для России такое взаимодействие даст возможность реализовать имеющийся научно-технический потенциал, повысить конкурентоспособность в технологически сложных отраслях и в перспективе изменить свое позиционирование в рамках экономической интеграции в АТР.

Заведующий Центром внешней политики Японии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) В.В. Кожевников поднял тему психологической составляющей в российско-японских отношениях: поймут ли, наконец, друг друга Россия и Япония? По его мнению, переговоры между странами должны вестись с учетом психологических особенностей, присущих сторонам. О перспективах развития научно-технических связей между Россией и Японией, о том, что мешает расширению этих связей, рассказал старший научный сотрудник ИВ РАН Д.Ю. Денисов.

Культура. По теме культурных отношений прозвучали доклады на разнообразных темах: от международной роли японского языка (академик РАН В.М. Алпатов) до литературно-художественной семантики горы Фудзи (профессор А.Н. Мещеряков). Академик В.М. Алпатов, в частности, констатировал, что международная роль японского языка никогда не была значительной, исключая короткий период оккупации Японией ряда стран Азии, и к настоящему времени уступает международной роли государственных языков любой другой из крупнейших стран мира. Японский язык не является языком ООН и других международных организаций и мало используется для межнационального общения за пределами Японии. Одна из причин такого состояния очевидна: японский язык ни по своей лексике, ни по грамматическому строю не похож на западные. Японские лингвисты подчеркивают, что Япония — это единственная страна "восьмерки", язык которой не принадлежит к индоевропейской семье. Это вызывает трудности в освоении японского языка в других мировых державах, а сложная японская письменность усиливает эти трудности. Наличие в современном японском языке большого числа заимствований из английского языка ненамного облегчает его усвоение, поскольку эти слова живут в японском языке своей жизнью и зачастую значительно отошли от английских прототипов.

Однако дело, по-видимому, не только в этом: соседний Китай, где язык ничуть не больше похож на европейские, и также имеется иероглифическая письменность, гораздо активнее в отстаивании его международной роли. По-видимому, международным функциям японского языка мешают и традиционные для Японии представления, согласно которым японский язык — это, прежде всего, язык для японцев, неотъемлемая часть японской культуры, мало пригодная для освоения иностранцами. Трудности в овладении японским языком зачастую преувеличиваются. Нередко японцы сознательно предпочитают общаться с иностранцами, даже владеющими их языком, по-английски, хотя уровень владения английским языком в Японии не очень высок. Видимо, на привычки к языковому изоляционизму повлияли островное положение Японии, отсутствие языков, близкородственных японскому, и многовековое совпадение между японской нацией и множеством носителей японского языка.

Традиционный языковой изоляционизм Японии стал заметно уменьшаться в 80-е гг. XX в., когда единственный раз всерьез поднимался вопрос о включении японского языка в число языков ООН, а в японской социолингвистике не раз проводились дискуссии на тему: "Будет ли в XXI в. мир говорить по-японски?". Очевидно, что это было связано с экономическими успехами страны. Но с началом периода экономической стагнации подобные разговоры стали все более редкими, а в новом веке ситуация пока что далека от оптимистических прогнозов недавнего прошлого.

Тем не менее, отметил В.М. Алпатов, знание японского языка в мире заметно растет, причем более всего даже не в США или Европе, а в странах Восточной Азии, включая Китай. Здесь усиливается международный обмен, для развития которого необходимо и наличие языкового взаимопонимания. Конечно, роль

английского языка здесь существенна, но повышается и значение других языков, прежде всего, японского и китайского.

Профессор А.Н. Мещеряков отметил, что хотя гора Фудзи представляет собой один из самых зримых символов современной Японии, и кажется, что так было всегда, однако, на самом деле это мнение ошибочно. По мнению ученого, Фудзи представляет собой неподвижный и мало изменяющийся с течением времени объект, однако его осмысление в японской культуре значительно варьировалось в зависимости от времени и культурных установок. Анализ этого образа проведен на основании литературных и избранных текстов. В докладе А.Н. Мещерякова выделяются следующие аспекты восприятия Фудзи: Фудзи как священная даосская гора (Хорай), Фудзи как священная буддийская гора (обиталище будды Мироку), Фудзи как священная синтоистская гора, Фудзи как объект поэтического творчества, Фудзи как объект религиозного паломничества и символ восточной Японии (период Токутава), Фудзи как символ Японии (периоды Мэйдзи—Тайсе—Сева).

Доцент ИСАА В.П. Мазурик проанализировал модель невербальной коммуникации в японской традиционной культуре и современной глобальной цивилизации. По мнению ученого, общение людей далеко не всегда осуществляется с помощью слов, примером чему могут служить различные формы японской традиционной культуры, включая *тяною* (традиционно переводится как “чайная церемония”). Слова в “чайном действе” если и употребляются, то не всегда в привычных для нас функциях. И хотя эти формы уходят в прошлое, но в моделях общения современной молодежи слово также перестает быть главным инструментом, что делает актуальным изучение богатых традиций невербальной коммуникации в Японии. С филологической точки зрения, особенный интерес в этом смысле могут представлять интертекстуальные системы в японской литературе средних веков. По мнению ученого, опыт прошлого показывает возможность возвращения в XXI в. к словесным знаковым системам, но в новом их качестве. В контексте этого и других выступлений также поднималась тема влияния японской культуры на российскую молодежь.

Особой темой прозвучала проблема молодежной культуры в АТР, влияния Японии на эту культуру. Так, в ответе на вопрос: “Почему японская массовая культура сегодня популярна в мире и, особенно, в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии?”, ведущий научный сотрудник ИВ РАН Е.Л. Катасонова указала несколько причин. Это, в первую очередь, высокое технологическое и художественное качество самого культурного товара, в каком бы жанре он ни был бы представлен. Во-вторых, хорошо организованная система рекламирования — так называемый “имидж-альянс” производителей, дилеров, рекламных компаний и СМИ. В то же время, по мнению Е.Л. Катасоновой, это лишь внешняя, коммерческая сторона успеха японской культурной индустрии. Суть проблемы намного сложнее: Японию и многие страны Азии на протяжении веков связывают общее историческое прошлое, общие этнокультурные особенности, общие религиозные и мировоззренческие основы, языковая близость, по крайней мере, иероглифическая, и т.д., что облегчает понимание культур в рамках единого региона и делает культурное присутствие Японии в Азии более органичным и естественным, нежели деятельность западной культурной индустрии. Как отметили участники конференции, современная Япония стала своеобразным проводником европейской культуры для азиатских стран.

Профессор МГИМО (У) МИД РФ С.В. Чугров в своем докладе “развенчал” новые мифы об уникальности японской политической культуры, введя термин “анти-нихондзин рон” (“анти-теория о японцах”). Ученый считает, что име-

ется одна сквозная линия попыток японской нации обсудить большие вопросы своей идентичности — это интеллектуальный дискурс, основанный на идее уникальности японской идентичности и получивший название *нихондзин рон* (“теории о японцах”), зародившийся в эпоху Мэйдзи, приобретший более четкие формы в 1930-х гг., достигший расцвета в 1960–1970-х гг. и начавший увядать в 1980-х гг. По мнению С.В. Чугрова, в настоящее время имеется целый ряд наиболее типичных новых стереотипов о Японии, возникших на руинах “теорий о японцах”. Он выделяет и критически осмысливает следующие мифы. (1) Японцы более равнодушно относятся к своей стране, чем раньше. (2) Япония — это полноценная современная демократия. (3) Япония — полностью безопасная страна. (4) Япония — мультикультурное открытое общество. (5) Япония — признанный мировой лидер в развитии мировой торговли и промышленности. (6) Японцы любят и берегут природу. (7) Япония избавилась от группистского сознания. (8) Беспрецедентное трудолюбие. (9) Преданность японских служащих своей фирме. (10) “Я”, зависимое от других. Ученый делает вывод о том, что в Японии органично соединились традиция и модерн/постмодерн. Они столь тесно переплелись между собой, что появился термин *дзассюсэй* (гибридизация), а гибрид нельзя искусственно разделить пополам — на традиции и постмодернизм. Японский социум воспроизводит чрезвычайно эффективный синтез модерна, постмодерна и традиций *нихондзин рон*.

*

*

*

В заключение можно отметить несомненную научную значимость конференции, поскольку на нее собрались ведущие российские и зарубежные японоведы, которые доложили результаты своих многолетних исследований. Такого рода научный “мозговой штурм” отечественным японоведам удается проводить нечасто. Особенностью конференции стал также широкий охват обсуждавшихся на ней вопросов: от экономики и обороны до культурного влияния Японии на другие страны.

Конференция способствовала повышению статуса российского японоведения в глазах зарубежных коллег, поскольку информация о ней была размещена на сайте Европейской ассоциации японоведов (European Association for Japanese Studies), членом которой является российская Ассоциация японоведов. Участие в конференции ведущих специалистов по Японии Вань Шаня из Китая и Г. Хука из Великобритании, которые впервые посетили Россию, способствовало установлению новых научных связей, повышению известности ИДВ РАН среди зарубежных японоведов.

Столь масштабное японоведческое мероприятие прошло в ИДВ РАН впервые. В определенном смысле, японская сторона заново “открыла” для себя ИДВ РАН, что будет способствовать налаживанию более тесных контактов Института с японскими специалистами и официальными лицами.

© 2010

О. Казаков
научный сотрудник Центра исследований Японии ИДВ РАН

1. Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М. 2009. 256 с.
2. Япония наших дней. 2009. № 2.

“Россия и Китай в начале XXI века” — научный семинар во Владивостоке

20 ноября 2009 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН состоялся научный семинар “Россия и Китай в начале XXI в.: взгляд в будущее”, посвященный 60-летию образования КНР и установления российско-китайских дипломатических отношений. В кратком вступительном обращении к участникам и гостям этого симпозиума директор ИИАЭ, профессор В.Л. Ларин подчеркнул значимость признания Советским Союзом 60 лет назад нового Китая и установления с ним официальных дипотношений. Он отметил высокий уровень доверия, существующий сегодня во взаимоотношениях между нашими странами и необходимость изучения опыта КНР для проведения модернизации в современной России.

В своем докладе “Российско-китайские отношения в начале XXI в.: состояние и перспективы”, которым В.Л. Ларин открыл научную часть семинара, он напомнил, что в “Концепции внешней политики РФ” (2008 г.) предусматривается наращивание российско-китайского стратегического партнерства во всех областях в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. В связи с этим ставится задача приведения объема и качества экономического взаимодействия в соответствие с высоким уровнем политических отношений двух стран.

Докладчик отметил достижения на межгосударственном уровне: общую идеологическую платформу в решении глобальных и региональных проблем; договорно-правовую и организационную основы межгосударственного взаимодействия; создание механизма для регулирования региональных проблем — Шанхайской организации сотрудничества; урегулирование пограничной проблемы; сотрудничество в военной области; рост объема торгово-экономических связей; углубление гуманитарного взаимодействия; контроль над миграционными процессами. Отмечены также достижения регионального уровня: создание приграничной транспортной инфраструктуры; рост объема межрегиональных и приграничных связей; расширение использования китайской рабочей силы на Дальнем Востоке; возникновение единого экономического пространства вдоль линии границы; расширение масштабов гуманитарного взаимодействия; формирование базы политико-административных связей и нормативно-правового фундамента приграничного взаимодействия.

Выделен комплекс проблем, препятствующих расширению российско-китайского взаимодействия:

- идеологические: отсутствие у России долгосрочной стратегии собственного развития, внятного понимания места Китая в будущем развитии страны;
- административно-политические: (различия в интересах у Центра и дальневосточных территорий);

- экономические: структура торговли, слабое инвестиционное взаимодействие, неразвитая инфраструктура и др.;
- правовые: нормативно-правовая база;
- психологические: уровень культурной взаимоадаптации, страхи, фобии;
- криминальные.

В заключение докладчик особо отметил мотивы Дальнего Востока и Забайкалья к активизации отношений с КНР: 1) осознание необходимости и выгоды от тесного взаимодействия с Китаем; 2) координацию программ развития ДВ и Забайкалья и восстановления старой промышленной базы Северо-Восточного Китая; 3) заинтересованность местного бизнеса; 4) инициативы правительства РФ по развитию Дальнего Востока.

В докладе к.и.н. Н.П. Рябченко “Россия и Китай в многополярном мире” было отмечено, что Россия и Китай являются сторонниками идеи многополярности, которой уже более 40 лет, но она так и не получила своего воплощения на практике. Это заставляет усомниться в возможности ее осуществления и более внимательно посмотреть, как устроена мировая система и каковы тенденции ее развития.

Обосновывая свои утверждения, докладчик исходит из того, что “в мире с глубокой древности существовали два полюса: Запад и Восток. Такое разделение имеет естественные основания. Оно связано с генетическими и антропологическими различиями народов, населяющих эти регионы. Кроме того, бинарные оппозиции вообще присущи природе. Подъем Запада произошел за последние пять веков, до этого мировым лидером был Восток. Сейчас на ведущие позиции в мире опять выходит Китай. Таким образом, в действительности мир биполярен, а не многополярен. Один полюс — это Западная Европа. Окружающее его цивилизационное ядро сейчас представлено Евросоюзом, несколькими не вошедшими в него соседними западными странами, а также США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией. Другой полюс — Китай. В цивилизационное ядро Востока также входят Япония, Южная Корея, часть государств Индокитая. Все остальные страны и цивилизации несут в себе черты переходности от одного полюса к другому. Россия занимает среди них особое место, так как, являясь крупнейшей державой, простирающейся между полюсами, она способна оказывать на них значительное влияние. История XIII—XX вв. показывает, что Россия, склоняясь то к Востоку, то к Западу, выполняла роль балансира в Евразии”.

Докладчик подчеркнул, тот факт, что биполярность мира имеет исключительно важное значение, так как позволяет ему развиваться, сочетая изменчивость, генератором которой выступает Запад, и устойчивость, в наибольшей степени свойственную Востоку. Лидирование попеременно западной и восточной цивилизаций связано с необходимостью решать задачи то прорывного продвижения человечества вперед, то закрепления достигнутых результатов. Нынешнее усиление восточного полюса не случайно, оно означает смену вектора мирового развития от изменчивости к устойчивости. Предстоит решить множество накопившихся в мире проблем, особенно в переходной зоне.

Историческая миссия России — поддерживать баланс между Востоком и Западом, а значит, и в мире в целом. Поэтому ей следует проводить более осторожную и взвешенную политику в отношении обоих полюсов, соизмеряя свои шаги с объективно созревшими условиями, собственными потребностями и реальными возможностями.

Представленный советником Представительства МИД РФ в г. Владивостоке В.В. Горячевым доклад “Китайские подходы приграничного сотрудничества по материалам межпартийного форума в Суйфэньхэ” был посвящен рассмот-

рению итогов 2-го межпартийного российско-китайского форума Всероссийской политической партии “Единая Россия” и Коммунистической партии Китая, прошедшего 8–10 октября 2009 г. в пограничном городе Суйфэньхэ (пров. Хэйлунцзян). Автор подробно озвучил вопросы и проблемы, которые обсуждались на форуме: укрепление таможенного сотрудничества, организация работы пунктов пропуска (например, китайская инициатива по открытию пункта пропуска Ханас на границе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и Республики Алтай РФ и пункта пропуска Чуньхуа — Барабаш (пров. Цзилинь — Приморский край); создание инфраструктуры для экономического сотрудничества, в частности предложение по ускорению строительства моста Тунцзян — Нижнеленинское, трансграничной железной дороги Мишань — Турий Рог и двух мостовых переходов — Лугухэ — Покровка и Хэйхэ — Благовещенск; строительство зон экономического сотрудничества, транспортных переходов; улучшение инвестиционного климата на трансграничных территориях и взаимодействие в правовой сфере. Докладчик обратил внимание, что с китайской стороны в форуме участвовала представительная делегация во главе с вице-премьером Госсовета КНР Ван Цишанем. По его мнению, это позволяет рассматривать позицию китайских участников как официальную позицию правительства КНР по вопросам расширения китайско-российского межрегионального сотрудничества. Подводя итоги форума, докладчик отметил, что в условиях глобального финансово-экономического кризиса сотрудничество регионов Китая и России не только имеет большое практическое значение, но и должно оказать стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие соседних территорий двух стран.

В докладе к.и.н. Г.П. Белоглазова “Строительство новой социалистической деревни” — программа дальнейшей модернизации аграрно-индустриального комплекса КНР” отмечалось, что в настоящее время в документах ЦК КПК и Госсовета КНР о строительстве “новой социалистической деревни”, материалах 3-го Пленума ЦК КПК 17-го созыва (окт. 2008 г.), посвященного проблемам и ходу выполнения программы “строительства новой социалистической деревни”, говорится о больших достижениях в развитии сельского хозяйства и современной китайской деревни. Вместе с тем, китайское руководство признает, что развитие и модернизация отрасли пока сопряжены со значительными трудностями. Без решения социальных, экономических, правовых и ряда других проблем невозможно создание современного аграрного сектора экономики и построение среднезажиточного общества.

Докладчик выделил ключевые проблемы и отправные пункты, от решения которых зависит выполнение намеченных программ по строительству “новой деревни”. Во-первых, роль экономического фактора. Дальнейшее сокращение пахотного фонда страны за счет изъятия обрабатываемых земель под городскую, промышленную и дорожную застройку ведет к обезземеливанию крестьян, лишая их главного средства производства, люмпенизирует значительную часть сельского населения, создавая социальную угрозу для китайских властей. Данная проблема усугубляется отсутствием у крестьян гарантированных прав землеустройства и реального рынка земли в стране, что тормозит рост внутреннего спроса и препятствует капитализации деревни, создает условия произвольного изъятия у крестьян пахотных земель и в конечном счете ведет к формированию на селе целого слоя “лишних людей”. Безработица на селе, избыток малоквалифицированной сельской рабочей силы и дефицит рабочих мест в городах создают постоянное давление на политику Центра и общественную ситуацию. Кроме того, на пути “построения новой социалистической деревни” остаются такие нерешенные социальные проблемы, как усиление неравномерности в распределении до-

ходов между городским и сельским населением и между различными регионами страны; проблема дискриминации в оплате сельчан, работающих в городах, и сельских мигрантов в городах в отношении возможностей их доступа к социальным услугам и правам (право на пенсию, на городскую прописку, на медицинское обслуживание, бесплатное обучение детей, оплату временной нетрудоспособности и т.п.). В заключение докладчик отметил, что главным стержнем программы строительства “новой социалистической деревни” на современном этапе считается усиление роли государства во всех сферах экономики, включая ее аграрную составляющую.

С докладом “Дальневосточное измерение политики Китая в отношении России: сущность и тенденции” выступил сотрудник Отдела международных отношений и проблем безопасности С.А. Иванов, перечисливший основные факторы, которые определяют специфику политики Китая в отношении восточных районов России. Основные среди них — геополитические (обилие природных ресурсов, удаленность Дальнего Востока от центра России, транзитное положение региона по отношению к Северо-Востоку Китая) и внутривластные (способность провинциальных и уездных властей КНР влиять на внешнюю политику центральных властей, обусловленную в основном экономическими стимулами). Особо отмечена роль региональных властей Китая в выработке политики в отношении Дальнего Востока. По его мнению, к основным тенденциям политики местных властей КНР в отношении восточных районов России следует отнести расширение вертикальных и горизонтальных связей с российскими партнерами, активное использование фактора близости с Россией с целью привлечения внимания Центра, а также для привлечения инвестиций из развитых провинций Китая, Тайваня и Гонконга.

С большим интересом был заслушан доклад ученого секретаря Отдела востоковедения Г.В. Кондратенко “Социальная модернизация Китая: реформа здравоохранения”, в котором проанализирован новый этап реформы здравоохранения в КНР. В частности, были подробно рассмотрены два базовых документа, содержащих основные меры по модернизации медицинского обслуживания населения — “Предложения ЦК КПК об углублении реформы здравоохранения” и “Проект реализации в краткосрочный период (2009–2011 гг.) основных программ в области фармацевтики и здравоохранения”. В докладе отмечено, что реформа коснулась четырех главных направлений: системы медицинского страхования, системы оборота фармацевтических препаратов, системы общественного здравоохранения и системы управления лечебными учреждениями. Было подчеркнуто, что реформа здравоохранения будет внедряться в форме эксперимента по регионам и городам, который на первом этапе включает Пекин, провинции Ляонин, Хэнань, Цзянсу и Чжэцзян.

Участники и гости симпозиума высоко оценили уровень проведенного научного мероприятия и отметили необходимость публикации представленных докладов.

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2008–2009 гг.

Диссертационный совет Д 002.217.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институте Дальнего Востока РАН по специальности 08.00.14 — мировая экономика (экономические науки) возобновил свою работу в 2008 г. в расширенном составе (17 членов совета вместо 15) после переутверждения его полномочий на основании приказа Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 20.06.2008 г. № 1193–979. Председатель совета — д.э.н., проф. Э.П. Пивоварова, заместитель председателя — д.э.н., проф. А.В. Островский, ученый секретарь совета — к.э.н. В.В. Чуванкова.

За отчетный период в диссертационном совете были рассмотрены и защищены одна докторская и четыре кандидатских диссертации. Среди них:

2008 г.

Фроленков Виталий Сергеевич в 2008 г. окончил аспирантуру в ИДВ РАН с отрывом от производства и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: **“Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами — членами ШОС”** (Научный руководитель — д.э.н., проф. В.Я. Портяков).

Работа представляет собой первое в отечественной науке комплексное исследование торгово-экономических отношений Китая с центрально-азиатским сегментом ШОС, а также Туркменией и странами-наблюдателями этой организации на уровне объемной, подчиненной единой цели работы. Актуальность темы обусловлена быстрым ростом внешнеэкономической активности бурно развивающегося Китая, стратегического партнера России, и той важной ролью, какую в современных условиях играют его экономические отношения со странами-членами ШОС и Туркменией как источниками ресурсов глобального значения. В настоящее время происходит экономическое и политическое “возвращение” России в Центральную Азию и анализ опыта партнерства Китая со странами региона может быть полезен для России.

В диссертации прослежена эволюция торгово-экономических отношений Китая и его азиатских партнеров по ШОС не только на двустороннем уровне, но и в региональном и трансрегиональных аспектах; рассмотрены экономическое взаимодействие государств-участников организации и стран-наблюдателей в реализации многосторонних коллективных проектов и возможные перспективы сотрудничества в области сооружения транспортной и трубопроводной инфраструктур, а также состояние кооперации Китая и стран ЦА в кредитно-финансовой и инвестиционной сферах; проанализировано становление ШОС в качестве международно-интеграционной структуры. Автор выдвигает целый ряд ценных с

практической точки зрения рекомендаций, направленных на укрепление экономических позиций России в Центральной Азии.

Луконин Сергей Александрович, младший научный сотрудник ИДВ РАН (в 2007 г. окончил аспирантуру в ИДВ РАН с отрывом от производства) защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: **“Роль транснациональных корпораций в экономическом развитии стран Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Японии, Республики Корея и КНР)”**. (Научный руководитель — д.э.н., проф. Л.А. Аносова).

Диссертация Лукониной С.А. чрезвычайно актуальна и посвящена изучению ряда проблем глобализации применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону, обладающему мощнейшим производственным и людским потенциалом, огромной емкостью внутреннего рынка, и роли в нем транснациональных корпораций Японии, Республики Корея и КНР, добившихся значительных успехов в создании и использовании национальных ТНК для повышения своей конкурентоспособности и активного включения в мировую и региональную экономические системы.

В работе сделан новый шаг в исследовании современных тенденций формирования и развития транснациональных корпораций Японии, Республики Корея и КНР, осуществляющихся на основе поддержки государственных программ, рассмотрены организационно-правовые формы и структура ТНК, дана оценка роли инвестиционной деятельности корпораций из этих стран и степени ее воздействия на социально-экономическое развитие и интеграционные процессы в АТР. Показана доминирующая роль японских корпораций при формировании ТНК в Республике Корея, КНР и других странах региона, выявлены препятствия на пути дальнейшей интеграции АТР посредством транснациональных корпораций. Особое место уделено анализу становления и развития национальных ТНК в России. Охарактеризованы их типы и уровень вовлеченности в экономику страны и интеграционное пространство АТР. Рассмотрена возможность использования в РФ позитивного опыта японских, южнокорейских и китайских ТНК при разработке эффективной модели дальнейшего формирования национальных компаний мирового уровня и взаимодействия с иностранными ТНК с целью развития отечественной экономики, предложены практические рекомендации.

2009 г.

Троекурова Ирина Степановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Саратовской государственной академии права, автор 65 опубликованных работ общим объемом около 100 п.л., в том числе трех авторских монографий, защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему: **“Расширение внешнеэкономических связей России в интеграционном пространстве Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества”**. (Научный консультант — д.э.н., проф. А.В. Островский).

В данной работе впервые в отечественной науке проведено комплексное исследование расширения участия России и ее дальневосточных регионов в интеграционном пространстве АТЭС. На сегодняшний день АТЭС — одна из трех самых экономически мощных и влиятельных интеграционных группировок мира, которая входит в число приоритетов внешнеэкономической политики России. Нарращивание и диверсификация связей с экономиками форума как на двусторонней, так и на многосторонней основе продиктованы российскими национальными

приоритетами, в том числе — необходимостью создания благоприятных условий для ускоренного социально-экономического развития российского Дальнего Востока.

В диссертации проанализированы условия, механизмы и особенности интеграционных процессов в АТЭС с участием России, дана оценка степени вовлеченности экономик форума в заключение двусторонних соглашений о свободной торговле; рассчитаны коэффициенты интенсивности двусторонних товаропотоков участниц АТЭС; определены количественная и качественная структура товарооборота России с партнерами по форуму; на основе анализа показательного и потенциального индексов ПИИ построена матрица интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ, позволяющей определить место каждой экономики для инвестирования; выявлены основные партнеры России в инвестиционном сотрудничестве, направления и перспективные проекты взаимодействия, а также причины низкой инвестиционной привлекательности дальневосточного региона РФ; обоснована заинтересованность участия экономик АТЭС в российских инициативах (развитие единого энергетического рынка, диалог по цветным металлам, использование Транссибирской магистрали) и реализации моделей стратегического партнерства российского Дальнего Востока с членами форума, перспектив участия РФ в Расширенной Туманганской инициативе.

Хамицаева Анастасия Анатольевна в 2009 г. окончила аспирантуру в ИДВ РАН без отрыва от производства и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: “Проблемы международной конкурентоспособности экономики КНР”. (Научный руководитель — д.э.н. Л.В. Новоселова).

Тема диссертационного исследования Хамицаевой А.А. актуальна и имеет большое научное и практическое значение для стран с переходной экономикой, в том числе и России. Анализ конкурентоспособности Китая важен для осмысления влияния происходящих в стране экономических процессов на развитие мировой экономики и других стран, а также для прогнозирования глобальных макроэкономических тенденций в долгосрочной перспективе.

В работе впервые в отечественном китаеведении проведено комплексное, системное исследование международной конкурентоспособности КНР на макроэкономическом уровне. Автором проанализированы внутризэкономические факторы, влияющие на макроэкономическую конкурентоспособность, дана оценка состояния и перспектив конкурентоспособности страны на мировом рынке, исследован уровень развития в Китае ключевых отраслей промышленности, инвестиционного потенциала, научно-технической и социальной сфер. Особое место уделено изучению воздействия современной модели рыночной трансформации Китая на уровень международной конкурентоспособности его экономики, влияния прогрессивных структурных преобразований на повышение национального инновационного потенциала, оценке эффективности инвестиций в развитии технологически емких отраслей и создании промышленности высоких технологий, в реализации многочисленных интернациональных инвестиционных проектов на территории КНР в отраслевом разрезе. Анализ влияния экономической реформы, проводимой в КНР, на развитие промышленности и уровень конкурентоспособности страны позволяет извлечь ценный опыт для проведения экономических преобразований в России.

Масленников Николай Алексеевич (в 2008 г. окончил аспирантуру в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова с отрывом от производства) защитил диссертацию на соискание

ученой степени кандидата экономических наук на тему: “**Инновационная деятельность японских компаний (1990-е — 2000-е гг.)**”. (Научный руководитель — д.э.н., проф. И.Л. Тимонина).

Диссертация Масленникова Н.А. посвящена актуальной теме мировой экономики, связанной с переходом конкуренции товаров и услуг на мировых рынках в инновационную плоскость, который пришелся на конец XX — начало XXI вв. Изучение опыта Японии в сфере инноваций важно как с точки зрения страноведения, так и разработки практических рекомендаций для России, перед которой стоит задача перевода национальной экономики на инновационные рельсы.

В работе впервые в отечественной науке разносторонне и глубоко проанализированы особенности управления инновационными процессами в японских компаниях, а также показана роль государственной инновационной политики, направленной на координацию и поддержку инновационной активности в частном секторе. Выявлены основные факторы, определяющие высокий уровень научно-технического и инновационного потенциала Японии, показана ключевая роль инноваций в достижении частными компаниями прочных конкурентных позиций на международных рынках автомобильной, электротехнической и фармацевтической продукции; разработана система количественных показателей инновационного потенциала страны, позволившая автору провести сравнительный анализ с другими странами — экономическими лидерами; охарактеризована специфика японской модели инновационного процесса на уровне компании — использование неформализованного знания в качестве важнейшего источника инновационных идей; показана тесная взаимосвязь основных мер государственной инновационной политики — финансового стимулирования инновационной деятельности корпораций, развития научно-технической кооперации между наукой и частным сектором и кластерной политикой. Обосновано, что высокий уровень инновационного потенциала страны — это результат усилий как компаний, так и государства, формирующего максимально благоприятные условия для инвестиционной деятельности частных компаний.

© 2010

*В. Чуванкова,
кандидат экономических наук*

Рецензии

Энциклопедия духовной культуры Китая. Т. 3. Литература, язык и письменность. М. Изд. фирма "Восточная литература". 2008. 855 с.

Вышедший из печати третий том "Энциклопедии духовной культуры" посвящен литературе Китая, китайскому языку и письменности¹. Авторами статей являются не только маститые ученые, давно уже работающие в китаеведении, Д.Н.Воскресенский, А.Н.Желуховцев, Е.А.Серебряков, В.Ф.Сорокин, Л.Н.Меньшиков и К.И. Гольгина (последние двое, к сожалению, уже ушли из жизни), но и исследователи, сравнительно недавно заявившие о себе.

Том открывается небольшой по объему, но весьма содержательной статьей общего характера о китайской литературе. В ней содержится характеристика процесса литературного творчества в Китае, выделяются особенности ее различных жанров — поэзии, повествовательной прозы, драматургии, отмечается, что "уникальной особенностью классической литературы Китая было то, что на всем протяжении своей истории она развивалась практически вне связи с литературой мировой (сама же она оказывала могучее влияние на литературы соседних народов, особенно тех, которые пользовались иероглификой)" (С. 19). Конечно, происходившие в начале XX в. кардинальные социальные, политические и идеологические изменения не могли не оказать своего влияния и на литературу, в которой появляются новые темы и новые персонажи, происходит своего рода "литературная революция". Подробно представлена китайская классическая поэзия, переводы которой в 50–60-е годы прошлого столетия сделали весьма популярными в Советском Союзе таких прекрасных поэтов, как Тао Юаньмин, Бо Цзюйи, Ван Вэй, Ду Фу, Ли Бо, Су Ши. Статья, посвященная данной теме, знакомит читателя с именами многих менее известных, но не менее талантливых поэтов, выясняется,

что китайская поэзия не закончилась в эпохи Тан-Сун, она продолжала существовать и при Минах и Цинах (XIV—XIX вв.). Вполне оправдано и обращение к поэтическому творчеству тех персонажей китайской истории, для которых создание стихов не было основным занятием, политиков, дипломатов, мыслителей, журналистов и т.п. Здесь называются имена Ван Аньши, Ван Тао, Ван Фучжи, Тань Сытуна, Линь Цзэсюя, Чжан Цзая, Хуан Цзуньсяня и др. И впоследствии вплоть до нашего времени многие политические деятели "грешили" сочинением поэтических произведений, достаточно назвать Мао Цзэдуна.

Большое место в томе отведено повествовательной прозе на литературном языке вэньянь и на языке байхуа. Это и рассказы III—VI вв. н.э., и танские новеллы (VII—IX вв.), и проза X—XIII вв., и китайская новеллистика о чудесном, и классические романы "Троецарствие", "Речные заводи", "Путешествие на Запад", "Неофициальная история конфуцианцев", и, наконец "Сон в красном тереме". При описании повествовательной прозы средневековья подробно говорится о ее особенностях. В частности, авторы обращают внимание на то, что "если проза III—VI вв. еще находилась на стыке записи и литературы, то танская проза принадлежит только художественной литературе. В истории литературного процесса это период авторской прозы и авторских сборников" (С. 82). Что же касается прозы X—XIII вв., то она включала в себя разнообразные по тематике произведения — суеверные были, рассказы на религиозные и мифологические сюжеты, записи происшествий, истории о грабежах, убийствах, обмане, наконец, рассказы о чудесном, удивительном, необычайном.

Говоря о средневековом романе, авто-

ры прежде всего подчеркивают его связь с национальными и культурными традициями (С. 96). Это, в частности, проявляется в появлении черт удивительного и фантастического. "Средневековую прозу на байхуа трудно представить без чудесного, волшебного" (С. 99). Одним из блестящих образцов китайской прозы является роман Цзиньпинмэй "Цветы сливы в золотой вазе", которому в томе справедливо уделено больше внимания, чем другим произведениям классической прозы (С. 102–105, 501–510). Этот роман вошел в историю мировой культуры как один из лучших образцов нравоучительной, бытописательной литературы. Автором обстоятельной статьи об истории создания романа и его судьбе после его появления вплоть до настоящего времени является А.И. Кобзев. Много интересных сведений содержится в статье, посвященной китайской драматургии. Автор раздела, один из ныне живущих патриархов русского китаеведения В.Ф. Сорокин, прежде всего обращает внимание на такую особенность китайского пьеса, как сочетание прозаических и поэтических фрагментов, притом что наибольшее внимание их создателей привлекала последняя часть и "через арию в первую очередь они старались эмоционально и эстетически воздействовать на читателя и зрителя, внушить ему свое представление о добре и зле, о происходящем в пьесе и в жизни, наконец, продемонстрировать свой талант" (С. 121). Центральную сюжетной линией многих китайских пьес была верность сановников своему государю, ибо в отличие от Европы, где "высшей формой исполнения долга полагалось служение Богу, в Китае почетнейшим видом служения представлялась государственная служба" (С. 123). Отсюда обилие в качестве персонажей министров и сановников, однако, в юаньской драме в роли героев пьес могли выступать и лица, имевшие другой социальный статус, например молодые ученые, стремившиеся добиться успеха в жизни. Расцвет китайской драмы, приходящийся на эпоху династии Юань, был повторен лишь в середине XVI и в XVII вв., когда, как отмечает В.Ф. Сорокин, талантливые драматурги насыщали свои пьесы острыми коллизиями, детально обрисовывали фон событий, давали глубокое изображение жизненных судеб героев. Подробно рассказывается и о

литературе Китая XX в., причем повествование доводится до наших дней.

Нельзя не отметить богатство словарного раздела, в котором изложены личные и творческие биографии писателей и поэтов, оставивших заметный след в истории китайской литературы (в нем более 150 имен). Естественно, что авторы, прежде всего, сосредотачивают свое внимание на анализе произведений, принадлежащих кисти авторов классических произведений, работавших в различных жанрах. Благодаря блестящему знатоку китайской литературы проф. М.Е. Кравцовой в научный оборот введено много неизвестных ранее даже специалистам имен китайских писателей и поэтов древнего и средневекового периода. Говоря о литературе XX в., авторы тома естественно не проходят мимо творчества таких выдающихся китайских писателей, как Ба Цзинь, Го Можо, Дин Лин, Е Шэнтао, Лао Шэ, Лу Синь, Лю Байюй, Мао Дунь, Чжао Шули, Чжоу Либо и др.; таких поэтов, как Ай Цин. Произведения этих авторов были достаточно широко известны в Советском Союзе, поскольку они переводились на русский язык и издавались массовыми тиражами, более того. Лу Синь, Ба Цзинь, Лао Шэ, Мао Дунь, Го Можо были представлены собраниями сочинений в нескольких томах.

Ценность тома состоит также в том, что в нем представлены писатели (и поэты), творчество которых приходится на последние десятилетия и имена которых почти или совсем неизвестны русскому читателю. Если в годы перестройки еще переводились произведения современных китайских писателей, то в настоящий период переводческая деятельность в этом отношении фактически прекратилась, что хорошо иллюстрирует библиография к статьям о представителях современной китайской литературы, где указаны только их произведения на китайском языке. Поэтому сведения, содержащиеся в этих статьях, трудно переоценить. В общем содержание первого раздела тома позволяет составить целостное представление о различных этапах литературного процесса в Китае и его представителях.

К недостаткам тома можно отнести следующие: слишком краткое описание произведений Пу Сунлина, весьма популярных в России (С. 91, 38). В статье о романе Цзиньпинмэй он почему-то назван

“эротико-бытописующим”, вызывает решительное возражение и обозначение романа как “первой мыльной оперы” (С. 506). Это не только не соответствует жанру романа, но и принижает его художественные достоинства. В статье о романе “Путешествие на Запад” не указан его перевод на русский язык (С. 399). На стр. 174 среди тех представителей интеллектуальной элиты, которые после 1949 г. прибыли на Тайвань, назван Лян Шумин, хотя на самом деле он вплоть до своей кончины в 1988 г. оставался в материковом Китае. На наш взгляд, подробное описание творчества древних и средневековых литераторов перегружает текст тома, тем более, что современные писатели представлены менее подробно. Приведем только два примера: статья о малоизвестном литераторе Лу Ци в три раза больше по объему, чем статья о Лу Сине, точно также творчество литератора Го Пу описано более пространно, чем творчество Го Можо. И эти примеры не единичны. Вместе с тем, перечень имен представителей современной китайской литературы (XX и XXI вв.) свидетельствует о серьезных проблемах, существующих ныне в нашем китаеведческом цехе. Переводы на русский язык абсолютного большинства их них относятся к 50–80-м годам прошлого столетия, количество переводов в последние пятнадцать лет исчисляется единицами. Здесь можно отметить лишь сборник переводов “Китайские метаморфозы Современная художественная проза и эссеистика” (М., 2007). Это связано, очевидно, как с уменьшением количества профессиональных переводчиков, так и с финансовыми проблемами (низкой ставкой гонорара за перевод художественной литературы с китайского языка).

Автором практически всех статей раздела “Язык и письменность” (за небольшим исключением) является известный российский специалист по китайской лингвистике доктор филологических наук О.И. Завьялова. Она подробно останавливается на происхождении и типологических особенностях китайского языка, его истории и периодизации, описывает письменный литературный (взньянь) и разговорный язык (байхуа), различия между ними, говорит о заимствованиях из других языков; анализирует иероглифическую письменность, причем не только в ее современ-

ном виде, но и под углом зрения исторической ретроспективы. Автор подробно рассказывает о происхождении и развитии иероглифов, классификации знаков, описывает китаезычный ареал Азии, а также иероглифическое письмо в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Корея, Япония, Вьетнам). Естественно, что О.И. Завьялова большое внимание уделяет характеристике существующих в Китае диалектов, которые до сих пор играют существенную роль как средство коммуникации в китайском обществе. Она делает это весьма профессионально. В то же время следовало сказать о том, что хотя официально в преподавании их запрещено использовать, тем не менее в повседневной, бытовой жизни они по-прежнему широко востребованы.

К другим недостаткам раздела “Язык и письменность” следует отнести следующие. В нем есть специальная статья, озаглавленная “Китайский язык в России”. Здесь подробно рассказывается об истории изучения китайского языка в нашей стране с перечислением фамилий российских ученых, которые внесли и вносят свой вклад в эту область научных исследований. В то же время обращает на себя внимание недооценка труда китаистов, занимающихся составлением китайско-русских словарей. О них говорится очень мало. Не упомянут, в частности, “Большой китайско-русский словарь”, впервые изданный в 1980 г. под редакцией видного советского китаеведа Б.Г. Мудрова и выдержавший к настоящему времени уже шесть изданий. Автор рецензии по собственному опыту знает, насколько это трудоемкое дело², требующее не только терпения, большой траты времени, но и профессионального владения языком, его лексикой. Вообще говоря, составление словаря — это не чисто техническая работа, очень часто оно оказывается более трудным, чем написание теоретических статей. В этой связи нельзя не отметить таких подвижников, как Н.Х. Ахметшин (недавно безвременно ушедший из жизни), А.Ф. Кондрашевский, И.В. Кочергин и др. Говоря о “Большом китайско-русском словаре” под ред. проф. И.И. Ошанина, следовало бы подчеркнуть, что это — уникальное издание, которому нет равных в мировой синологии и, вероятно, долго не будет. Российской китаеведческой науке есть чем

гордиться! Следовало бы также более подробно рассказать о реформе китайской письменности, указав на ее практический характер (ликвидация неграмотности).

Указанные недостатки обоих разделов тома носят частный характер. Говоря о нем в целом, можно сказать, что он являет-

ся серьезным вкладом в российскую китаеведческую науку. Остается надеяться, что зафиксированные в нем результаты не будут утрачены в столь сложные нынешние времена для подлинной гуманитарной науки, каким является китаеведение, а будут, напротив, в последующем приумножены.

© 2010

В. Буров, доктор философских наук

1. В 2007–2008 гг. вышли первые два тома “Философия” и “Мифология и религия”. Рецензии на них автора см. в журн. “Вопросы философии”. (2007. № 5. С. 182–187; 2008. № 5. С. 172–177).
2. В 2007 г. вышел составленный им и А.Л. Семенас “Китайско-русский словарь новых слов и выражений” (М.: Изд-во “Восточная книга”).

Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ИД “Форум”, 2009. 288 с.

Проблемы, связанные с определением места России и Китая в Евразии, активно разрабатываются историками, экономистами, политологами ряда российских научно-исследовательских центров, занимающихся китайской тематикой. В их число, безусловно, входит и Институт Дальнего Востока (ИДВ) РАН. Заместитель директора ИДВ РАН, известный российский востоковед, доктор исторических наук, руководитель Центра стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ Сергей Геннадьевич Лузянин в своей новой монографии “Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства” представил ключевые международно-политические события начала XXI века, показал их влияние на российскую и китайскую политику, возможности и ресурсы российско-китайского стратегического партнерства в сферах безопасности, энергетического, торгово-экономического, транспортного сотрудничества.

Ее важной особенностью является то, что автор попытался рассмотреть российско-китайские партнерские отношения не только на пространстве азиатской части СНГ, но в более широком географическом и геополитическом контексте сопредельных

регионов — Среднего Востока (на примере Афганистана и Ирана, Южной Азии (на примере Индии и Пакистана), отдельных частей Северо-Восточной Азии (на примерах Монголии, Дальнего Востока и Сибири РФ).

Работа состоит из пяти глав, первая из которых посвящена оценке стратегических приоритетов России и Китая в Евразии. В ней подчеркивается, что евразийский контекст внешней политики России связан, прежде всего, с поиском оптимальной парадигмы отношений с большими и малыми странами Центральной и Южной Азии, Среднего Востока и Северо-Восточной Азии (СВА), развитием интеграционного, экономического и военно-технического сотрудничества. С учетом этого ставится очевидным, что партнерство Москвы и Пекина, по мере его развития, становится фактором роста и усиления обеих стран, как России, так и Китая. Оно является существенным элементом современной структуры международных отношений в Евразии. Автор отмечает, что в начале XXI в. накал старых и новых конфликтов настолько превосходит политические и институциональные возможности международного сообщества, что это ведет к постепенному разрушению международно-пра-

вовою системы, обострению региональных кризисов, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке. Ответственность за все это возлагается на США и их союзников. В то же время в монографии четко указано, что противодействуя американскому гегемонизму совместно с Россией, Китай зачастую не всегда готов принимать ее сторону в трениях с США.

Значительное место уделено в первой главе оценке взаимодействия России и Китая в энергетической сфере, которое все явственнее становится фактором их взаимного роста и соработки на среднесрочную перспективу. Многообещающим является также вовлечение Индии в энергетическое сотрудничество России с Китаем. Автор фиксирует существенное изменение структуры мировой энергетики за последние 20 лет. Индия и Китай постепенно становятся ведущими мировыми энергопотребителями, замыкая на себя существенный прирост потребления и новые трансконтинентальные потоки энергетических ресурсов.

Автор уделяет существенное внимание изменениям в энергетической сфере Китая, которая в XXI в. для Поднебесной трансформировалась из экономического фактора в политический. Обладание дефицитными углеводородами является одним из главных условий успешной реализации Китаем стратегии реформ и развития. Поэтому он активно инвестирует в разработку нефти в ведущих мировых странах-экспортерах, включая Центральную Азию и Россию. Из большинства нефтедобывающих регионов в Китай морским путем идут крупнотоннажные потоки углеводородов. При этом резко возрастает значение обеспечения безопасности морских поставок нефти, а теперь и сжиженного природного газа. Кроме того, Пекин является крупнейшим импортером иранских нефтяных ресурсов, и его тревожит бескомпромиссная позиция США по ядерной программе Ирана. Все это повышает риски китайских инвестиций в разработку внешних источников нефти и опасности, связанные с нарушениями стабильности энергопоставок. В результате у Китая возникает повышенный интерес к инвестированию в нефтяные источники Центральной Азии. При этом за возможность приобрести активы нефтяных и газовых месторождений непосредственно в центрально-

азиатском регионе ему приходится платить практически вдвое дороже обычного.

Проявлять активность на газовом рынке Центральной Азии Китай стал сравнительно недавно. Это объясняется изменениями в его внутренней энергетической политике в связи с ухудшением ситуации со снабжением народного хозяйства топливом. Китай более явно переходит в категорию нетто-импортеров энергоносителей, поскольку эффективное вовлечение в оборот национальных энергоресурсов сопряжено в этой стране с немалыми трудностями. В последнее время вследствие нарастания дефицита нефти китайские власти начали ориентироваться на развитие газовой промышленности, которая объективно становится весомым фактором дальнейшего роста китайской экономики.

Исходя из того, что в перспективе дисбаланс между добычей и потреблением газа внутри страны будет расти, правительство КНР намерено сделать значительный упор на привлечение в газотранспортную систему страны экспортных потоков газа из Центральной Азии. Одним из следствий этого намерения стало давление Китая на государство Центральной Азии с целью получения доступа к их во многом еще неразработанным ресурсам.

Одновременно ввиду недостатка собственных инвестиционных возможностей Узбекистан, Туркменистан и Казахстан весьма заинтересованы в китайских вложениях в разведку и разработку их газовых ресурсов. Таким образом, путем капиталовложений в нефтегазовую отрасль центральноазиатского региона Китай не только обеспечивает себе доступ к его энергоресурсам, но и укрепляет стратегическое партнерство с расположенными там странами, превращая их в своих постоянных внешнеполитических союзников и экономических партнеров.

Таким образом, по мнению автора, стратегическая цель Китая в указанном регионе состоит в усилении своего политического влияния, а в перспективе — в обретении там лидирующих политико-экономических позиций.

В конечном итоге, сотрудничество в сфере энергетики одновременно дает новые импульсы для взаимодействия в формате Шанхайской организации сотрудни-

чества (ШОС), а также создания предпосылок вовлечения Китая и целого ряда других азиатских стран (Ирана, Индии, Монголии, Пакистана) в интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Вторая глава посвящена центральноазиатскому вектору российско-китайского взаимодействия на пространстве “от Каспия до Синцзяна” и, прежде всего, в рамках ШОС. Данный проект занимает все более важное место в евразийском российско-китайском стратегическом партнерстве. Автор обстоятельно анализирует институциональную основу ШОС и ряд возможных альтернативных сценариев развития организации, включая более активное привлечение к ее работе ряда стран-наблюдателей. Значительное место уделено оценке динамики двухсторонних моделей отношений России и Китая с каждым из государств центральноазиатского региона, особенно в торгово-экономической и инвестиционной сферах.

Серьезное внимание в работе уделено детальному анализу взглядов китайских ученых на повышение значимости ШОС в контексте решения региональных проблем, в частности, в связи с созданием международной антитеррористической коалиции в Афганистане и американских баз в Центральной Азии. Они фокусируют свой интерес на трех проблемах: антиамериканской направленности самого факта существования ШОС, расширении “зоны ответственности” организации и на определении стратегических задач ШОС в свете китайских национальных интересов.

Экономическое сотрудничество остается наиболее востребованной, но неразвитой сферой деятельности ШОС. Востребованность экономического сотрудничества в рамках организации связана не только с задачами социально-экономического развития ее стран-членов. В более широком плане реализация национальных проектов модернизации представляет основу для долгосрочного обеспечения безопасности этих стран, поскольку от их способностей мобилизовать необходимые ресурсы развития через многостороннее экономическое сотрудничество в значительной степени зависят привлекательность, авторитет ШОС как конкурентоспособной международной организации. Автор подчеркивает,

что несмотря на отдельные несовпадения экономических интересов России и Китая в Центральной Азии, нет оснований говорить о растущем соперничестве двух держав в регионе. Механизмы ШОС сглаживают эти противоречия, помогая адаптировать российские и китайские интересы к потребностям инфраструктурного и социально-экономического развития в зоне ее деятельности. Значительным резервом активного экономического сотрудничества является привлечение финансовых и технологических ресурсов, а это во многом зависит от двух стран-доноров — России и Китая. Формирование конкретных механизмов прямого инвестирования и участия стран-наблюдателей в многосторонних проектах сотрудничества находится в стадии реализации. В монографии подчеркивается необходимость более широкого распространения экономической информации в отношении приоритетных направлений развития региона

В трех последующих главах книги — “Региональные взаимодействия РФ и КНР на Среднем Востоке (Иран, Афганистан)”, “Южно-азиатское измерение российско-китайского взаимодействия (Индия, Пакистан)” и “Россия и Китай в АТР. Субрегиональные аспекты сотрудничества (Сибирь, Дальний Восток, Монголия)” — обосновывается основополагающая идея о том, что на евразийском пространстве Россия и Китай являются не только стратегическими партнерами по широкому спектру вопросов, но и ключевыми факторами укрепления стабильности, обеспечения безопасности и устойчивого развития при реализации различных региональных проектов на пространстве от Северо-Восточной и Центральной Азии до Среднего Востока и Каспийской зоны. Важная заслуга автора состоит в том, что им достаточно подробно и глубоко изложена проблематика, связанная с двумя центрами напряженности современного мира — Ираном и Афганистаном — и особенностями отношений этих стран с КНР и РФ. Большую ценность представляет авторский анализ сопоставимости российской и китайской моделей взаимодействия с Ираном. При этом подчеркивается тенденция прогрессирующего отставания российской модели по объемам, динамике и качеству торгово-экономичес-

ких связей. Тем не менее, стратегическая долговременная кооперация Ирана и России на глобальном нефтяном и газовом рынках производителей и потребителей в рамках перспективных проектов “Газового ОПЕК” и “Энергетического клуба ШОС” представляется автору весьма продуктивной. Новые возможности взаимодействия стран-членов и стран-наблюдателей ШОС в условиях углубляющейся мировой энергетической нестабильности заключаются в широкомасштабном использовании экспорта нефтегазовых ресурсов и транспортных услуг на основе развития соответствующей инфраструктуры. Конструктивная роль ШОС в энергетической сфере видится автору в координации энергетической политики входящих в эту организацию стран в рамках создающегося “Энергетического клуба”, что становится одним из определяющих условий сохранения конкурентоспособности экономик стран Центральной Азии. К тому же выстраивание в различных форматах участия полномасштабного российско-китайского энергетического диалога позволяет превратить элементы конкуренции в региональное, а в перспективе — в глобальное энергетическое партнерство.

В четвертой главе содержится анализ основных экспертных позиций по проблеме стратегического треугольника “Россия—Индия—Китай”. Отмечается, что в начале XXI в. к идее трехстороннего сотрудничества был подключен ряд китайских и индийских научных институтов. В рамках этой неформальной структуры как на уровне двусторонних, так и трехсторонних отношений действует ряд базовых международно-правовых документов. Автор рассматривает поэтапно складывавшуюся в 2000–2007 гг. правовую основу отношений в данном треугольнике.

Основное внимание в пятой главе посвящено рассмотрению проблем российско-китайского партнерства в международном (в рамках АТР) и сибирско-дальневосточном измерениях. Отмечает-

ся, что Россия проявляет большой интерес к различным механизмам и проектам азиатско-тихоокеанского сотрудничества, в которых Китай уже имеет прочные позиции и большой опыт. Здесь же излагаются основные взгляды Китая в отношении торгово-экономического сотрудничества с регионами России.

И, наконец, в пятой главе дается оценка возможностей взаимодействия в треугольнике “Россия—Монголия—Китай” в начале XXI в., характеризуется специфика современного сотрудничества Монголии как с Россией, так и с Китаем. В двусторонней формате внимание автора фокусируется на реформатировании и качественном обновлении повестки российско-монгольского взаимодействия в направлении оптимальной “увязки социально-экономического и инфраструктурного развития приграничных Монголии российских субъектов (Республик Бурятия, Тывы, Иркутской области и др.) с качеством и динамикой межгосударственных российско-монгольских отношений”. Здесь же рассматривается роль китайского фактора в российско-монгольских отношениях как “одного из основных ограничителей и одновременно стимуляторов” сотрудничества РФ и Монголии. Отмечается, что “в настоящее время экономический баланс (в треугольнике “Россия—Монголия—Китай”) в силу более значительных возможностей и ресурсов складывается в пользу Китая и усиления китайско-монгольского сотрудничества”.

Содержащиеся в монографии оценки, безусловно, дают представление о динамике развития политических и торгово-экономических отношений России и Китая со странами Центральной и Южной Азии и Среднего Востока. И хотя новая книга С. Лузянина отражает лишь часть большой и достаточно актуальной проблемы, она помогает понять, насколько существенна необходимость активной и целенаправленной деятельности России в упомянутых регионах Евразии.

Contents

POLITICS

S. Uyanaev. The Completion of the Third Round of "Russia-India-China" Academic Dialogue

ECONOMY

M. Potapov. 20 Years of APEC: Interim Results in the Context of Overcoming the Global Financial Crisis

S. Sazonov. Reform of China's Transportation System and the World Financial Crisis (Part 2)

Li Xing, A. Martirosyan, Zhao Zhen. Chinese Energy Security and Its Significance for Central Eurasia

L. Zakharova. Inter-Korean Economic Relations under Presidents Lee Myung Bak

RUSSIAN FAR EAST

A. Frolov. Cooperation between Russia and Asia-Pacific Countries in Dismantlement of the Decommissioned Russian Nuclear Submarines

NATURAL RESOURCES

A. Korzhubaev. Russia and Asia-Pacific Countries: Strategy of Cooperation in the Oil and Gas Sector

E. Kranina. The Role of Aquaculture in Providing Food Security in China

HISTORY

Y. Georgiev. How Joseph Stalin studied Japan

A. Khisamutdinov. The Russian Diaspora In Japan

RELIGION

M. Volkov. A History of Activities of the Russian Orthodox Church in the Russian Far East and Manchuria (19th — Early 20th Centuries)

CULTURE

Gao Mang. Remembering Alexey Rogachev. The 110th Anniversary of Famous Russian Sinologist

E. Osipova. Artistic Contacts Between the Theaters of Russian Far East and North-Eastern Asia

V. Morozova. Russian Federation and PRC: Intercultural Interaction in a Context of Regional Culture's Transformation (Taking Transbaikalie Region as an Example)

SCIENTIFIC EVENTS

A. Lomanov. "One Stalk has Two Pumpkins": Problems of Contemporary Chinese Studies Discussed in Beijing Conference

G. Lokshin. International Conference in Hanoi: May the South-Chinese Sea Became a Region of Development and Security?

O. Kazakov. International Scientific Conference "Japan in APR"

G. Beloglazov. "Russia and China in the First Decade of 21st Century" — Scientific Seminar in Vladivostok

V. Chuvankova. Dissertation approved in the Institute of Far Eastern Studies in 2008–2009

BOOK REVIEW

V. Burov. Encyclopaedia of China's Spiritual Civilization. Volume 3. Literature, Language, Calligraphy

V. Matveev. S. Louzianin. Russia and China in Eurasia

Contents

Summary

Summary

S. Uyanaev. The Completion of the Third Round of "Russia-India-China" Academic Dialogue

The paper presents the discussions and deliberations at the annual conference of political scientists of Russia, India and China held in New Delhi in December, 2009. The traditional modal theme of these meetings is the analysis of possibilities for the improvement and development of trilateral cooperation of the largest States in Eurasia. In the context of the world situation the forum participants considered the current relations between the three countries and came to the conclusion that the RIC format had created considerable incentives for multifaceted interaction. Several proposals upon further promotion of the trilateral ties have also been made.

Key words: Russia, India, China, trilateral interaction, areas of cooperation, the tripartite format, multipolarity, Afghanistan, climate change, emergencies.

M. Potapov. 20 Years of APEC: Interim Results in the Context of Overcoming the Global Financial Crisis

The author analysed results of APEC meeting in Singapore in which he participated. The assessment of the APEC forum role in present situation of overcoming the world financial crisis has been given, as well as the forecast for a future from the angle of trade and economic liberalization and integration in the region.

Key words: Singapore, Asia-Pacific Economic Cooperation forum (APEC), world financial crisis, Business Advisory Council, regional economic integration, trade and investment liberalization, facilitation of trade, sustainable development, energy security, WTO Doha Round, Free Trade Area of the Asia-Pacific (FTAAP).

S. Sazonov. Reform of China's Transportation System and the World Financial Crisis (Part 2)

The second part of the article analyses the problems of automobile industry and highways, sea ports and inland waterways, of air and pipeline transport. Due to the purposeful development of transport complex during 30 years of reforms China managed to take the first place in the world in container handling facilities' production and container transportation, became the second largest country in terms of highway length and the air passenger turnover. Today the city of Shanghai is the world largest sea port (simultaneously it is rated as the sixth world airport). Transportation development is financed by state budget combining with usage of financial and market oriented mechanism. The success of transportation development in PRC clearly testifies to the flexibility of Chinese anti-crisis strategy.

Key words: container transportation, WTO, Shanghai, Chinese autoproduction, Shoudu airport, the Yangtze River basin, "East-West" gas pipeline.

Li Xing, A. Martirosyan, Zhao Zhen. Chinese Energy Security and Its Significance for Central Eurasia

The acute shortage of domestic resources and rapidly growing demand for energy led to increasing dependence of China on energy import from abroad. Since the transportation by sea is not reliable enough, diversity of energy supply channels is imperative, and pipeline transport of the Caspian region has become the first priority. To develop relations of friendship and cooperation between China, Russia and Central Asian countries is particularly important for regional stability and security.

Key words: The Chinese import of energy, pipelines from the Caspian region, "Nabucco", CNPC, Sinopec

L. Zakharova. Inter-Korean Economic Relations under President Lee Myung Bak

The North Korean policy carried out by presidents Kim Dae-jung and Roh Moo-myun resulted in two inter-Korean summits and a remarkable breakthrough in the economic cooperation between the North and the South. The moves aimed at expanding this cooperation which were agreed at the second inter-Korean summit could have brought the two Korean States closer to each other and could have given them a good profit. However, Lee Myung Bak's election as ROK's President and his tough approach to North Korea has brought to naught a substantial part of his predecessors' efforts. The inter-Korean dialogue was suspended, the implementation of the new economic plans was frozen and the existing projects started to incur losses. At the same time, despite the tension in the inter-Korean relations at the government level, South Korean business continued to develop its activity in DPRK. In August 2009 North Korea switched its tactics from escalating economic demands to reducing them and waiting for the South's offers.

Key words: Korean peninsula, Lee Myung Bak, policy of co-existence and common prosperity, inter-Korean economic relations, Kaesong industrial complex.

A. Frolov. Cooperation between Russia and Asia-Pacific Countries in Dismantlement of the Decommissioned Russian Nuclear Submarines

This article considers international cooperation in the field of dismantlement of decommissioned nuclear submarines of the Russian Pacific fleet. Harsh financial conditions and lack of capacities to resolve this problem on its own forced Russia to call for the help of Japan, which was later on backed by other countries of Asia-Pacific region — Australia, South Korea and New Zealand. The cooperation and foreign financial aid has allowed to dismantle three submarines, to sign the agreement for dismantlement of two more and to construct the facility for radioactive waste treatment.

Key words: Asia-Pacific region, Russian Pacific fleet, decommissioned nuclear submarines, dismantlement, ship repair plant, radioactive waste, global partnership, Japan.

A. Korzhubaev. Russia and Asia-Pacific Countries: Strategy of Cooperation in the Oil and Gas Sector

The Russian Federation is the world's largest producer and exporter of oil and gas. The national gas and oil industry represents today significant element of Russia's economy and an important part of the global energy system.

Active cooperation with traditional and new major importers is the key to diversification of oil and gas exports, achievement of a structural and territorial

balance in the Russian oil and gas sector, an important guarantee of the country's economic interests.

The article surveys the current state of, and development prospects for, the oil and gas industry in Siberia and the Russian Far East, as well as cooperation mechanism between Russia and APR countries in the oil and gas sector.

Key words: Asia-Pacific, Gazprom, East Siberia-Pacific Ocean oil pipeline, natural resources export diversification, importers of Russian oil and gas.

E. Kranina. The Role of Aquaculture in Providing Food Security in China

Enhancing food security depends on the possibilities for extending the use of natural resources. In the leading fishing countries aquaculture is recognized as one of the main factors to improve the state of the economy, ensure food security, increase employment and export earnings. China has reached the average world level of consumption of fish products per capita, saturated of internal market food proteins due to the development of aquaculture.

Key words: aquaculture, aquatic bioresources, food protein, the industrial catch, market, food security, ecology, environmental management, sustainable development.

Y. Georgiev. How Joseph Stalin Studied Japan

Stalin's interest in Japan was evoked by the Japanese aggression in Manchuria in 1931 which created real menace to the Soviet Far East. From that time the Soviet-Japanese relations became one of the priorities in his foreign activities. He strictly followed the line of defender of the USSR national interests in the Far East in the face of the real threat coming out of the Japanese militarism. Stalin paid special attention to the return by the USSR of strategically important territories lost by the tsarist Russia in favor of Japan.

Key words: Stalin, Japan, national interests, history of the discovery of Kuril islands, the Pact of Neutrality, Soviet-Japanese war of 1945.

A. Khisamutdinov. The Russian Diaspora In Japan

The article describes the history of the Russian diaspora in Japan (1858 — till now). The most significant place in Japan for Russians was Hokkaido due to its geographical position. The other old Russian communities were situated in Nagasaki, Kobe, Tokyo and Yokohama. The article characterizes main business and public activities of the Russians in Japan.

Key words: Russian diaspora, societies, culture and cemeteries in Japan, Russian community in Hokkaido.

M. Volkov. A History of Activities of the Russian Orthodox Church in the Russian Far East and Manchuria (the 19th — Early 20th Centuries)

The article discusses the activities of the Russian Orthodox Church among the local population of the Russian Far East, the activities of the Vladivostok Mission among Korean immigrants in the Southern Ussuri region and the services of the Russian Orthodox Church on the territory of Manchuria as well. Although the Harbin Diocese established there was not commissioned to carry out missionary activities, the local Chinese and Manchurians became more familiar with the Orthodoxy by communicating with Orthodox Christians, entering into mixed marriages and attending Orthodox church services. Even in conditions when direct missionary activities on the territory of the Far East

were impossible, the Orthodox Church played an important role as a promoter of Russian spiritual culture in that region.

Key words: Russian, Orthodox Church, mission, the Far East, Manchuria, local population, diocese.

Gao Mang. Remembering Alexey Rogachev. The 110th Anniversary of Famous Russian Sinologist

The famous Chinese specialist in the Russian philology tells about life and activities of the prominent Russian sinologist, diplomat, scientist, interpreter and educator, dwells on his contribution to interaction between Russian and Chinese cultures. The author particularly appreciates the translations of Chinese classical novels "Shui hu zhuan" and "Xi you ji", made by Alexey P. Rogachev.

Key words: China, translations of Chinese literature, "Shui hu zhuan", "Xi you ji", Alexey P. Rogachev.

E. Osipova. Artistic Contacts Between the Theaters of Russian Far East and North-Eastern Asia

The article is devoted to contacts of Chinese, Korean and Japanese theaters with Russian Far-Eastern and Siberian theaters during late Soviet and post-Soviet periods.

Key words: theater, dialogue of cultures, North-Eastern Asia.

V. Morozova. Russian Federation and PRC: Intercultural Interaction in a Context of Regional Culture's Transformation (Taking Transbaikalie Region as an Example)

The article deals with cross-border cooperation of Russia and China in the context of intercultural interaction. The author examines the processes of transformation of regional culture, proves the thesis about the formation of a new socio-cultural identity in the region.

Key words: cross-cultural interaction, regional culture, socio-cultural identity.

Кукушкин Ким Васильевич
10 мая 1926 г. — 24 января 2010 г.

24 января трагически оборвалась жизнь известного историка-китаевода Кима Васильевича Кукушкина.

К.В. Кукушкин родился 3 мая 1926 г. в коммуне “Новый путь” Парфеньевского района Костромской области. После окончания средней школы в 1941 г. он поступил в Московский авиационный техникум им. Годовикова, который окончил в 1945 г. по специальности техник-механик по монтажу вооружения на самолетах. В 1945–1946 гг. работал в этом техникуме старшим лаборантом.

В сентябре 1946 г. поступил в Московский институт востоковедения, окончив его в 1951 г. по специальности “страновед по Китаю”. В том же году был зачислен в аспирантуру исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В январе 1955 г. Ким Васильевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: “Подъем национально-освободительного движения в Китае накануне антияпонской войны”. В 1954–1957 гг. работал младшим научным сотрудником в Институте восточных языков при МГУ.

В 1957 г. К.В. Кукушкин перешел в Институт китаеведения АН СССР, где работал до 1961 г., а затем в связи с его реорганизацией был переведен в Институт народов Азии АН СССР. С ноября 1967 г. К.В. Кукушкин работал в Институте Дальнего Востока старшим научным сотрудником, заведующим Сектором новейшей истории, ведущим научным сотрудником ИДВ РАН.

К.В. Кукушкин являлся высококвалифицированным специалистом по новейшей истории Китая, принципиальным и инициативным организатором научной работы на вверенном ему участке, принимал участие в крупных научных исследованиях. За время работы в Институте Дальнего Востока им было опубликовано самостоятельно и в соавторстве около 50 научных статей. В качестве автора и редактора К.В. Кукушкин принимал активное участие в издании таких монументальных трудов, как “Всемирная история” (т. V–X), “История национально-освободительного движения народов Азии и Африки” (в 3-х т.), “Коминтерн и Восток”, “История Китая в новейшее время”, “Очерки истории Коммунистической партии Китая”, “Новейшая история Китая”, “КНР. Краткий исторический очерк” и многих других. Он постоянно выступал со статьями по исторической тематике в средствах массовой информации. К.В. Кукушкин неоднократно участвовал в научных семинарах и дискуссиях во время заграничных командировок в Великобританию, Италию, Болгарию, Польшу, Чехословакию, ГДР, КНР.

На протяжении нескольких лет К.В. Кукушкин совмещал свою научную деятельность с работой в должности заведующего отделом истории в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, где подготовил ряд ярких и глубоких публикаций.

В последние годы жизни Ким Васильевич находился на пенсии. Однако он поддерживал себя в “боевой” форме, бегал на лыжах, “отдавал дань” русской бане, много читал.

Сотрудники ИДВ РАН и журнала “Проблемы Дальнего Востока” выражают соболезнование семье покойного. Мы будем всегда помнить Кима Васильевича Кукушкина — нашего доброго и хорошего товарища, принципиального и вдумчивого ученого, обаятельного человека.

*Дирекция, общественные организации, коллектив ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-gas.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 15.02.2010 г. Подписано к печати 17.03.2010 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 10,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 674 экз. Зак. 99

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-gas.ru

Оригинал-макет © 2010 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.